

7

2023

ISSN 0132-1625

СОЦИОЛОГ

С. Тернер о прогрессе
социологии

Социолог в поле:
осторожно, дети!

Молчание - золото?

Китайцы о русских –
«Боевая нация!»

По обе стороны
колючей проволоки

Журнал основан
в июне 1974 года

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ

- 3 ТЕРНЕР С.П. Прогресс социологии? (пер. Н.В. Романовского)

ДЕМОГРАФИЯ. МИГРАЦИЯ

- 17 ЭНДРЮШКО А.А. Брачный выбор иммигрантов в России: основные характеристики и связь с интеграцией
31 АРГУНОВА Е.В. Динамика репродуктивных установок петербурженок фертильного возраста (2011–2021)

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

- 40 СМОЛЕВА Е.О. Социально-психологическое состояние населения Вологодской области в кризисные периоды: социально-структурные характеристики
53 ПЛУТОВ Л.Е., РУСАКОВА М.М., ГУЗЕВА Д.В. Цифровизация психологической помощи: факторы и тенденции (на примере Санкт-Петербурга)

СОЦИОЛОГИЯ ДЕТСТВА

- 63 САВИНСКАЯ О.Б. Современные принципы интервьюирования детей: инклюзия, доверие, агентность
75 БЕССЧЕТНОВА О.В., МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА С.Н. Освоение социальной роли пациента в период детства
84 СПИРКИНА А.К. Игра в «молчанку» как форма социального взаимодействия

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

- 93 НАРТОВА Н.А. Индивидуальное и поколенческое будущее в нарративах петербургской молодежи
105 АНДРЕЕВА А.С. Три измерения взрослости в XXI веке: ответственность, свобода и забота
-

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- 117 РЯЗАНОВА С.В., МИТРОФАНОВА А.В. Исправительно-трудовая колония «Пермь-36» в памяти жителей окрестных деревень

ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ. ЗАМЕТКИ

- 127 ЖЭНЬ ЖАНЬ. «Боевая нация» – национальный образ России в Китае
133 БАССАЛАТИЙ Ж.В., ВЕРХОТУРОВА С.В., ЛОСЕВ С.Г. Правосознание студенческой молодежи (на примере Тюмени)
142 СЕКИЦКИ-ПАВЛЕНКО О.О. Оценка россиянами мер демографической политики в области рождаемости

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 148 КАРАПЕТЯН Р.В., ТАРАНДО Е.Е. От рынка труда к рынку занятости: новая реальность
151 БОЧАРОВ В.Ю., КЛИМОВА С.Г. Инновативные ресурсы и траектории российских работников в современных условиях
154 БИЙЖАНОВА Э.К. Универсальный базовый доход как инструмент борьбы с неравенством
158 ПРОНИНА Е.И. Образование и рынок труда
161 ТАНАТОВА Д.К., ХАЙРУЛЛИНА Н.Г. XXVIII Социологические чтения РГСУ

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ КНИГОЙ

- 164 РАЗУМОВ А.А. Уровень и качество жизни населения России: новые повороты научных исследований

КОРОТКО О КНИГАХ

IN MEMORIAM

- 174 Крухмалев А.Е.

CONTENTS

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или на обложке журнала в № 1 и № 6. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc и обязательно три печатных экземпляра на адрес редакции. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение 2-х месяцев со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода печатной версии.

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

Теория. Методология

От редакции. В преддверии юбилейных XXV Харческих чтений, традиционно посвященных теоретико-методологическим вопросам социологии, публикуем перевод статьи С.П. Тернера, любезно предоставленной журналу автором. В предыдущих номерах (2022, № 7: 15–27; 2023, № 4: 15–27) были опубликованы переводы двух его статей. Ниже печатается подготовленная С.П. Тернером глава из коллективного труда «Новые философские взгляды на научный прогресс» (“New Philosophical Perspectives on Scientific Progress”), вышедшего в 2023 г. в издательстве «Routledge». Журнал благодарит автора за эту любезность.

© 2023 г.

С.П. ТЕРНЕР

ПРОГРЕСС СОЦИОЛОГИИ?

ТЕРНЕР Стивен Парк – заслуженный профессор департамента философии Университета Южной Флориды, США (turner@usf.edu).

DOI: 10.31857/S020736760026579-5

Вопрос, растет ли социология, прогрессирует ли она содержательно и в каком смысле, всегда стоял перед социологией [Bell, 1982; Collins, 1981; Deutsch et al., 1971; Rule, 1997]. Он осложнен свойствами предмета и техническими проблемами социологии. Строго применять к ней традиционные представления философии науки о прогрессе, в общем-то, бесполезно, т.к. у социологии нет теорий, вокруг которых строятся традиционные понятия прогресса; у ее «механизмов» иной характер¹, а прогнозы по причинам, о которых ниже, трудно отделить от описаний. Прежние труды по этому вопросу обсуждали способы получения надежных представлений или, как минимум, опровержения неверных. Но, как показано ниже, и эти претензии проблемны: простота – традиционная когнитивная ценность науки – применима к прогнозным теориям, но применение к сложным социальным ситуациям часто ведет просто к редукции. Критерии решения загадок более перспективны, но и этот путь проблематичен: загадки формируются извне проблемами политики или культуры – они не просто продукт неверных теорий или процессов в самой науке, создающих загадки.

Тем не менее есть основания рассмотреть социологию в ее отношении к вопросу прогресса, т.к., очевидно, большая часть остальной науки, особенно биомедицина, схожа с социологией по ряду важных черт вследствие выросшей роли статистических моделей. В социологии построение моделей – стратегия, наиболее близкая к точной науке; здесь прогресс ожидаем, а его основная форма – каузальное моделирование, стала центром этой главы.

Статистика утверждает, что сами научные теории – лишь статистические модели; верны они или нет, проверка статистикой обеспечивает некую уверенность. Это полуправда.

¹ В классической формулировке «механизмы – это единицы и действия, организуемые так, чтобы производить регулярные перемены от начала или создания до конца или истечения условий» [Machamer et al., 2000: 3]. Едва ли хоть один из таких механизмов «регулярен», не говоря уже о рядах производителей перемен, организованных в группу.

Правда в том, что общенаучные теории проверяются превращением их в статистические модели, при определенных условиях допускающие прогноз. Было бы ошибкой полагать, что выведенные из удачных моделей теории обязательно допускают генерализацию или в форме еще более общих теорий, или в виде общеприменимых механизмов. Одна черта, отличающая социологию и социальные науки, – способность их моделей к генерализации. Проблема генерализации, я ее назову семантической нестабильностью, – суть обсуждаемого в статье. Но для понимания ее значения нужен развернутый экскурс в историю методологической мысли социологов.

Я делю свою главу на три части. Первая – введение в две разные взаимодополняющие традиции социологической методологии и их ограничения. Обсудив проблемы «теории» и ее отношение к проблеме генерализации, я перейду к главному вопросу обычной количественной социологии – к проблеме, известной по названию классической методологической работы «Каузальная инференция в неэкспериментальном исследовании» [Blalock, 1961], т.е. к построению статистических моделей некой каузальной значимости. Конечно, в социальных науках много применений количественных моделей, но связанные с ними трудности весьма схожи. Блалок в 1961 г. назвал «недостатки исследований в социальных науках»: «серьезные ошибки измерений, неспособность рандомизировать и реплицировать, высокий процент необъясненных вариантов, множество неизмеренных переменных и нечеткие концепты» [1961, viii]. Примеры показывают, что и сейчас дело обстоит так же. «Качественная», или интерпретативная, традиция в социологии связана с *case studies*, вторая традиция работает с проблемой, которую можно приблизительно назвать культурной спецификой социальных процессов. У этого вопроса сложные связи с концептом прогресса – ниже я обсуждаю их на двух примерах исследовательских проблем социологии, где, можно сказать, был прогресс. В заключительной части обсуждена применимость ряда философских взглядов на прогресс науки к этому материалу и в целом к социологии.

Два подхода и их соотношение. У социологии как дисциплины истоки лежат в двух различных традициях. «Количественная» традиция (от Конта, Кетле и Милля) преобразовалась в статистическую традицию, выраженную в методах Пирсона и Эджвуда. Она построена вокруг корреляций, что креативно применено к социологии Гиддингсом и его учениками. «Качественная» традиция связывается с концептом понимания, историзма, с Дильтеем, феноменологией и – в чем-то ошибочно – с Вебером, пытавшимся примирить эти две традиции. Различия между ними повторяют объяснения особенностей понимания: в качественной традиции объяснение сводится к пониманию; в количественной – понимание есть источник проверяемых гипотез и важное фоновое знание моделирования и измерений. Главная характеристика обоих подходов – зависимость от категорий, выводимых из понимания агентов, из объяснения их действий – не из чисто теоретических концептов. Субъект, социальный мир – по определению – в некотором смысле уже «известны» его участникам. Социология, по необходимости, в каком-то смысле – форма поиска второго порядка. Отсюда глубокие последствия для понимания прогресса: категории агентов соотнесены с историко-социальным контекстом, в отличие от категорий естественной науки.

Социологи после Конта и Кетле следовали модели физики, но такие «модели» так и не приблизились к моделям исходным, несмотря на концентрацию усилий и ряд реконструкций данной модели, допускающих сравнения. То, как социология сегодня верна исходному стремлению открывать законы, выводя их из дедуктивной структуры, сохраняет исходное стремление найти каузальные корреляции, достаточно робастные в разных контекстах, подвергаемых стандартной проверке статистикой. Сходство между этим проектом и общими теориями сводимо к следующему. Так же как закон физики сохраняет форму независимо от распределения его примеров, виды корреляций, считающиеся подлинно каузальными, не меняют форму, будучи поделены на части, т.е. когда точки данных

делятся на группы по основанию каузальных переменных, имеющих потенциал влияния на статистические распределения².

Этот стандарт негативен. Он утверждает, что якобы на каузальную корреляцию «не влияют» какие-то иные причины, и эта корреляция недоказуема. Ясно, нельзя исключать возможности наличия каузальной переменной, не обладающей таким эффектом. Следовательно, каузальность – всегда предположение (см.: [Pearle, 2000: 136–137, 139, 174–182]). Но она все же применима для каузальной инференции и действительно может напоминать реальную ненаучную бытовую каузальную инференцию, допуская, что эта модель имеет релевантные переменные представляемых ею процессов. Это менее проблематично, когда данная каузальная ситуация, так сказать, локальна, и можно положиться на локальное знание возможных каузальных отношений. Проблема статуса локального знания обсуждена ниже – и это главная забота качественной традиции.

Возьмем пример модели каузальных детерминант подростковой беременности в США [Rodgers, Rowe, 1993] для иллюстрации базовой ситуации построения модели, её задач и ограничений. Те же соображения распространяются и на количественную традицию. Каузальные отношения моделируются путем сборки переменных, которые, как ожидается, влияют и на исход, и друг на друга, и на устранение тех отношений, которые невозможно установить, – например влияния, уходящие глубоко в прошлое, – подвергая оставшийся набор отношений статистическому анализу, определяющему, какие вариации результата предсказуемы на основе расстановки переменных, дающей наилучшие прогнозы. Потом можно применить ту же модель к новым условиям, например к иному населению, чтобы понять, «робастна» она или лишь локальна. Создатели этой модели описывают свои результаты так: «Параметры, оцениваемые в ходе наших оценочных проверок, были строго интерпретабельны и достоверны. Более того, проверка применения показала ряд данных о том, как будет работать этот мир при упрощении допущений данной модели, и о том, как она работает в той мере, в которой эти допущения разумны» [Rodgers, Rowe, 1993: 503].

«Цель» – «воспроизводство базовых паттернов в преобладающих данных, т.е. каузально релевантных паттернов». В то же время признается, что «иные подходы могут, вероятно, столь же хорошо воспроизвести данные». Признана возможность комбинаций – в данном случае между моделью, «обладающей меньшим теоретическим богатством», и «воспроизводимыми данными, которые немного лучше», и альтернативной статистикой, которая «тоже может соответствовать этим данным» [там же].

Заявленное преимущество этой модели зависит от «способности интерпретировать параметры и сущностное знание, вытекающее из тестирования адаптаций модели» [там же]. «Сущностное знание» здесь означает, что, с учетом возможных допущений, мы узнаем чуть-чуть лучше, чем знали до приложения модели к конкретному эмпирическому кейсу. Авторы признают: «[М]ы были бы безответственны, полагая, что нашли правильную модель развития сексуального поведения подростков – по ряду причин. Первое – известное упрощение описываемой здесь реальности на основе социального взаимодействия и влияния процессов среди подростков, – одно из десятков или сотен возможных и пригодных» [там же].

Они отмечают возможность помех и иных причин, не попавших в модель: «влияние родителей..., реакция индивида на сексуальное просвещение в школе, неизбежные гормональные вариации, ...и многие другие процессы, важные для развития сексуальности подростков. Она упрощает реальность, объясняемую нами, проецируя эту реальность на одну конкретную сферу» [там же]. Конечно, они тоже полагают, не считая нужным фиксировать, что их результаты привязаны к контексту, который представляет собой практики, установки и т.д. – весь «задний план» каузальных механизмов. «Базовые паттерны», которые они пытаются выделять, культурно и исторически меняются. Эти перемены – вне модели.

² Это как раз случаи, создающие парадокс Симпсона.

Это базовая логика каузального моделирования. Налицо некий стандарт улучшения, прогресса: снижение ошибок прогноза. Но, конечно, есть разрыв между прогнозом и объяснением. Хороший предиктор в случае подростковой беременности – курение; но оно не причина. То есть интерпретации или каузальным предположениям нужно пройти путь от сырых фактов статистики до каузальных выводов. На чем основаны эти предположения? Обычный путь – не обосновывать их, делая безобидные замечания, с которыми не поспоришь, например: курение не вызывает беременности, – и пусть данные развеют сомнения. Но обычно этот путь оставляет неснятыми многие «возможные» причины, включаемые в модель потому, что они не сняты. Многие эти «причины» проблематичны: они могут страдать, например, от неоднозначной стрелы причинности; рассмотрение их как причин часто связано с анекдотичностью или фольклорным их характером. Им также могут содействовать более масштабные социальные теории – классов или стратификации, подсказывая категории и переменные. Но их нельзя отбросить как невозможные.

Те же проблемы есть при измерениях. Рассматривая конкретную шкалу, основанную на ответах анкеты, даже если ее широко применяют как «меру», мы полагаемся на некое чувство, интуицию, – эта шкала-де есть концепт, принятый в теории или при релевантной концептуализации. А она тоже зависит от контекстуального, в основном «локального» знания о том, что вопросы анкеты могут значить для респондента. Известный, высмеянный и часто повторяемый пример – шкала жилища Ф.С. Шэпина [Chapin, 1928], позволяющая интервьюеру в жилище респондента отнести его к некой социальной категории, наделив предметы мебели и другие объекты в комнате индексными номерами. История измерений в социологии вкратце такова. До «Индуктивной социологии» Гиддингса [Giddings, 1901] исследователи полагались или на официальную статистику, или на сбор информации, основанной на конвенциональных категориях. Гиддингс первым выдвинул идею количественных суррогатов концептов, вроде «трудовых беспорядков». Его ученики, создатели базовой рамки количественной социологии, приумножили подобные концепты – открыв социальную жизнь для квантификации на основах концептов социальной теории и на проблемах политики. Но в каждом случае мера зависела, как и шкала жилища, от локального, контекстуального знания «значения» шкалируемой вещи. Шэпин тщательно валидизировал шкалу, показав, что её элементы привязаны к релевантным измерениям статуса. Но сами предметы были нестабильны как индикаторы, их прогнозные значение и ценность менялись со сменой моды.

Последствия нестабильности – отсутствие чего-либо похожего на принцип естественного единообразия – таковы: хотя эти корреляции могут служить основой для претензий на каузальность, они страдают одним ограничением: неизвестны масштаб и условия их применения, а отношения каузальности и сама корреляция могут утрачивать применимость. Иными словами, это не общие утверждения: это модели, применяемые тогда, когда их применяют. То же относится к категории «мера». Мера в социологии – не набор четких, высокогенерализуемых измерений, вытекающих одно из другого, – она скорее применима по месту и времени и привязана к теоретическим концептам локальным знанием.

Локальное знание и понимание: качественная традиция. Количественная социология зависит от локального знания. Но что такое локальное знание, как оно связано с социологией как производящей знание системой, в каком смысле оно прогрессирует? Об этом можно много говорить. Но главное здесь то, что оно «локально» в смысле отличия от иных условий; это отличие создает проблему, загадку, которые надо объяснять. И это знание – в широком смысле термина – включает практики, создающие верования, установки, опыт, намерения, формируемые конкретными условиями.

М. Морган и А. Хиршман недавно показали ситуацию сравнений локальных условий, обсудив *case studies*. «Главный метод такой социологии, обычно обозначаемой как “этнографические” или качественные, ассоциируемые с “методом” включенного наблюдения: Нет простых сравнений для работы методом *case studies*, т.к. то, что находится в распоряжении исследователя, не просто факты, наблюдения или феномены, не говоря уже

о готовых описаниях феноменов, ждущих, когда их переопишет социальный исследователь. Это нечто менее очевидное. Клиффорд Гирц, антрополог, описал эту проблему так: поле дает исследователю узел загадок; множество сложных концептуально структур, многие из них наложены друг на друга, соединены, что одновременно и странно, и необычно, и неочевидно; надо исхитриться, чтобы сначала понять, а потом изложить суть дела (Geertz 1973, 10)» [Morgan, Hirschman, 2017: 5].

И добавляют: «работа с *case studies* в социальных науках – метод поиска, наиболее продуктивный в изучении загадочных единичных случаев, не в новом описании материала, укладывающегося в общую гипотезу или теорию» [там же]. Для нашего случая здесь важно следующее. Данная загадка имплицитно или эксплицитно сравнительна; решение лежит в сложении воедино элементов контекста, таких как конкретные верования, практики, которые нельзя заранее считать релевантными (если бы это было так, загадок не было бы). Решение здесь таково: разобраться в исходно загадочных практиках и тем самым в верованиях, опыте и остальном «локальном знании».

То есть для *case studies*, этнографии «исправление» принимает форму выявления контекста, позволяющего лучше разобраться. Как правило, это значит сделать эксплицитными изученные скрытые черты локального знания – такие как нормы культуры. Это могут быть новые сравнения, к примеру – между одной культурой бедности и другой, что указывает на дополняющие сходства/различия, релевантные исходной интерпретации и ее модификации. В таких случаях новые сравнения создают новые загадки и новые решения. В строгом смысле это сводится к изменению объекта, но к такому изменению, которое поглощает исходные загадку и интерпретацию и в этом смысле выступает как прогресс. Кратко – есть процесс критики, форму которой можно сделать эксплицитной и образцовой. Этот процесс излагали по-разному [Geertz, 1973; Roth, 1989; Turner, Carr, 1978; Turner, 1980], но не всегда убедительно и с элементами идеологизации.

Мотивы такого рода исследований часто политические или идеологические: то, что выглядит загадкой, требует понимания, может задеть локально сформированные чувства социальной справедливости, правды. В случае культуры бедности, например, в адрес «культурных» подходов звучали упреки за переложение вины на жертву, требования обвинять «контекст» – «капитализм» [Wacquant, 2002]. Для критики такого рода предложенные объяснения неполны, поскольку то, что не является загадочной практикой в одной аудитории – нормальное поведение капиталиста, – загадочно, проблематично в аудитории со своей политической позицией. Короче, «понимание» требует понимающего с конкретной когнитивной повесткой и конкретными эпистемными запросами, чтобы предмет был ясен.

Качественные и количественные подходы в каком-то смысле дополняют друг друга. «Понимающий подход» дает знание для суждения о достоверности. Количественный подход определяет силу каузальных отношений и способ их объединения для производства каузальной структуры. Известна модель объяснения, именуемая «лодкой Коулмена». Она работает так: для показа каузального отношения двух «микро» или социетальных атрибутов – таких как протестантское религиозное учение и ранний капитализм – требуется не просто корреляция. Нужен механизм, делающий достоверным каузальное отношение. Мы не можем полагаться здесь на локальное знание: его нужно добыть через понимание ранних капиталистов и ранних протестантов, интеллектуально чуждых нам. Мы делаем это, реконструируя ментальный мир, где соединены религиозные мотивации и действия капиталиста на уровне индивида. Таков «механизм», делающий достоверной претензию на причинность. В иных сферах – экономики, например, механизмами могут быть просто реконструкции рационального выбора.

Внешне такие «механизмы» выглядят более или менее схожими по функции с механизмами химических процессов в биологии. Биологические механизмы считаются робастными во многих случаях, пример – виды, классы организмов. Считается также, что они более или менее полно представляют некую каузальную трансформацию, обычно ту, что воспроизводится в контролируемых условиях эксперимента. Их можно

рассматривать – в контексте эпидемиологии, например, – как дополнение данных статистики, таких как механизм в социальной науке. Есть серые зоны, где статистические связи поняты плохо, но считаются достоверными каузально и в социальной науке, и в медицине. Врачи называют это «эмпирическими» связями, подразумевая, что механизм не совсем понятен, но, вероятно, существует, и в практике здесь возможно вмешательство. Разница между этими полями такова: наше понимание этих связей в медицине можно улучшить (полностью установив каузальные химические связи), а в социальных науках они остаются на уровне вероятного локального знания.

Совсем иное дело – возможность верифицировать механизмы другими средствами, не просто атрибуцией их к корреляциям, основанным на локальном знании. Хотя могут сказать, что эксперименты в экспериментальной экономике и социальной психологии выполняют ту же функцию при сертификации механизмов, суждения о достоверности гораздо сильнее привязаны к соображениям применения в локальных контекстах. Тем не менее налицо сильные сходства с биологическими науками в плане вариативности.

Может показаться, что раскрытие смыслов поведения, по меньшей мере до момента обеспечения достоверной атрибуции каузальности к корреляциям, достаточно как замена экспериментальных данных о регулярности, требуемой от «механизмов», так что лишь один пробел является эпистемным: неспособность ставить эксперименты – лишь некая случайная черта ситуации. Достоверность – это не каузальность, часто это лишь слабый, иррелевантный путь к ней. Мотивы (reasons) – это причины только в смысле низкой вероятности, что показал Д. Дэвидсон [Davidson, 1963]; есть ряд причин, входящих в социальную активность и действия людей, которые не являются мотивами (reasons). *Case study* и этнографический подход пытаются держаться материала социальной жизни, проживаемой и артикулируемой агентами. Это исключает большую долю потенциальной каузальной базы действия, которая находится вне пределов таких способов выражения. Самопонимание часто бывает самообманом, а глубинные источники наших желаний и ментальных процессов скрыты для нас, как и для наблюдателя. То есть если можно стремиться к полной репрезентации комплексного биологического процесса и его условий, «понимание» никогда не превысит частичное представление о каузально релевантных процессах. В социальной науке мы находим абстракцию. Самые детализированные механизмы, такие как теория решений, – абстракции, которые математически удобны, но не репрезентативны для актуальных процессов размышления, тем не менее предсказательны для изучаемых высокоагрегированных данных.

Это случай целевой относительности, предполагающий постановку важных проблем. Во всей социальной науке общим местом является то, что социальная наука должна быть «эмансипативна». Это подразумевает возможность некой интервенции, которая решит определенную нормативно определяемую проблему практики. Искомая каузальная модель коррелирует в этом случае с некой целью или сравнением, в том смысле, что есть проблема, которой нужно заняться посредством изменения некоего условия или набора условий. Говорить о прогрессе в построении модели – значит говорить о ней в отношении к этим целям. Большая предсказуемость – прогресс. Но то, что мы хотим предсказать, определено целями самого поиска.

В случае каузальных, ориентированных на практику моделей задача – установить главные последствия и достаточную каузальную структуру целей вмешательств или отказа от предлагаемых вмешательств. Но все условия «каузальной структуры» релятивны к цели или сравнению, для удобства я могу также сказать – «релятивны к проблеме». Некий «главный эффект» релятивен к компаративному, контрфактическому вопросу, но сравнение с какой-то ситуацией таким главным эффектом не обладает. Термины, используемые при обсуждении этих моделей, например экзогенность/эндогенность (порожденная в системе или внешняя для системы каузальность) и идентификация (уточнение каузальных связей), термины типа сверх- или недоидентификация (недостаточность каузальных связей для выявления релевантной структуры или включение слишком многих

мешающих или запутывающих переменных, скрывающих суть релевантной структуры), – все они часть поиска релевантных исследованию данных. Это не предзаданные категории – в глазах бога одна связь столь же важна, как и другая.

Это путанные соображения, но приближенно их можно суммировать так. Есть четыре разные проблемы: каузальность, предсказуемость, различимость и вмешательство. В традиционной философской литературе предложены аргументы, определяющие каждую из них в терминах других, а в образцовом случае законов физики они, видимо, одно и то же. В случае статистических моделей активности людей, однако, они ведут нас в разных и часто конфликтных направлениях. Курение – хороший предиктор, но не причина беременности. Однако оно также может выступать в качестве таковой для многих диспозиций за пределами различимости и играть каузальную роль для действия. Различимые действия имеют причины низкой вероятности, а части каузального процесса, раскрываемые посредством *Verstehen*, – малая доля общей каузальной ситуации. Более того, в экономике абстракции, выводимые из сложности действия и решения, могут хорошо предсказывать, вопреки своей плохой репрезентативности для всего каузального процесса. Вмешательство требует изолировать подвергаемую вмешательству систему – здесь мы различаем экзо- и эндогамию – от огромного сопутствующего мира корреляций и причин, а мысленный акт изоляции системы зависит от спорных суждений по поводу достоверности, а также от привязанных к вмешательству целей конструирования некой модели системы. Все эти черты построения моделей связаны с проблемой прогресса, лучше всего понятной из примеров.

Прогресс в двух темах социологии. Целесообразно свести эту дискуссию от уровня абстракции до конкретных предметов, чтобы иллюстрировать проблемы с концептом прогресса, порождаемые спецификой социологических поисков. Я рассмотрю две области исследований, в которых была траектория, показывающая, с каким видом прогресса связана каждая из них. Одна – это «теория», другая – статусные различия. Первый пример коснется двух близких проблем теории элиты, проблемы правящего класса и проблемы власти на местах (*community power*). Второй – литература о достижении статуса, часто оцениваемая как крупный успех количественной социологии.

Исходная идея теории элит: власть немногих признают все – независимо от идеологии общества, включая эгалитарную, согласно «железному закону олигархии» Р. Михельса. Его исследование политических партий показало, что социал-демократическая партия Германии сама была олигархичной [1911, 1915]. Классические формулировки этой теории Г. Моска [1896, 1939] и В. Парето [1916, 1966] сфокусированы на правящем классе и применяются к политическим обществам. Претензии Моска универсальны: все организованные общества делятся на правящий и управляемый классы; это результат «констант и тенденций, обнаруживаемых во всех политических организмах» [Burnham, 1943, 98]. Таково следствие, в принципе, психологического драйва к преобладанию, а в плане состава правящего класса – необходимости адаптироваться к господствующим (меняющимся) социальным силам. У Парето добавлены соображения о циркуляции элит, то есть проблема абсорбции потенциальных лидеров и сторонников из неэлиты и выталкивания из элиты слабых – это соображение он считал ключевым для стабильности элиты. Такие соображения и процессы считались универсальными. Но для их объяснения нужно было понять, как эти процессы работают в разных социальных и политических условиях, как разные качества элит востребованы при разном строе, то есть показать сходства вопреки явным различиям.

Прогресс ли эта парадигма? Она развивалась в двух направлениях. Одно – стойкий интерес к тому, что Ч.Р. Миллс в 1950-е гг. назвал «властвующей элитой», описав ее как сплоченную группу верхушки военных, бизнеса, политики и т.д. [Mills, 1956]. Хорошо известны две недавние книги, одна из которых представляет собой общую теорию элит [Milner, 2015], другая анализирует их стабильность/нестабильность [Shipman et al., 2018]. В чем-то независимо от нее сложилась огромная литература о структурах общественной власти, посвященная выявлению элит и их структур. Литература эта в тупике с 1970-х

гг. – не разрешен конфликт между множеством моделей структур элит и общественной политики после длительных споров о методах, среди них – метод «репутационный», т.е. информантов спрашивали, какие люди в данной общности властвуют, принимают решения. Это близко к тому, что сейчас называют отслеживанием процесса – изучался процесс принятия конкретного решения, вплоть до его результатов. В этой литературе много интересных находок. Например, долгосрочный тренд, когда выборные лидеры общности не принадлежат к «экономически доминирующим» [Clelland, Form, 1964: 511]. Были результаты и на эмпирическом уровне. Но теоретический консенсус не достигнут. Есть лишь осознание ряда разных типов политики на уровне структур власти в общности. Иными словами – модели общественной власти плохо генерализируемы. Это прогресс, как и рост числа моделей. Но не прогресс в движении к новой общетеоретической позиции. Каждая новая модель требовала новых фактов.

В США собрано много данных о личных связях и отношениях членов элиты [Domhoff, 1967]. Эти труды очень конкретны: нынешние элиты и американский кейс. На другом полюсе – две работы [Milner, 2015; Shipman et al., 2018]. Одна из них теоретична, опирается на примеры из истории: элиты правят благодаря сплочению, союзу со средними классами или с бедными; альянсы со средним классом более стабильны. Это указывает, что главная причина нестабильности элит – их внутренние разногласия по вопросу, с какой группой вступать в альянс.

Работу Шипмана и др. можно назвать прогрессом для общей «проблемы» стабильности/нестабильности элиты, или перемен, у которой длинная предыстория. Новизна тут – добавление идеи классовых союзов и привязка перемен в них к расколам элиты, а также подмеченный факт, что союзы со средним классом на основе таких вещей, как права собственности, более стабильны. Это можно считать новой теорией с новым прогнозом в рамках общей «проблемы» стабильности элит. По сути, речь идет о сравнениях режимов элит стабильных и нестабильных.

Милнер пытался создать предельно общую «модель» элит – синтез литературы об элите. Он определил компоненты элит и дифференцировал типы их власти, применив затем результат к трем исторически разным случаям [2015]. Ключ этой модели – перечень качеств элит. Он различает три типа элит по главному критерию их элитного характера: политическая власть, экономические средства, статус [2015: 27]. Это предиктивно в том смысле, что все атрибуты взаимосвязаны. Такая «общая» модель вносит концептуальное разъяснение и в некотором смысле предсказание о нужных для власти элит элементах или нормативных компонентах. Но в этом случае модель сдвигается к категории «дефиниционных»: обладать качествами – то, что аналитик определит как «элиту». И если мы возьмем другие данные, в них есть тот же элемент.

То, что теории имеют тенденцию становиться «дефиниционными», – нормальный результат того, что в социологии именуют проблемой «масштаба» или применимости. Для некоторых обществ эти концепты кажутся не столь четко применимыми, и для подтверждения общей применимости этой теории требуется отказ от таких намерений и от конкретности исторической или сравниваемой ситуации. Иными словами, это примеры стандартизации сравнений (проблем со сравнениями), когда теряется важная суть, которую бы выявили интерпретирующий подход и другие сравнения. Вебер [1904; 2012] прославился обсуждением таких моделей, назвав их «идеальным типом». Он считал, что их цель – облегчить сравнения, что они своей односторонностью создают концептуальную ясность, что они применимы там, где их и применяют, и помогают установить, где их невозможно применять, что их нельзя считать общими теориями. Скорее их надо считать инструментами интерпретации, применяемыми тогда, когда они служат этой цели. Вебер отверг идентификацию идеального типа с «реальностью» и считал, что теории, подобные теории Маркса, именно эту ошибку и совершают. Их лучше считать идеальными типами. В используемой мною терминологии они релятивны к целям или сравнениям; их надо оценивать с точки зрения способности решать загадки, вытекающие из сравнений.

Обозначим важную проблему, связанную с «прогрессом»: когда новое определение – это прогресс, а когда просто вопрос смены объекта? В нашем и в следующем случаях перед нами один и тот же вопрос. Цели «теорий», моделей разные, как и их определения/названия, и то, что они принимают за каузально внутреннее, эндогамное, и что опускают как экзогамное, что они принимают за сферу, диапазон сравнений, считая эмпирически релевантным, открытым для вмешательства. Тем не менее они находятся в приблизительно одной и той же сфере проблем. В случае теории элит можно идентифицировать «прогресс» в смысле замены одной дефиниции проблемы на другую в соотношении с конкретной общей проблемой – нестабильностью элит. Что не делает определение проблемы лучшим или прогрессивным в универсальном смысле; это не поможет нам в вопросе, поднятом Милнером, о необходимости некоего трансцендентального обоснования. Но Милнер также рассматривает еще один, иной, набор «элит» как свою эмпирическую базу – но не власть обществности.

Аналогичная проблема – исследования «достижения статуса» как случай каузального моделирования. Данная тема возникла из комбинации исследований статуса с прежней проблемой «истощения села» – изучение того, как по мере урбанизации, миграции в города в селах оставались менее образованные, неграмотные, слабые, в отличие от уезжавших в города. Эта часть большой мировой проблемы проявлялась в форме разных практических ответов на вызов в разных странах, отражаясь и в разнице подходов. В США политика была нацелена на эгалитарность – сделать сельскую жизнь такой же привлекательной, как и в городе. Отсюда ориентированные на практику исследования, создание комиссий по жизни села, область науки – социология села, ориентированная на задачи улучшения жизни в сельской местности. Эмпирические исследования в США, связанные с «истощением», концентрировались на таких вещах, как умственное развитие, что породило более общую программу – объяснение «достижения статуса». Появление в 1960-е гг. анализа пути, метод моделирования структурного уравнения сделали возможным ряд проектов, наделявших каузальным весом множество переменных, влияющих на итоговый социоэкономический статус. Эти труды «считались образцовыми» [Grusky, Weeden, 2006, цит. по: Sakamoto, Wang, 2020: 1] и «выдающимся примером успешного накопления знания» [Hout, DiPrete, 2006; Sakamoto, Wang, 2020: 1].

Основной стратегией этой литературы был поиск межпоколенной профессиональной мобильности. Это удовлетворяло ряд интуиций: статус был основным вопросом, закрепившись в посвященной ему литературе [Goode, Hatt: 1949]; смещение внимания к более статусной занятости в следующем поколении определило парадигму восходящей мобильности. «Прогресс» в этой проблематике принял форму добавления переменных и повышения предиктивности моделей неким улучшением статистики, о чем говорилось выше. Модель предполагает каузальность: оценивается именно предиктивная важность переменных; улучшение заключено в изменении веса разных каузальных переменных на основе предиктивной силы модели в разных конфигурациях допустимого порядка каузальности. Но моделирование ничего не прибавляет нашему знанию о самих каузальных механизмах: они – часть «допустимого» моделью.

Это называют внутренним прогрессом. Модели «улучшались» по-разному: они содержат больше опровергающих переменных и повышают объясняемую вариативность – частично за счет усложнения, что требует корректировки допущений. Строго говоря, модели несравнимы: каждая имеет свои допущения, а они конфликтны. Но если шире смотреть на эту литературу, признав за допущениями связь с целями или со сравнениями, можно интуитивно, на уровне здравого смысла, может быть даже на основе некоего качественного знания, судить о том, как люди представляют себе занятия и их достоинства, – то, по отношению к чему модели улучшены.

По-иному встает проблема прогресса, когда модели достаточно различны, чтобы – даже по отношению к тем же целям – «прогресс» выглядел как «смена объекта». В последние годы эта традиция подменена экономическим подходом, избегающим категорий

занятости (суррогат статуса) в пользу пожизненного дохода как итоговой переменной. Причины отказа от занятости таковы: «Категории занятости часто несут в себе много исходных переменных смены места работы – различия организаций, неравные заработки. Привлечение усредненных заработков по профессиям как показатель доходов человека – крайне неточно. Таблицы профессиональной мобильности не различают важной экономической имобильности, устойчивой в любой данной категории занятости» [Sakamoto, Wang, 2020: 4].

Использование пожизненного дохода родителей имеет интуитивные достоинства в плане смены объекта – ведь это то же самое, о чем мы часто думаем как о богатстве, а также эмпирический повод считать, что это лучше. «Соотношение доходов родителей и детей может быть высоким, даже если у обоих поколений разные занятия, так как большая часть неравенства заработка – следствие иных переменных», – к примеру возможность инвестировать в высокостатусное образование. «[Э]кономический подход избегает этого дефекта контекстуальной неточности, измеряя доходы и родителей, и детей прямо на индивидуальном уровне» [Sakamoto, Wang, 2020: 4].

Не касаясь ряда технических трудностей, просто подчеркну: профессионально-статусный подход полагает стабильными ряд причинно-следственных связей, позволяет игнорировать некоторые из них как несущественные или экзогамные; профессиональный статус подменяет более общее понятие статуса на протяжении всей жизни. Перемены на рынке труда, дестабилизирующие эти связи, например частые смены карьеры и усиление статусной дифференциации в рамках занятий, ведут к тому, что модели стали и менее предиктивны, и менее пригодны для интуиций о таких вещах, как варианты категорий занятости. Перемены в мире труда сделали статус атрибутируемым к нанимающим организациям [Jencks et al., 1988]: программист Майкрософта – это не программист провинциального муниципалитета. Новый подход «лучше» не потому, что углубит и дополнит модель, – это не так, а потому, что он лучше вписан в переменную условий, если в обоих случаях вопрос в том, что я называю «проблемой» – в стремлении всех повысить социальную мобильность.

Перемены продолжаются. Модели применимы, когда это возможно. Но условия, в которых их применяют, всегда подвижны. Мы лишь предположительно можем считать их предиктивными, чем-то иным, нежели снимком некой базы данных. С чисто технической стороны это смена объекта – модели, строго говоря, несравнимы, т.к. содержат разные конфликтные допущения по поводу причин, и об эндогенности, и об установлении каузальных связей. Определение же каузальной силы – как цель модели – нечто внутри данной модели. Но эти перемены более понятны в позитивном смысле: эти модели релятивны целям. Здесь цель более крупная, слабо ассоциируемая с возможностью вмешаться, чтобы повысить социальную мобильность или устранить барьеры на ее пути. С более общей точки зрения пользователя этой модели, цели которого шире самой модели и соизмеримы многим моделям, – это её улучшение.

Экзогенность проблем и прогресс. Как все это в литературе по философии науки связано с концептом прогресса? Начну вот с чего: «проблемы», загадки социальной науки в основном определяются соображениями здравого смысла. Эти «проблемы» часто возникали из нормативных или практических забот. Базовые объяснительные проблемы социологии возникают, когда частично/полностью по неизвестным причинам меняются результаты или практики. Ответы на эти вопросы иногда связаны с переходом на более высокий уровень абстракции, например – мыслить отношения села и города исторически, чтобы получить сравнения/обобщения. Вебер сделал это, обратившись к аграрной истории Древнего Рима и эволюции социальных отношений, отношений собственности в сельских поместьях периода их упадка. Претензии на предполагаемую сопоставимость кейсов требуют абстрактных концептов. Сравнение случаев, различающихся многими параметрами – как прусские и римские поместья, требует не учитывать большую часть этих параметров и строить упрощенную модель. Вебер назвал это идеальным типом, понимая под ним инструменты, обеспечивающие концептуальную ясность, но за счет конкретности, неизбежно неточные, но необходимые. Он их считал лишь «полезными», связывая

поэтому с целями исследователя. В итоге эти цели стали продуктом наших собственных культурных забот, исторически меняясь: смысл проблем, а потому и загадок меняется по мере смены наших забот.

Вебер в трудах по теории науки, повлиявших на К. Поппера и других философов науки, развернуто ответил на вопрос историчности социальной науки и различий между научной социальной и естественной, а также отношения к нормативным и догматическим наукам, таким как право и теология. Он сделал одно семантическое замечание: хотя науки могут менять и отвергать концепты, у наук социальных концепты привязаны к бытовому языку как метаконцепты, концепты концептов. Так как сами концепты бытового языка исторически и культурно изменчивы, меняются сами объясняемые объекты социальной науки, а метаконцепты, такие как «поместье», это абстракции, которые могут стать или быть менее применимыми по мере изменения описываемых ими рутинных практик.

Короче говоря, есть некая семантическая нестабильность в социальной науке, порожденная тем, что можно назвать «языком жизни», или, как я писал выше, «локальным знанием»; фактически «загадки» или проблемы социальной науки в значительной мере производны из того факта, что термины, перестав применяться тем же образом, обретают иные ассоциации, начинают использоваться по-иному. Очевидное решение здесь – применять концепты более высокого уровня обобщения.

Можно мыслить накопление истины и повышение достоверности путем добавления переменных и увеличения объясняемой дисперсии (или, наоборот, путем конкретизации механизмов). Если это делать, всплывут дилеммы. За лучше объясненную дисперсию обычно платят надежностью или обобщаемостью. Модели лучше всего работают в ограниченных условиях, с ограниченной нестабильностью. Добавление моделей с новыми переменными равнозначно изменению проблемы. А так как каждая переменная требует некой «достоверности», добавление одной переменной, как правило, означает добавление еще одной менее достоверной «причины» с менее достоверными основаниями считать, что на нее не влияли иные причины, или что она не служит запутыванию вопроса. Но она дает новые результаты, новое знание с учетом ограничений самого процесса построения моделей, требующего допущений в идентификации каузальных механизмов и экзогенности, или того, что следует включить. Если новые модели относительно стабильны во времени, более робастны и обобщаемы, то есть сохраняют применимость в новых условиях, это случаи «прогресса» в форме смены загадок. Если умножение моделей при неких эмпирических основаниях аналогично умножению признанных экспериментальных гипотез – это накопление истины.

Факт, что модели несравнимы и связаны с целью, так как используют несовместимые допущения, делает этот процесс отличным от того накопления, как его обычно понимают традиционные модели науки. Много таких примеров есть в литературе о достижении статуса. Здесь к общей «проблеме» добавляются такие переменные, как влияние продолжения образования менее образованной матерью в раннем детстве ребенка на результаты его обучения в отрочестве. Отсюда следует не только новая модель, но и новое сравнение. Оно мотивировано практическими заботами; обычно они сосредоточены на действиях в годы раннего детства как средстве улучшить результат образования [Esping-Andersen et al., 2012; Heckman, 2012; Winther-Lindqvist, Svinth, 2020]. Тут есть тонкая грань между прогрессом и сменой объекта, или расширением проблемы в новом направлении. В таких переменах налицо обучение: обучение тому, что внешние условия прежней модели изменились, что могли сказаться конкретные помехи, отсутствовавшие у прежней модели (мотивированные иными перспективами, в нашем случае – экономической теорией человеческого капитала). Но этот вид прогресса тесно связан с вопросом релятивности проблемы. Сами перемены в проблеме экзогенны: истощение сельских местностей кончилось, улучшается образование в городах. Более того, как отмечено, смена темы также требует менять «допущения», и не только статистические допущения, но то, что считается правдоподобным или разумным.

Что считать правдоподобным или разумным, отражают цели или сравнения. В случае видовых сравнений, как в интерпретативной социальной науке, это следствие факта, что

метаязык данной интерпретации есть «язык жизни» некой иной общности. Нет родового языка науки для перевода. Мы описываем «культуру бедности» терминами наших идей, чтобы передать ее смысл аудитории. Улучшение, собственно говоря, должно повышать смысл. Но, как и при моделях количественных, можно «улучшить» изменения предмета до того, что верх одержит контекст угнетения. Изменения релятивны целям, и тогда нужно будет утверждать, что сами цели скорее прогрессируют, не просто меняются. Такое возможно по практическим причинам в биомедицине и в определенных контекстах в социальной науке. Но это все же говорит о целевой релятивности моделей.

Можно ли этот результат считать прогрессом в философии науки? Если делить альтернативы на семантические, эпистемные и функциональные [Bird, 2007; ср. Shan, 2019], результат будет таков. Для разделения кейсов семантических и эпистемных нужен пример некоего ошибочного метода, дававшего в прошлом истинные верования, позднее замененные надежным методом. В социологии методы всегда соперничали, генерируя различающиеся виды результатов, как минимум частично дополнявших друг друга; при этом качественные «методы» делают предположения правдоподобными. Т.е. различие семантического и эпистемного нерелевантно: результаты не аккумулируются, прежние консенсусные методы не заменяются новыми консенсусными методами. «Истина», в «реалистском смысле» или в любом, кроме наблюдения, сложнее: сохраняются и растут «парадигмальные» различия главных теоретических подходов, ибо разные походы по-разному ставят для себя проблемы объяснения. Судить о некой теории элит, к примеру, значит сначала решить, что же следует считать предметом теории.

В случае каузальных моделей имеет место нечто похожее: мы определяем проблему, которую должна решать наша модель, и применяем эти определения вместе с правдоподобными представлениями об эндогенности системы и о каузальности. Смена модели в целях ее большей предсказуемости или ее улучшение ради достоверности или ценности для вмешательства меняет вопрос – тогда модели, строго говоря, несравнимы. Но все же есть некий смысл во внутреннем улучшении, при замене одной модели другой в отношении «проблемы», вопроса, определяемых менее строго. Тогда можно говорить, что наши модели статусного достижения лучше. Когда «статус» (по занятости) заменили пожизненным доходом как зависимой переменной, это было заявкой на улучшение, но такое улучшение, когда оно – результат нестабильных предположений, уже не применяемых и замененных более достоверными в связи с изменившейся структурой занятости, а не дефект прежней модели, примененной к исторически обусловленной проблеме.

Это ставит нас перед альтернативой понимания прогресса как внутреннего для методов, перспектив, отнесенных к данному полю проблем. Последний пункт проблематичен: при обычном взгляде на прогресс как на решение загадок загадки генерируют внутренние дефекты доминирующей теории. В социологии теории – это словари, по-разному описывающие проблемы, такие как проблема власти элит, и отвечающие на разные вопросы. В случае каузального моделирования «проблемы» определяются извне: стремлением к большей социальной мобильности или сокращению беременности подростков. Когда Лауден заметил, что «проблема не обязана точно описывать дела, чтобы быть проблемой: все, что нужно, это чтобы положение дел было реальным» [Laudan, 1977: 15], он описал некий необычный случай в истории науки. В социологии это норма: быть проблемой – значит быть проблемой для некой формы локального знания. Можно представлять такие случаи естественно возникающими из неудачных прогноза и понимания вследствие новизны или изменения социальных условий (ср.: [Turner, 1980]). Но и здесь «проблема» зависит от исходной точки: это проблема с точки зрения некоего локального знания, неспособного схватить новые условия. Прогресс заводит в тупик благодаря факту нашей устойчивой зависимости от локального знания. Мы достигаем прогресса в проблеме, созданной нашим локальным знанием, нам никогда не устранить нашу зависимость от него, а оно меняется не из-за прогресса теории, а из-за изменений жизни.

Конечно, лучше всего было бы изменить название книги Лаудена «Прогресс и его проблемы» на «Прогрессируют ли проблемы?». В рамках внутринаучной модели можно сказать, что они прогрессируют так: загадки возникают из теорий решения прежних загадок. В узком смысле данный вид внутреннего прогресса происходит в социологии. Мы понимаем действия в новых условиях, улучшая наше прежнее понимание, мы меняем модели на модели лучшие, с иными допущениями, лучше служащими конкретным целям. Но из этого возникает не цепочка решаемых загадок, скорее новые загадки по внешним причинам. В этом отношении социология подобна медицине, практически занятой новыми болезнями по мере их появления. Но медицина часто зависит от расширения базы знания причин, и это есть некий прогресс, но не аналог зависимости от локального знания и основанных на нем суждений о достоверности.

Последствия такой разницы можно прояснить, сравнив эти теории прогресса с известным образом М. Поланьи. Прогресс в науке он сравнил с решением большого пазла – ученые добавляют кусочки, совпадающие с другими кусочками, и возникает гипотеза. Для Поланьи это фундамент; это форма дисциплины, которую смежные области науки налагают одна на другую. Медицина делает это, встречаясь с новой болезнью. Наши смежные области – обобщенные формы знания, подобные формулам химии или механизмам биологии.

Точная наука как статистическое моделирование молча отвергает идею объединения частей науки в единое целое по простой технической причине, что упрощающие допущения моделей сами тоже являются средствами, но такими, которые они генерируют, предсказания, являющиеся их «результатами», не согласуются друг с другом. Так повышаются применимость и размах «науки», ее «рыночность» для государства. Но при этом как неизбежность принимается множественность законных моделей, между которыми нужен выбор на эмпирических основаниях, таких как достоверность, практическая важность допущений – а здесь мнения расходятся – или сторонние цели. В этом плане положение социологии представляет собой то, что становится нормальным состоянием науки (science).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Bell D. (1982) *The Social Sciences since the Second World War*. New Brunswick, NJ: Transaction Books.
- Bird A. (2007) What Is Scientific Progress? *Nous*. No. 41(1): 64–89.
- Blalock H. (1961) *Causal Inference in Non-Experimental Research*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press.
- Burnham J. (1943) *The Machiavellians: Defenders of Freedom*. Chicago: Henry Regnery.
- Chapin F.S. (1928) A Quantitative Scale for Rating the Home and Social Environment of Middle Class Families in an Urban Community: A First Approximation to the Measurement of Socio-Economic Status. *Journal of Educational Psychology*. Vol. 19(2): 99–111.
- Clelland D., Form W.H. (1964) Economic Dominants and Community Power a Comparative Analysis. *American Journal of Sociology*. Vol. 69(5): 511–521.
- Collins R. (1981) *Sociology since Midcentury: Essays in Theory Cumulation*. New York: Academic Press.
- Davidson D. (1963) Actions, Reasons and Causes. *Journal of Philosophy*. Vol. 60: 685–700.
- Deutsch K., Platt J., Senghaas D. (1971) Conditions Favoring Major Advances in Social Science. *Science New Series*. Vol. 171 (3970): 450–459.
- Domhoff G.W. (1967) *Who Rules America?* Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Esping-Andersen G., Garfinkel I., Han W.J. et al. (2012) Child Care and School Performance in Denmark and the United States. *Children and Youth Services Review*. No. 34(3): 576–589.
- Geertz C. (1973) Thick Description: Toward an Interpretative Theory of Culture. In: *The Interpretation of Cultures*. New York: Basic Books: 3–36.
- Giddings F.H. (1901) *Inductive Sociology: A Syllabus of Methods, Analyses and Classifications, and Provisionally Formulated Laws*. New York/London: The Macmillan Company.
- Goode W.P., Hatt P.K. (1949) *Methods in Social Research*. Oxford/New York: Prentice Hall.
- Grusky D.B., Weeden K.A. (2006) Does the Sociological Approach to Studying Social Mobility Have a Future? In: *Mobility and Inequality: Frontiers of Research from Sociology and Economics*. Stanford: Stanford University Press: 89–108.
- Heckman J.J. (2012) Promoting Social Mobility. *Boston Review*. 1 (September).

- Hout M., DiPrete T.A. (2006) What We Have Learned: RC28's Contributions to Knowledge about Social Stratification. *Research in Social Stratification and Mobility*. No. 24: 1–20.
- Jencks C., Perman L., Rainwater L. (1988) What is a Good Job? A New Measure of Labor-Market Success. *American Journal of Sociology*. No. 93(6): 1322–1357.
- Laudan L. (1977) *Progress and Its Problems: Toward a Theory of Scientific Growth*. Berkeley: University of California Press.
- Machamer P., Darden L., Craver C.F. (2000) Thinking about Mechanisms. *Philosophy of Science*. No. 67(1): 1–25.
- Michels R. [1911] (1915) *Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy*. New York: The Free Press.
- Mills C.W. (1956) *The Power Elite*. Oxford: Oxford University Press.
- Milner M.Jr. (2015) *Elites: A General Model*. Cambridge: Polity Press.
- Morgan M.S., Hirschman A.O. (2017) Narrative Ordering and Explanation. *Studies in History and Philosophy of Science*. Part A. No. 62: 86–97.
- Mosca G. [1896] (1939) *The Ruling Class* / Ed.A. Livingston. New York: McGraw-Hill.
- Pareto V. (1916) *The Mind and Society*. New York: Harcourt, Brace and Company.
- Pareto V. (1966) *Sociological Writings*. Totowa, NJ: Rowman and Littlefield.
- Pearl J. (2000) *Causality: Models, Reasoning, and Inference*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rodgers J.L., Rowe D.C. (1993) Social Contagion and Adolescent Sexual Behavior: A Developmental EMOSA Model. *Psychological Review*. No. 100(3): 479–510.
- Roth P. (1989) Ethnography without Tears. *Current Anthropology*. Vol. 30(5): 555–569.
- Rule J.B. (1997) *Theory and Progress in Social Science*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sakamoto A., Xuanren Wang Sh. (2020) The Declining Significance of Occupation in Research on Intergenerational Mobility. *Research in Social Stratification and Mobility*: 100521
- Shan Y. (2019) A New Functional Approach to Scientific Progress. *Philosophy of Science*. No. 86(4): 739–758.
- Shipman A., Edmunds J., Turner B.S. (2018) *The New Power Elite: Inequality, Politics, and Greed*. London/New York: Anthem Press.
- Turner S., Carr D. (1978). The Process of Criticism in Interpretive Sociology and History. *Human Studies*. No. 1: 138–152.
- Turner S. (1980) *Sociological Explanation as Translation*. Rose Monograph Series of the American Sociological Association. New York/Cambridge: Cambridge University Press.
- Wacquant L. (2002) Scrutinizing the Street: Poverty, Morality, and the Pitfalls of Urban Ethnography. *American Journal of Sociology*. No. 107(6): 1468–1532.
- Weber M. [1904] (2012) Objectivity' in Social Science and Social Policy. In: Weber M. *Collected Methodological Writing*. London/New York: Routledge: 100–138.
- Winther-Lindqvist D.A., Svinth L. (2020) *Early Childhood Education and Care (ECEC) in Denmark*. Oxford Bibliographies.

Пер. с англ. Н.В. РОМАНОВСКИЙ

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; профессор Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия (socis@isras.ru).

DOI: 10.31857/S020736760026579-5

PROGRESS IN SOCIOLOGY?

TURNER S.

University of South Florida, USA

TURNER Stephen, Distinguished University Professor, Department of Philosophy, University of South Florida, USA (turner@usf.edu).

Transl. by N.V. ROMANOVSKY

Nikolay V. ROMANOVSKY, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Chief Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Prof. of Russian State University for Humanities, Moscow, Russia (socis@isras.ru).

© 2023 г.

А.А. ЭНДРЮШКО

БРАЧНЫЙ ВЫБОР ИММИГРАНТОВ В РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И СВЯЗЬ С ИНТЕГРАЦИЕЙ

ЭНДРЮШКО Анна Александровна – кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (anna.endryushko@mail.ru).

Аннотация. Статья посвящена брачному выбору иммигрантов из постсоветских стран в России и его связи с интеграцией в принимающее общество. На материалах двух социологических обследований иностранных граждан из СНГ, Украины и Грузии (2017 и 2022 гг.) рассматриваются основные социальные и этнокультурные особенности брачного выбора иммигрантов, анализируются показатели интеграции двух групп иностранцев: супруги которых имеют и не имеют российского гражданства. Показано, что «импортирование» супругов с родины является основным трендом выбора партнера иммигрантами. Вместе с тем состоящие в браке с россиянами иностранные граждане лучше интегрируются в российское общество, чем имеющие партнера-соотечественника. Это касается не только социально-экономической и правовой интеграции, но и культурной, в том числе открытости и доверия «иным», а также модернизации ценностных установок в части гендерного равенства и личной свободы.

Ключевые слова: смешанные браки • культурная интеграция • ценности иммигрантов • этнокультурная дистанция • этническая идентичность

DOI: 10.31857/S013216250026581-2

Введение и теоретические основания исследования. Иностранные граждане, приезжающие в Россию на заработки (преимущественно из постсоветских государств), постепенно включаются в жизнь принимающего социума и могут заключать браки с местными жителями, даже если это не было целью миграции. Оценить масштабы смешанных браков между иностранцами и россиянами сложно ввиду ограниченности статистических данных¹. С.С. Бирюкова определила долю браков с участием иностранных граждан в 6,4% от общего числа в стране. Наиболее высокие показатели в Московском и Ленинградском регионах² (принимающих основную долю мигрантов)³ [Бирюкова, 2015: 26–27]. Другое исследование также показало, что браки россиян с иностранцами в 2018 г. составляли 7% от общего числа в стране, а свыше 80% зарубежных женихов и невест приходится на граждан стран постсоветского пространства [Сивоплясова, 2020: 59–60].

¹ Данных о браках россиян с иностранными гражданами фактически нет в открытом доступе, особенно в общероссийском масштабе. Они могут быть доступны по специальному запросу в органы записи актов гражданского состояния (ЗАГС) отдельного региона или фрагментарно встречаться в отчетах государственных органов.

² Имеются в виду города федерального значения Москва и Санкт-Петербург вместе с областями.

³ В данной статье автор использует термины «иммигрант» и «мигрант» как синонимы.

Браки иммигрантов и местных жителей могут оказывать значительное влияние на интеграционные процессы в правовой (как юридически значимые события) и других сферах жизни. Классическая теория ассимиляции [Park, 1928; Stonequist, 1937] рассматривала смешанные браки как лакмусовую бумажку ассимиляции меньшинств в мультикультурных обществах. Позднее такой подход трансформировался, теоретики сегментной ассимиляции [Portes, Zhou, 1993] показали, что встраивание мигрантов зависит от структурных и индивидуальных факторов. Это касается и браков: мигранты могут выбирать партнера⁴ из местных жителей, из другого сообщества мигрантов или своей группы.

Для иммигрантов супружеская эндогамия является ожидаемым последствием различий в социально-экономическом положении и культурных ценностях с местным населением [Kalmijn, 1998]. В Европе экзогамия выше среди мигрантов, чья культура и вера схожи с западноевропейскими [Lucassen, Laarman, 2009]. Уровень человеческого капитала также является важным индивидуальным фактором. Смешанные браки чаще всего связывают с более высоким уровнем образования приезжих [Kalmijn, van Tubergen, 2006; van Tubergen, Maas, 2007].

Взаимосвязь между брачным выбором и интеграцией иммигрантов более сложна, чем это обычно предполагается. Помимо того что смешанные браки показывают степень интеграции приезжих в принимающее общество, они усиливают социальное взаимодействие, которое само по себе может способствовать этой интеграции. Есть литература, где доказывается, что браки с местными жителями являются индикатором интеграции иммигрантов [Meng, Gregory, 2005; Kantarevic, 2004]. Есть свидетельства, что интеграция является следствием смешанных браков, а не их индикатором или предиктором [Meng, Meurs, 2006]. М. Сонг утверждает, что сами по себе смешанные браки не означают социального признания, поскольку их опыт может различаться в зависимости от пола, класса и региона [Song, 2009]. Интеграционные эффекты также приписывают процессу самоотбора, а не «надбавке» за смешанные браки.

В российских исследованиях затрагивается главным образом тема межнациональных (межэтнических) браков [Сороко, 2015; Лурье, 2018 и др.]. Браки с иностранными гражданами исследуются реже [Бирюкова, 2015; Сивоплясова, Рязанцев, 2021; Сигарева, Сивоплясова, 2022 и др.], и чаще подобные работы посвящены демографическим эффектам таких союзов. Исследования брачного выбора мигрантов в контексте их интеграции в российское общество не получили должного внимания отечественной науки. Данная статья призвана в определенной мере восполнить этот пробел и посвящена брачному выбору иммигрантов из постсоветских стран в России, возможной связи между смешанными браками и интеграцией иммигрантов в российском контексте.

Эмпирическая база исследования. Изучение экзогамных и эндогамных браков различается в разных миграционных контекстах. В данной статье под смешанным браком мы будем подразумевать союз между иностранцами и гражданами РФ. Мы предполагаем, что выбор в качестве супругов россиян (русских и людей других национальностей) связан не только с экономической и правовой интеграцией иммигрантов, но и культурной – более модернизированными представлениями и ценностями.

Эмпирическую основу исследования составили данные двух социологических обследований: 1) опрос иностранных граждан, проведенный Центром этнополитических и региональных исследований для НИУ ВШЭ весной 2017 г. в 19 регионах РФ. Квотная выборка составила 8577 респондентов из стран СНГ, Украины и Грузии; 2) опрос, проведенный сотрудниками Сектора изучения интеграционных и миграционных процессов ИС ФНИСЦ РАН в ноябре 2020 г. Опрошены 700 граждан стран СНГ, Украины и Грузии в Москве и Московской области. Исследования различались техникой опроса: опрос 2017 г. – PAPI (Paper Assisted Personal Interview), опрос 2020 г. – CATI (Computer Assisted Telephone Interview).

⁴ Здесь и далее термин «партнер» употребляется в отношении как зарегистрированных, так и незарегистрированных союзов.

Индикатором брачного выбора иммигрантов в обоих обследованиях были ответы на вопрос: «Какое гражданство имеет ваша жена (ваш муж)/партнер), живущая(ий) здесь с вами?»

Охарактеризуем выборочную совокупность. Опрашивали иммигрантов разного пола и возраста: в опросе 2020 г. – 66,9% мужчин; в возрасте до 30 лет – 36,7%, от 30 до 40 лет – 29,1%, от 40 до 50 лет – 24,4%, старше 50 лет – 9,7%; в опросе 2017 г. – 67,7% мужчин; в возрасте до 30 лет – 39,9% опрошенных, от 30 до 40 лет – 28,9%, от 40 до 50 лет – 19,9%, старше 50 лет – 11,4%. Значительная доля опрошенных (62,4% в 2017 г. и 63,4% в 2020 г.) состоит в той или иной форме брака – зарегистрированный, религиозный или гражданский⁵ (табл. 1).

Около половины опрошенных, имеющих партнеров, проживают с ними в России (52,2% в 2017 г. и 46,4% в 2020 г.). Партнеры, проживающие с иммигрантами в России, в основном являются иностранцами с тем же гражданством: 74,1% в общероссийском измерении, 68,4% – в Москве и области (табл. 2). Вместе с тем почти четверть опрошенных – 26,1% в столичном регионе и 22,2% в общероссийской выборке – сказали, что состоят в браке с россиянами (гражданами РФ).

Данные 2020 г. показывают, что супруги с иностранным гражданством в подавляющем большинстве той же этничности, что и респондент (87,2%)⁶, а партнеры-россияне чаще русские – «своих» среди них около 20%⁷, столько же людей иной национальности (табл. 3).

Проведенное исследование имеет ограничения. Во-первых, мы спрашивали только о партнерах, проживающих с мигрантами в России, чтобы оценка влияния брачного выбора на интеграцию была более равномерной. Семьи «по обе стороны государственных границ» – вне рамок данной работы. Во-вторых, мы не можем сказать, является ли тот

Таблица 1

**Семейное положение и разные формы браков иммигрантов,
в % от числа опрошенных**

Каково ваше семейное положение?	2017	2020
Никогда не состоял(а) в браке (не был(а) женат/замужем)	28,1	24,5
Состою в зарегистрированном браке (официально женат/замужем)	55,7	49,1
Состою в религиозном браке	1,4	8,8
Гражданский брак	5,3	5,5
Разведен(а)	6,8	8,5
Вдовец/вдова	2,4	3,4
Нет ответа, з/о	0,3	0,1

Таблица 2

Гражданство супругов-иммигрантов, в % от проживающих в РФ с партнером

Какое гражданство имеет ваш(а) муж/жена, живущий(ая) здесь с вами?		2017	2020
Российское		22,2	26,1
Иностранное		76	73,8
в т.ч.	такое же, как у респондента	74,1	68,4
	другое	1,9	5,4
Нет ответа		1,8	0,1

⁵ Под гражданским браком мы имеем в виду незарегистрированный союз/сожительство.

⁶ В опросе 2017 года не спрашивалось об этнической принадлежности супругов.

⁷ Их миграционное прошлое неизвестно. Это могут быть «свои» как переехавшие в разный период времени, так и родившиеся в РФ.

Таблица 3

**Гражданство и национальность супругов-иммигрантов, 2020 г.,
в % от проживающих с партнером в РФ**

Гражданство мужа/жены	Национальность супругов			Всего
	русский(ая)	такая же, как у респондента	другая	
Иностранное	4,3*	87,2	8,5	100
Российское	58,3	21,7**	20,0	100

Примечания. *Этот вариант отметили только граждане Узбекистана и Украины; **Более, чем для других, характерно для граждан Армении и Киргизии.

брак, о котором говорит респондент, единственным (уточняющих вопросов в исследовании не задавалось). Возможна ситуация, когда иммигрант имеет более одного союза разной формы (на родине и в России). В-третьих, по этой же причине наши данные об альтернативных формах союзов (например, многоженство или однополые) существенно ограничены. Наконец, на имеющихся данных мы не можем проанализировать напрямую мотивы и факторы выбора брачного партнера иммигрантами.

Брачный выбор и интеграция иммигрантов. Проанализируем параметры интеграции двух групп иммигрантов, проживающих в России с партнерами, супруги которых имеют и не имеют российского гражданства.

Выбор в качестве супругов граждан РФ различается между иммигрантами разных стран исхода. Наибольшие доли таковых – среди выходцев из Беларуси, Казахстана, Молдовы, а также Азербайджана и Украины, наименьшие – среди граждан Киргизии, Таджикистана и Узбекистана (табл. 4).

Страновые различия могут быть связаны не только с культурными особенностями мигрантов из той или иной страны. Исследователи отмечают, что среди небольших групп мигрантов можно ожидать более высокого числа смешанных браков, независимо от культурной дистанции [van Tubergen, Maas, 2007]. В табл. 4 видна значительная доля смешанных браков среди мигрантов из Закавказья. Миграционные потоки из этих стран в последние годы гораздо ниже, чем из государств Средней Азии, а значит меньше и сами группы этнических мигрантов⁸.

Таблица 4

**Гражданство супругов-иммигрантов разных стран исхода, 2017 г.,
в % от проживающих в РФ с партнером**

Какое гражданство имеет ваш супруг(а), проживающие с вами в России?	Страна исхода иммигранта									
	Азербайджан	Армения	Белоруссия	Грузия	Казахстан	Киргизия	Молдова	Таджикистан	Узбекистан	Украина
Иностранное	68,9	75,9	63,1	69,8	64,2	87,4	67,9	86,6	86,7	70,7
Российское	31,1	36,9	30,2	30,2	35,8	12,6	32,1	13,4	13,3	29,3
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Примечание. χ^2 Пирсона = 124,79, значимо на уровне 0,001.

⁸ Безусловно, может играть роль и давность миграции. Об этом мы говорим далее в статье.

Таблица 5

**Брачный выбор мигрантов разного пола и возраста, в 2017 г.,
в % от проживающих в РФ с партнером**

Демографические характеристики		Гражданство мужа/жены	
		иностранное	русское
Пол*	Мужской	50,7	56,4
	Женский	49,3	43,6
Возраст**	18–24 года	6,2	10,9
	25–34 года	37,7	40,0
	35–44 года	32,9	29,0
	45–54 года	18,4	14,3
	55 лет и старше	4,8	5,8

Примечания. * χ^2 Пирсона = 6,29, значимо на уровне 0,05. ** χ^2 Пирсона = 23,04, значимо на уровне 0,001.

Брачный выбор связан с демографическими характеристиками иностранцев. Мужчины-иммигранты чаще выбирают партнершу с российским гражданством, нежели женщины супругов-россиян (табл. 5). Также выбор супруга с гражданством РФ более характерен для молодых респондентов: в возрастных группах 18–24 и 25–34 года больше тех, кто состоит в браке с россиянами, чем с иностранными гражданами⁹.

В брачном выборе иммигрантов в России имеет значение уровень образования. Среди тех, у кого супруги – граждане РФ, больше людей со средним профессиональным и высшим образованием – 29,2 и 32,5% против 23,8 и 21,9% у тех, кто состоит в браке с соотечественниками, соответственно (данные 2017 г., $\chi^2 = 58,83$, значимо на уровне 0,001). В группе состоящих в партнерстве с иностранцами, напротив, наблюдается большая доля респондентов с начальным профессиональным, средним общим образованием и ниже (суммарно 54,2 против 38,4% опрошенных, чьи супруги – граждане РФ).

Респонденты с партнерами-россиянами в основном являются долгосрочными мигрантами (62,9%), однако среди них есть почти треть (31,6%) циркулярных, а также 5,5% впервые прибывших¹⁰ (данные 2017 г.). Среди состоящих в браке с иностранными гражданами 49,4% долгосрочных иммигрантов, 40,8% циркулярных, 9,8% впервые прибывших.

Вероятность вступить в брак с гражданами страны приема также связывают с давностью прибытия иммигранта¹¹. Среди респондентов, состоящих в браке с иностранными гражданами, большая доля приходится на приехавших в более поздние годы (после

⁹ Подобные закономерности отмечались и при исследовании межэтнических браков советского периода (см.: [Суколов, 1987]), а именно: а) широкая экзогамия женщин в русской культурной среде, в то время как, например, у армянок, евреек или мусульманок женская экзогамия – явление нечастое; б) большая распространенность смешанных браков среди молодежи, поскольку они менее строги в части соблюдения традиций.

¹⁰ К «долгосрочным» мигрантам мы относим не выезжающих из России год и более, к «циркулярным» – проводящих в РФ не более года, а к «впервые прибывшим» – тех, кто приехал в страну в первый раз не позднее, чем за 14 месяцев до проведения опроса. Категории долгосрочности миграции были выделены В.И. Мукомелем [2013: 10].

¹¹ Например, в Испании марокканские мужчины, вступающие в эндогамный брак, в среднем делают это через три года после миграции, в то время как те, кто женится на немарокканке, делают это в среднем через восемь лет после переезда [González-Ferrer et al., 2018].

Таблица 6

Взаимосвязь давности прибытия иммигранта в Россию и гражданства его супруга(и)
в % от проживающих в РФ с партнером

Годы прибытия в РФ	2017*		2020**	
	гражданство супругов			
	иностранное	русское	иностранное	русское
1992–2000	12,9	22,8	14,10	13,80
2001–2010	38,7	40,0	41,70	51,70
2011–2017/2020	48,4	37,2	44,20	34,50

Примечания. * χ^2 Пирсона = 43,65, значимо на уровне 0,001. ** χ^2 Пирсона = 21,56, значимо на уровне 0,005.

2011 г.). В группе состоящих в паре с россиянами преобладают иммигранты, начавшие миграционную «карьеру» в 2001–2010 гг., то есть более 7–10 лет назад (табл. 6).

Иммигранты, имеющие супругов-россиян, имеют преимущества в социально-экономической сфере – подавляющая часть проживает в отдельном доме или квартире, в то время как иммигранты с супругами-иностранцами чаще делят жилье с другими или живут в общежитии (81 против 63,7%; 33,6 и 18% соответственно). Кроме того, 29% первых имеют собственное жильё (среди вторых – 6,9%). Имеющие партнера-россиянина чаще проживают на его территории (14,9%), чем те, чьи супруги – иностранцы (0,9%).

Браки иммигрантов с россиянами связывают с возможностями легализации иностранцев. Однако наши данные демонстрируют, что в обоих сравниваемых группах доли респондентов, являющихся документированными и undocumented¹², значимо не различаются. Различия видны по конкретным документам, в частности наличию вида на жительство (ВНЖ), которое есть у 10,7% состоящих в браке с иностранцами и 28,2% – с россиянами (данные 2017 г.). Это может говорить как о связи брачного выбора иммигрантов с получением разрешительных документов, так и о вступлении в брак с гражданами РФ тех иностранцев, которые прочно обосновались в стране приема и оформили статус постоянно проживающего.

В то же время планы респондентов из двух сравниваемых групп на получение тех или иных разрешительных документов различаются. Так, намерение натурализоваться в гораздо большей степени характерно для иммигрантов, которые состоят в браке с россиянами (табл. 7).

В предыдущих исследованиях мы показали, что намерение получить российское гражданство для основной части мигрантов – это не способ облегчения вхождения на российский рынок труда, а желание остаться жить в России [Адаптация и интеграция..., 2022: 268–280]. Планы иммигрантов, состоящих в браке с россиянами, также можно рассматривать как сознательный выбор интеграции в принимающее общество¹³.

Подтверждает этот вывод и то, что абсолютное большинство тех, кто состоит в браке с гражданами РФ, намерены остаться жить в стране приема навсегда (82,3%), еще 6,5% планируют постоянно ездить между двумя государствами, и только 4,5% хотят вернуться на родину через несколько месяцев или лет. Планы тех, кто состоит в браке

¹² Имеющими и не имеющими весь необходимый перечень документов для жизни/работы в России.

¹³ Стоит отметить, что случаи так называемых «фиктивных браков», когда иностранцы сознательно женятся на гражданах РФ ради получения российского паспорта, наверняка имеют место, однако в рамках нашего исследования их выделение и анализ не представляются возможными.

Таблица 7

**Планы иммигрантов на получение разрешительных документов в зависимости
от гражданства супругов, 2017 г.,
в % от проживающих в РФ с партнером**

Вы планируете получить какие-либо из перечисленных документов?	Гражданство мужа/жены	
	иностранное	российское
Разрешение на временное проживание	17,1	18,3
Вид на жительство	21	26,1
Российское гражданство	42,1	64
Не думал об этом	25,1	7
з/о	12,4	4,4

Примечание. Возможно несколько вариантов ответа.

с соотечественниками, выглядят менее определенными – остаться навсегда в России хотят только половина проживающих здесь с партнером (52,2%), почти четверть (23,4%) намерены вернуться на родину через несколько месяцев или лет, ещё 16% собираются жить на две страны.

Поскольку мы говорим о семейных мигрантах, планы на образование детей также являются значимым показателем нацеленности на интеграцию (в данном случае межпоколенческую). Вне зависимости от того, в какой стране сейчас проживают дети, основная часть опрошенных в обоих сравниваемых группах планирует дать им образование в России (59,6 и 82,4% соответственно для состоящих в браке с иностранцами и россиянами). Однако ориентация на обучение детей в стране исхода характерна только для тех, кто состоит в браке с соотечественниками, – 20% сообщили, что планируют дать образование детям в той стране, откуда они приехали. Среди иммигрантов с супругами-россиянами таких только 4% (данные 2017 г.).

Важнейший показатель культурной интеграции мигрантов – язык общения. Те, кто состоит в браке с россиянами, значительно чаще говорят на русском языке в разных сферах жизни: на работе, дома, в неформальном общении с друзьями и знакомыми. На работе на русском языке говорят 80,9 против 70,8% состоящих в браке с иностранцами. Особые различия видны в домашнем общении – русский язык здесь является основным у 71,8% первых и только у 32,3% вторых, в общении с друзьями – 64,7 и 38,4% соответственно. Данные опроса 2020 г. показывают фактически идентичные данные об использовании русского языка в трудовой сфере и даже большие расхождения – в неформальном и домашнем общении двух сравниваемых групп иммигрантов (табл. 8).

Помимо языка общения важными показателями интеграции в культурной сфере являются доверие и чувство принадлежности иммигрантов новому обществу, а также разделяемые с принимающим обществом ценности.

Эстев и Буэно [Esteve, Bueno, 2012] приходят к выводу, что социальные сети мигрантов (и включение в них, как физическое, так и ментальное. – *Прим. авт.*) пропагандируют эндогамные браки. Этот тезис подтверждают данные о доверии мигрантов из сравниваемых нами групп «своим» и «чужим» (людям своей и иной национальности). Респонденты, состоящие в браке с соотечественниками, больше доверяют всем (12,9%) и большинству (52,2%) людей своей национальности, чем иммигранты, чьи партнеры – россияне (9,6% и 47,5% соответственно, данные 2017 г.). Последние более склонны доверять «иным»

Таблица 8

Использование русского языка в разных сферах жизни в зависимости от гражданства супругов, в % от проживающих в РФ с партнером

Язык общения		На каком языке вы чаще всего общаетесь в России...					
		на работе?*		с друзьями?		дома?	
		гражданство мужа/жены					
		ИГ**	РФ	ИГ	РФ	ИГ	РФ
На русском	2017	70,8	80,9	38,4	64,7	32,3	71,8
	2020	71,8	81,0	28,8	56,9	20,2	75,9
На русском и на другом в равной степени	2017	20,4	12	43,3	28,7	30,4	20,3
	2020	22,7	10,3	50,9	27,6	28,2	15,5
На другом	2017	1,9	0,2	18,1	6,3	37,1	7,8
	2020	1,8	3,4	20,2	15,5	51,5	8,6
Не относится, з/о	2017	6,9	7	0,2	0,3	0,1	0,2
	2020	3,7%	5,2%	–	–	–	–

Примечания. *Данные 2017 г.: χ^2 Пирсона для сферы «работа» = 34,39, «друзья» – 143,26, «дом» – 333,94, во всех случаях значимо на уровне 0,001. Данные 2020: χ^2 Пирсона для сферы «работа» = 45,72, значимо на уровне 0,05; «друзья» – 15,009, значимо на уровне 0,01; «дом» – 60,314, значимо на уровне 0,001. **ИГ – иностранное гражданство.

(людям других национальностей) – 32,8 против 23,9%¹⁴ состоящих в браке с иностранными гражданами (данные 2020 г.).

Вступление в брак с россиянами усиливает у иммигрантов и чувство принадлежности к принимающему обществу по сравнению с теми, кто проживает с партнером-иностранцем, – актуализированная общероссийская идентичность («частое» ощущение единства со всеми гражданами России) фиксируется на уровне 49,7 и 33,4% соответственно по общероссийской выборке 2017 г.¹⁵ (рис. 1). Такие же тенденции в локальной российской идентичности (чувство общности с жителями города, села проживания в России).

На рис. 1 также показано, что у респондентов, состоящих в браке с россиянами, несколько ниже актуализированная идентичность страны исхода (чувство общности с гражданами страны, из которой приехали), чем у иммигрантов, чьи супруги являются соотечественниками¹⁶. Этническая идентичность (чувство близости с людьми своей национальности) несколько сильнее у иммигрантов, состоящих в браке с соотечественниками (рис. 1). Религиозная идентичность значимо не различается между двумя сравниваемыми группами.

Россия принимает иммигрантов главным образом из стран, ценности которых могут отличаться от представлений значительной части принимающего общества ввиду культурных и религиозных особенностей (граждане государств Средней Азии и Закавказья

¹⁴ Сумма ответов «всем» и «большинству» на вопрос: «Какой части людей других национальностей вы можете доверять?».

¹⁵ В Московском регионе по опросу 2020 г. соотношение 62,1 и 58,3% соответственно. Такие различия в данных 2017 и 2020 гг. связаны с географией выборок, а также с контингентами респондентов: в 2020 г. основную часть выборки составляли граждане государств Средней Азии, которые по нашим наблюдениям могут выражать несколько большую лояльность (проявлять эффект т.н. «социальной желательности»).

¹⁶ 48,8 и 55,6% соответственно, в 2020 г. – 50 и 65,6%.

Рис. 1. Структура идентичностей иммигрантов в зависимости от гражданства супругов, 2017 г., в % от проживающих в РФ с партнером

с преимущественно мусульманским и/или населением, придерживающимся консервативных ценностей) (подробнее о ценностях иммигрантов и россиян см.: [Эндрюшко, 2022]).

В нашем опросе было два типа ценностей – гендерные установки (на примере отношения к равенству образовательных возможностей) и показатели сексуальной либерализации (их также называют ценности индивидуального выбора) на примере допустимости разводов и добрачных сексуальных отношений (подробнее о методологии исследования ценностей см.: [там же]).

Респонденты, состоящие в браке с россиянами, показали более либеральное отношение ко всем рассмотренным ценностям. Во-первых, они чаще поддерживают гендерное равенство – 23,2% из них согласны (сумма ответов «полностью согласен» и «скорее согласен») с утверждением, что «высшее образование важнее для мальчика, чем для девочки» (76,8% «скорее не согласны» и «полностью не согласны»), в то время как мигранты, состоящие в браке с соотечественниками, солидарны с этим тезисом в 41,6% случаев (58,4% – не согласны). Во-вторых, они более либеральны в отношении ценностей индивидуального выбора¹⁷: 30 и 22,6% из них крайне консервативны в вопросах добрачных сексуальных отношений и разводов соответственно. Среди мигрантов, состоящих в браке со «своими», 55,8% категорически не приемлют добрачные связи, 45,4% – развод (рис. 2).

К ценностным установкам можно отнести и форму брака. Именуемый в повседневном общении «гражданский брак» является альтернативным типом союза – сожительством. Рядом исследователей соительство рассматривается как показатель современных

¹⁷ Ответы на вопрос: «Как вы считаете, в какой степени развод/сексуальные отношения до брака может(могут) быть оправдан(ы)?». Ответы измерялись по шкале от 1 до 10, где 1 – «никогда нельзя оправдать», 10 – «всегда можно оправдать».

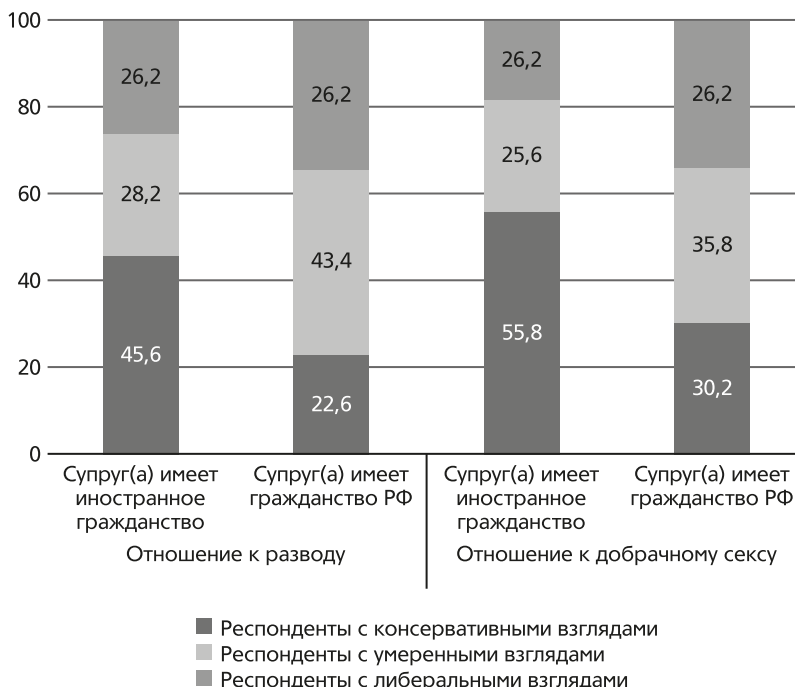

Рис. 2. Взгляды иммигрантов на допустимость разводов и добрачного секса в зависимости от гражданства супругов, 2020 г., в % от проживающих в России с партнером

Примечание. К консервативным респондентам отнесены те, кто никогда не может оправдать предлагаемое событие (ответ 1), к либеральным – кто может оправдать всегда (ответ 10), к умеренным во взглядах – те, кто может оправдать в той или иной ситуации (ответы 2–9).

семейных ценностей [Lesthaeghe, 2010]. Оно получило распространение среди коренного населения многих европейских стран, а также в России.

Среди мигрантов, супруги которых также являются иностранцами, 88% состоят в зарегистрированном браке, в то время как имеющие партнеров-россиян официально оформили отношения в 70% случаев (данные 2017 г., в опросе 2020 г. – соотношение 85,3 и 65,5%). Для последних гражданский брак более распространенное явление – 25,8% против 7,6% тех, чьи супруги являются иностранцами¹⁸ (в опросе 2020 г. – 25,9% и 9,2% соответственно).

Выводы. Иммигранты не оторваны от брачного рынка своей страны, но для них открывается и новый брачный рынок, страны принимающей, что дает им право выбора. В российской ситуации мы можем говорить о том, что «импортирование» супругов с родины остается пока подавляющим трендом для иммигрантов из постсоветских государств – три четверти опрошенных состоят в союзе с иностранными гражданами, более 95% из которых – соотечественники, более 85% – той же этничности. Это подчеркивает важность этнокультурной дистанции между иммигрантами и принимающим российским обществом в сфере личных взаимоотношений. Вместе с тем четверть опрошенных иностранных граждан состоят в той или иной форме брака с россиянами.

¹⁸ Дополнительные распределения с включением принадлежности к той или иной религии не вносят существенных изменений в результаты.

Брачный выбор иммигрантов в России можно считать значимым показателем интеграции, поскольку имеющие супругов – граждан РФ в целом показывают лучшие результаты по многим ее показателям, чем находящиеся в браке с соотечественниками.

На брачный выбор влияют социально-экономические характеристики респондентов, в первую очередь образование, – его более низкий уровень связан с эндогамными союзами, для более образованных мигрантов смешанные браки более вероятны.

Мы не можем назвать брак с россиянами мостом к получению российского гражданства, поскольку нет значимой связи между брачным выбором и документированностью иммигрантов. Состоящие в браке с россиянами иностранцы – это в подавляющем большинстве долгосрочные мигранты, решившие связать свою жизнь со страной приема (остаться в России навсегда), зачастую уже имеющие вид на жительство и вступившие на путь натурализации или имеющие подобное намерение.

Выбор в качестве супругов граждан страны приема выступает показателем определенной культурной открытости мигрантов, поскольку среди таких партнеров есть и русские (подавляющее большинство), и люди других национальностей, и «свои» (с неизвестным миграционным прошлым)¹⁹. Показателем открытости для них является и более высокий уровень межэтнического доверия к людям других национальностей, чем у тех, кто женится на «своих», и, соответственно, «своим» же больше доверяет.

Брачный выбор вносит коррективы и в структуру идентичностей. У иммигрантов, состоящих в браке с россиянами, формируется более актуализированная российская идентичность и несколько ослабевает чувство принадлежности к стране выхода по сравнению с группой состоящих в браке с соотечественниками. Вместе с тем не происходит значимых сдвигов в этнической и религиозной идентичностях. Это позволяет нам говорить, что смешанные браки иммигрантов и россиян не сопряжены с культурной ассимиляцией, но сильная этническая и религиозная идентичности могут выступать барьерами для них.

Также выбор в качестве супругов россиян связан с модернизированностью ценностей представлений иммигрантов, смещением их на более «европеизированные», такие как гендерное равенство и личная свобода. В этом смысле брачный выбор иммигрантов означает не только выбор партнера, но отчасти и выбор более свободного образа жизни, чем принят в его/ее родной культуре.

Таким образом, браки иммигрантов и россиян стоит рассматривать как индикатор интеграции, понимаемой не как поглощение иммигрантов принимающим обществом, а как процесс встречного движения их культур²⁰.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы / Отв. ред. В.И. Мукомель, К.С. Григорьева. М.: ФНИСЦ РАН, 2022.
- Бирюкова С.С. Вклад международных мигрантов в рождаемость и брачность регионов России // Современные исследования миграции населения: Сб. ст. / Под ред. Е.В. Донец, О.С. Чудиновских. М.: Экон. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015. С. 19–30.
- Лурье С.В. Межэтнические браки в современном российском национальном сценарии // Петербургская социология сегодня. 2018. Вып. 10. С. 122–148. DOI: 10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077.
- Мукомель В.И. Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски: рабочая тетрадь. М.: Спецкнига, 2013.
- Сивоплясова С.Ю. Брачный рынок России как составляющая международного брачного рынка // СОТИС – социальные технологии, исследования. 2020. № 1. С. 55–61.

¹⁹ Люди своей этничности, но выросшие в другой культурной среде, в частности в России, также могут иметь иные культурные паттерны, чем иммигранты.

²⁰ Определение интеграции как «встречного движения культур принимающего социума и иммигрантов, смешение культурных норм и ценностей, ... возможно, противоречащих друг другу», сформулировано В.И. Мукомелем и развивается в исследованиях сотрудников Сектора изучения миграционных и интеграционных процессов Института социологии ФНИСЦ РАН, к которым принадлежит и автор данной статьи.

- Сивоплясова С.Ю., Рязанцев С.В. Брачное поведение женщин-мигранток из стран Центральной Азии // *Женщина в российском обществе*. 2021. Спец. выпуск. С. 136–149. DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.9.
- Сигарева Е.П., Сивоплясова С.Ю. Влияние внешней миграции на брачность и рождаемость в современной России // *Научный результат. Социология и управление*. 2022. Т. 8. № 1. С. 68–91. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-6.
- Сороко Е.Л. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // *Демографическое обозрение*. 2015. № 1(4). С. 96–123. DOI: 10.17323/demreview.v1i4.1804.
- Сусоколов А.А. *Межнациональные браки в СССР*. М.: Мысль, 1987.
- Эндрюшко А.А. Трансформация ценностей иммигрантов в контексте их культурной интеграции: отношение к разводам и добрым сексуальным отношениям // *Демографическое обозрение*. 2022. Т. 9. № 3. С. 58–74. DOI: 10.17323/demreview.v9i3.16470.
- Esteve A., Bueno X. Marrying after migration: Assortative mating among Moroccans in Spain // *Genus*. 2012. No. 68(1). P. 41–63. DOI: 10.4402/genus-361.
- González-Ferrer A., Obućina O., Cortina C., Castro Martín T. Mixed marriages between immigrants and natives in Spain: The gendered effect of marriage market constraints // *Demographic Research*. 2018. No. 39(1). P. 1–32. DOI: 10.4054/DemRes.2018.39.1.
- Kalmijn M. Inter-marriage and homogamy: Causes, patterns, trends // *Annual Review of Sociology*. 1998. No. 24. P. 395–421. DOI: 10.1146/annurev.soc.24.1.395.
- Kalmijn M., van Tubergen F. Ethnic intermarriage in the Netherlands: Confirmations and refutations of accepted insights // *European Journal of Population*. 2006. No. 22(4). P. 371–397. DOI: 10.1007/s10680-006-9105-3.
- Kantarevic J. Interethnic marriages and economic assimilation of immigrants // IZA-Institute for the Study of Labor, Discussion Paper Series. 2004. No. 1142.
- Lesthaeghe R. The unfolding story of the second demographic transition // *Population and Development Review*. 2010. No. 36(2). P. 211–251. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2010.00328.x.
- Lucassen L., Laarman C. Immigration, intermarriage and the changing face of Europe in the post war period // *History of the Family*. 2009. No. 14(1). P. 52–68. DOI: 10.1016/j.hisfam.2008.12.001.
- Meng X., Gregory R. Inter-marriage and the economic assimilation of immigrants // *Journal of Labor Economics*. 2005. No. 23(1). P. 135–175. DOI: 10.1086/425436.
- Meng X., Meurs D. Inter-marriage, language, and economic assimilation process: A case study of France // IZA-Institute for the Study of Labor, Discussion Paper Series. 2006. No. 2461.
- Park R. Human Migration and the Marginal Man // *American Journal of Sociology*. 1928. No. 33. P. 881–893.
- Portes A., Zhou M. The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants among Post-1965 Immigrant Youth // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1993. No. 530. P. 74–98.
- Song M. Is intermarriage a good indicator of integration? // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2009. No. 35(2). P. 331–348. DOI: 10.1080/13691830802586476.
- Stonequist E. *The Marginal Man*. New York: Charles Scribner's Sons, 1937.
- van Tubergen F., Maas I. Ethnic intermarriage among immigrants in the Netherlands: An analysis of population data // *Social Science Research*. 2007. No. 36(3). P. 1065–1086. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2006.09.003.

Статья поступила: 13.04.23. Финальная версия: 25.05.23. Принята к публикации: 05.06.23

MARRIAGE CHOICE OF IMMIGRANTS IN RUSSIA: MAIN CHARACTERISTICS AND RELATIONSHIP WITH INTEGRATION

ENDRYUSHKO A.A.

Institute of Sociology FCTAS RAS, Russia

Anna A. ENDRYUSHKO, Cand. Sci. (Sociol.), Research Fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (anna.endryushko@mail.ru).

Abstract. The article shows features of the choice of spouses by immigrants from the CIS, Ukraine and Georgia in Russia, as well as the relationship of marriage choice to integration of foreign citizens in Russian society. The empirical basis of the study was sociological surveys of immigrants conducted by the Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences in 2017 and 2020 (8577 and 700 respondents respectively). The preservation of the ethno-cultural distance between immigrants and the host Russian society is shown, since the “importing” of spouses from their homeland remains overwhelming. During the study, two groups of respondents were identified: whose spouses have and do not have Russian citizenship. The author analyzes the integration parameters of these groups and comes to the conclusion that the former are better integrated into the host society. Particular attention is paid to cultural integration. It is shown that the choice of Russians as spouses contributes to the formation of interethnic trust and a sense of belonging to the host society (all-Russian identity) among immigrants, as well as more modernized values, such as gender equality and personal freedom. At the same time, it is concluded that mixed marriages of immigrants and Russians are not associated with cultural assimilation, they should be considered as a process of counter movement of their cultures.

Keywords: mixed marriages, cultural integration, immigrant values, ethnocultural distance, ethnic identity.

REFERENCES

- Biryukova S.S. (2015) The contribution of international migrants to the birth rate and marriage rate of Russian regions. In: Donets E.V., Chudinovsky O.S. (eds) *Modern studies of population migration*: Coll. of art. Moscow: Ekon. f-t MGU im. M.V. Lomonosova: 19–30. (In Russ.)
- Endryushko A.A. (2022) Transformation of immigrant values in the context of their cultural integration: attitude to divorce and premarital sexual relations. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. No. 3(9): 58–74. DOI: 10.17323/demreview.v9i3.16470. (In Russ.)
- Esteve A., Bueno X. (2012) Marrying after migration: Assortative mating among Moroccans in Spain. *Genus*. No. 68(1): 41–63. DOI: 10.4402/genus-361.
- González-Ferrer A., Obućina O., Cortina C., Castro Martín T. (2018) Mixed marriages between immigrants and natives in Spain: The gendered effect of marriage market constraints. *Demographic Research*. No. 39(1): 1–32. DOI: 10.4054/DemRes.2018.39.1.
- Kalmijn M. (1998) Inter-marriage and homogamy: causes, patterns, trends. *Annual Review of Sociology*. No. 24: 395–421. DOI: 10.1146/annurev.soc.24.1.395.
- Kalmijn M., van Tubergen F. (2006) Ethnic intermarriage in the Netherlands: confirmations and refutations of accepted insights. *European Journal of Population*. No. 22(4): 371–397. DOI: 10.1007/s10680-006-9105-3.
- Kantarevic J. (2004) Interethnic marriages and economic assimilation of immigrants. *IZA-Institute for the Study of Labor. Discussion Paper Series*. No. 1142.
- Lesthaeghe R. (2010) The unfolding story of the second demographic transition. *Population and Development Review*. No. 36(2): 211–251. DOI:10.1111/j.1728-4457.2010.00328.x.
- Lucassen L., Laarman C. (2009) Immigration, intermarriage and the changing face of Europe in the post war period. *History of the Family*. No. 14(1): 52–68. DOI: 10.1016/j.hisfam.2008.12.001.
- Lurie S.V. (2018) Interethnic marriages in the modern Russian national scenario. *Peterburgskaya sociologiya segodnya* [Petersburg Sociology Today]. No. 10: 122–148. DOI: 10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077. (In Russ.)
- Meng X., Gregory R. (2005) Inter-marriage and the economic assimilation of immigrants. *Journal of Labor Economics*. No. 23(1): 135–175. DOI: 10.1086/425436.
- Meng X., Meurs D. (2006) Inter-marriage, language, and economic assimilation process: a case study of France. *IZA-Institute for the Study of Labor, Discussion Paper Series*. No. 2461.

- Mukomel V.I. (2013) *Migrant integration policy in Russia: challenges, potential, risks: workbook*. Moscow: Spetskniga. (In Russ.)
- Mukomel V.I., Grigorieva K.S. (eds) (2022) *Adaptation and integration of migrants in Russia: challenges, realities, indicators*. Moscow: FNIS RAN, 2022. (In Russ.)
- Park R. (1928) Human Migration and the Marginal Man. *American Journal of Sociology*. No. 33: 881–893.
- Portes A., Zhou M. (1993) The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants among Post-1965 Immigrant Youth. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. No. 530: 74–98.
- Sigareva E.P., Sivoplyasova S.Yu. (2022) The impact of external migration on marriage and fertility in modern Russia. *Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie* [Research Result. Sociology and management]. No. 8 (1): 68–81. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-6. (In Russ.)
- Sivoplyasova S.Yu. (2020) The marriage market of Russia as a component of the international marriage market. *SOTIS – social'nye tekhnologii, issledovaniya* [SOTIS – social technologies, research]. No. 1: 55–61. (In Russ.)
- Sivoplyasova S.Yu., Ryazantsev S.V. (2021) Marriage behavior of female migrants from Central Asian countries. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*. [Woman in Russian Society]. Special issue: 136–149. DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.9. (In Russ.)
- Song M. (2009) Is intermarriage a good indicator of integration? *Journal of Ethnic and Migration Studies*. No. 35(2): 331–348. DOI: 10.1080/13691830802586476.
- Soroko E.L. (2015) Ethnically mixed families in the Russian Federation. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. No. 1(4): 96–123. DOI: 10.17323/demreview.v1i4.1804. (In Russ.)
- Stonequist E. (1937) *The Marginal Man*. New York: Charles Scribner's Sons.
- Susokolov A.A. (1987) *Interethnic marriages in the USSR*. Moscow: Mysl. (In Russ.)
- van Tubergen F., Maas I. (2007) Ethnic intermarriage among immigrants in the Netherlands: An analysis of population data. *Social Science Research*. No. 36(3): 1065–1086. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2006.09.003.

Received: 13.04.23. Final version: 25.05.23. Accepted: 05.06.23.

Е.В. АРГУНОВА

ДИНАМИКА РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК ПЕТЕРБУРЖЕНОК ФЕРТИЛЬНОГО ВОЗРАСТА (2011–2021)

АРГУНОВА Елена Викторовна – кандидат политических наук, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия (argunova09@mail.ru).

Аннотация. В статье рассмотрена динамика репродуктивных установок жительниц Санкт-Петербурга за десятилетие. На данных телефонных опросов совершеннолетних петербурженек фертильного возраста, проведенных в 2011 и 2021 гг., измерены три базовых показателя: среднее идеальное, желаемое и ожидаемое числа детей. Зафиксирован рост в 2021 г. главного из этих индикаторов – среднего ожидаемого числа детей – при неизменившихся прочих, рост произошел за счет группы 30–44 лет. Выявлена негативная динамика репродуктивных установок у молодых бездетных (18–24 лет). Среди ключевых результатов исследования: рост ориентации на бездетность; ухудшение отношения к зарегистрированному браку; рост среднего возраста, идеального для рождения детей (и первого, и последнего). Построен рейтинг барьеров для деторождений в восприятии женщин. На основе самооценки показана тенденция к заметному ухудшению репродуктивного здоровья женщин фертильного возраста.

Ключевые слова: рождаемость • детность • бездетность • репродуктивные установки • предпочитаемое число детей • брачность • демографическая политика • социальная политика • информационная политика

DOI: 10.31857/S013216250022671-1

Об исследовании. Представляемое исследование методологически основывается на положении (развившемся на базе многочисленных исследований «парадокса обратной связи» более высокой детности при более низком уровне жизни), что в современном обществе на массовом уровне основным определяющим детность фактором является не материальное благосостояние, а репродуктивные установки населения (прежде всего женщин репродуктивного возраста), отражающие имеющуюся потребность в детях (А.И. Антонов, В.М. Медков, В.А. Борисов, В.Н. Архангельский и др.). Используются исследовательские подходы, отраженные в проектах «Россия-2000» [Медков, 2002] и «Россия-2014».

Исследование реализовано в режиме мониторинга (на одинаковых по структуре выборках и в части основных вопросов – на одном и том же инструментарии) в рамках функционирования системы поддержки принятия решений руководством Санкт-Петербурга¹ в 2011 [Аргунова, Тимофеева, 2012–2013] и 2021 гг. Особое место в числе актуальных

¹ Государственная информационная система Санкт-Петербурга «Интегрированная система информационно-аналитического обеспечения деятельности исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга» (ИС ИАО), оператор – Санкт-Петербургский информационно-аналитический центр. Опросы проведены под руководством автора и М.А. Тимофеевой 15–26 апреля 2021 г., 11–17 апреля 2011 г. методом стандартизованного телефонного интервью с использованием кол-центра; расчеты произведены Е.В. Аргуновой и М.А. Тимофеевой (по данным 2021 г. – в основном М.А. Тимофеевой). Опрашивались совершеннолетние женщины репродуктивного возраста (18–49 лет): в первом случае выборка составила 602 чел., во втором – 1000; квотировалась по возрасту (пятилетние возрастные интервалы и двухлетний интервал 18–19 лет); статистическая погрешность – соответственно $\pm 3,1\%$ и $\pm 4\%$ на уровне 95%. В основу инструментария легла анкета исследования «Россия-2000», разработанного кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им М.В. Ломоносова, адаптирована автором и М.А. Тимофеевой для телефонного опроса. Для обработки данных использовался программный комплекс STATISTICA.

практических задач социологических исследований рождаемости занимают регулярные замеры средних предпочитаемых чисел детей: идеального, желаемого и ожидаемого, а также изучение в динамике иных характеристик репродуктивных установок данной группы населения. При этом наиболее важным показателем является среднее ожидаемое число детей как отражающее реальные репродуктивные планы семей с учетом конкуренции репродуктивных планов с другими планами и потребностями [Борисов, 1999; Антонов, Медков, 1996]; его роль как основного индикатора репродуктивных планов также демонстрируют исследования на данных обследований Росстата (см., напр.: [Андреев, Бондарская, 2000]).

Динамика репродуктивных установок петербурженок в 2011–2021 гг. Результаты опросов демонстрируют как положительную динамику значений ключевого индикатора репродуктивных установок – ожидаемого числа детей (рис. 1), так и развивающиеся тревожные тенденции, влияющие на рождаемость, в виде нарастания предпочтений бездетности, продолжающегося ухудшения отношения к регистрируемому браку и ухудшения отзывов о репродуктивном здоровье.

Среднее ожидаемое число детей (среднее по выборке значение общего числа детей, которое женщина собирается иметь к концу репродуктивного периода) в 2011 г. в Петербурге было низким – всего 1,88 ребенка, однако за десятилетие возросло до 2,19. В то же время два других базовых индикатора репродуктивных установок – идеальное число детей (отражает представления женщины о наилучшем числе детей в абстрактной семье) и желаемое число (которое ей хотелось бы иметь за свою жизнь «при всех необходимых для этого условиях») – за десятилетие значимо не изменились, составив 2,52 и 2,64 соответственно. Негативным моментом остается и низкое значение среднего числа детей, планировавшегося до брака: оно составляет 2,00 (против 1,87 десятилетие назад); таким образом, потребность в детях по-прежнему следует характеризовать как низкую.

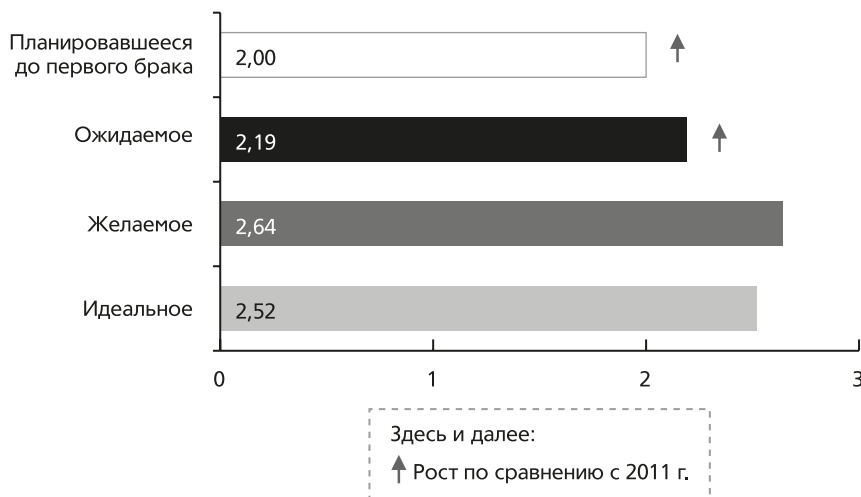

Рис. 1. Предпочитаемое число детей, 2021 год и направление динамики за 2011–2021 гг., Санкт-Петербург

Примечание. Здесь и далее число детей, планировавшееся до первого брака, – среди состоящих в браке, зарегистрированном или нет.

Это отражает и отсутствие устойчивой положительной динамики суммарного коэффициента рождаемости за рассматриваемый период²: в 2011 г. он составлял 1,38, достиг максимума (1,63) в 2016 г., в 2021 г. его значение вернулось к уровню 2011 г. (1,38).

Социально-демографические факторы, воздействующие на состояние и динамику репродуктивных установок. Дифференциации в зависимости от уровня доходов и удовлетворенности им ни в 2011 г., ни в 2021 г. репродуктивные установки практически не демонстрируют. Только число детей, которое, по представлениям опрошенных, семья может позволить, не ущемляя себя материально, с увеличением доходов (как и удовлетворенности ими) растёт. Отмечается рост по сравнению с 2011 г. ожидаемого числа детей во всех группах, независимо от материальной обеспеченности и представлений о ней (табл. 1).

Среди недовольных уровнем дохода в своей семье четверть составляют семьи с высокими доходами; это женщины и с высокими притязаниями в области уровня жизни, которые, как правило, являются для них приоритетными и побеждают потребность в детях. На склонность объяснять отсутствие или небольшое число детей в семье помехами материального плана указывает и тот факт, что среди тех, кто считает недопустимым откладывать рождение детей, среднее число детей, которое, по представлениям женщин, семья может иметь, не ущемляя себя материально, выше (1,89), чем среди допускающих это (1,56). В целом, 22,4% опрошенных женщин в 2021 г. относились к категории семей с низким уровнем доходов, 35,8% – со средним и 41,8% – с высоким.

Возрастной срез динамики предпочитаемых чисел (табл. 2) показывает рост ожидаемого, желаемого и идеального числа детей исключительно по группе 30–44-летних петербурженок. Среди наиболее молодых (18–24 года) низки по сравнению с другими

Таблица 1

Среднее предпочитаемое число детей в зависимости от уровня доходов и удовлетворенности им в 2021 г. и динамика за 2011–2021 гг., Санкт-Петербург

Показатели	Среднее предпочитаемое число детей				
	идеальное	желаемое	ожидаемое	которое семья может позволить, не ущемляя себя материально	планировавшееся до первого брака
В целом	2,52	2,64	2,19 (рост)	1,66	2,00 (рост)
<i>По уровню доходов</i>					
Низкий	2,55	2,76	2,22 (рост)	1,43	1,91
Средний	2,53	2,60	2,17 (рост)	1,60	2,03
Высокий	2,50	2,61	2,19 (рост)	1,85	2,03 (рост)
<i>По удовлетворённости уровнем доходов</i>					
Не устраивает (скорее или совершенно)	2,49	2,68	2,16 (рост)	1,48	1,96
Устраивает (скорее или полностью)	2,54 (рост)	2,59	2,22 (рост)	1,83 (рост)	2,04 (рост)

Примечание. Группировка по уровню доходов: низкий («Денег не хватает даже на продукты питания»+«На продукты питания денег хватает, но покупка одежды уже вызывает затруднения»), средний («Денег хватает на продукты и одежду, однако покупка вещей длительного пользования для нас является проблемой»), высокий («Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования, но нам сложно приобретать дорогие вещи»+«Мы можем позволить себе приобретать такие дорогие вещи, как квартира, дача»). Обозначения шрифтом в таблице: курсив – ниже относительно общего по выборке; **жирный** – выше относительно общего по выборке; обычный – значимо не отличается от общего по выборке.

² Основные показатели демографических процессов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в 2021 году. Статистический сборник. СПб.: Петростат, 2022. С. 27 (за 2012–2021 гг.); аналогичные сборники за 2017 и 2012–2013 гг.

Таблица 2

Средние предпочитаемые числа детей по возрастным группам опрошенных в динамике за 2011–2021 гг., Санкт-Петербург

Возраст	Предпочитаемые числа в 2021 г. и динамика по сравнению с 2011 г.					
	ожидаемое		желаемое		идеальное	
	значение	динамика	значение	динамика	значение	динамика
18–24	1,57	отсутствует	1,81	снижение	2,29	отсутствует
25–29	1,91	отсутствует	2,23	отсутствует	2,32	отсутствует
30–44	2,53	рост	2,98	рост	2,61	рост
45–49	1,78	отсутствует	2,45	отсутствует	2,60	отсутствует

возрастными группами значения желаемого и ожидаемого чисел – 1,81 и 1,57 соответственно, при этом если у 30–44-летних за 10 лет все предпочитаемые числа улучшились, то у 18–24-летних снизилось желаемое.

Негативна динамика репродуктивных установок у наиболее молодых бездетных: в этой группе все основные индикаторы (идеальное, желаемое и ожидаемое) значимо ниже, чем в 2011 г. (соответственно 2,03, 1,18 и 0,97), при этом очень высока доля заявляющих о своем нежелании иметь детей – 44,4%, и она тоже возросла.

На рождаемость прямо влияет регистрируемый брак. На данных выборочных наблюдений репродуктивных планов населения, проводимых Росстатом, доказано, что неуверенность в прочности отношений с гражданскими мужьями и женами приводит к откладыванию рождения детей в несколько раз чаще, чем аналогичные сомнения в отношениях с законными супругами; зарегистрированный брак – это «фундамент», без прочности которого «увеличивать этажность здания рискованно» [Синельников, 2019: 36]. Снижение ценности традиционного брака (пожизненного зарегистрированного с несколькими детьми), распространение альтернативных форм брака исследователи относят к проявлениям негативных перемен в семье как социальном институте [Архангельский, 2013].

Недостаточный объем подвыборок, формируемых для расчета предпочитаемых чисел в разрезе одновременно брачного состояния и возраста, не позволяет однозначно утверждать, что пессимистическая картина установок самых молодых женщин (18–24 лет), которые в большинстве не замужем, будет серьезно скорректирована за счет их будущих браков; однако следует отметить, что в группе молодых женщин в целом (18–29 лет) среди состоящих в зарегистрированном браке среднее ожидаемое число детей (2,31) выше, чем среди тех, чей брак не зарегистрирован (1,54), хотя значимо не выше, чем значение по выборке в целом (рис. 2).

Отношение к зарегистрированному браку в Санкт-Петербурге продолжает ухудшаться. За десятилетие снизились и брачность (на 15%³), и доля считающих регистрацию первого брака обязательной – до всего лишь трети против 45,5% в 2011 г. Как желательную ее рассматривает половина (46,8%), как нежелательную – 9,5%. При этом среди состоящих в незарегистрированном (гражданском) браке, как он был обозначен в анкете, и незамужних доля рассматривающих регистрацию первого брака как нежелательную выше, чем в целом по выборке, а на обязательную регистрацию брака ориентированы только 14,4% состоящих в гражданском браке и четверть (24,5%) незамужних (в 2011 г. эти доли были выше).

Сторонниками обязательной регистрации брака – и первого, и повторного – являются только 22,4% женщин, противницами – 6,2%. Разрыв в значениях предпочитаемых чисел детей среди сторонниц и противниц обязательной регистрации огромен; так, среднее ожидаемое составляет соответственно 2,47 и 1,95.

³ Расчет по данным Петростата: Санкт-Петербург в 2014 году. Статистический ежегодник. СПб.: Петростат, 2015; Санкт-Петербург, 2021. Краткий статистический сборник. СПб.: Петростат, 2022.

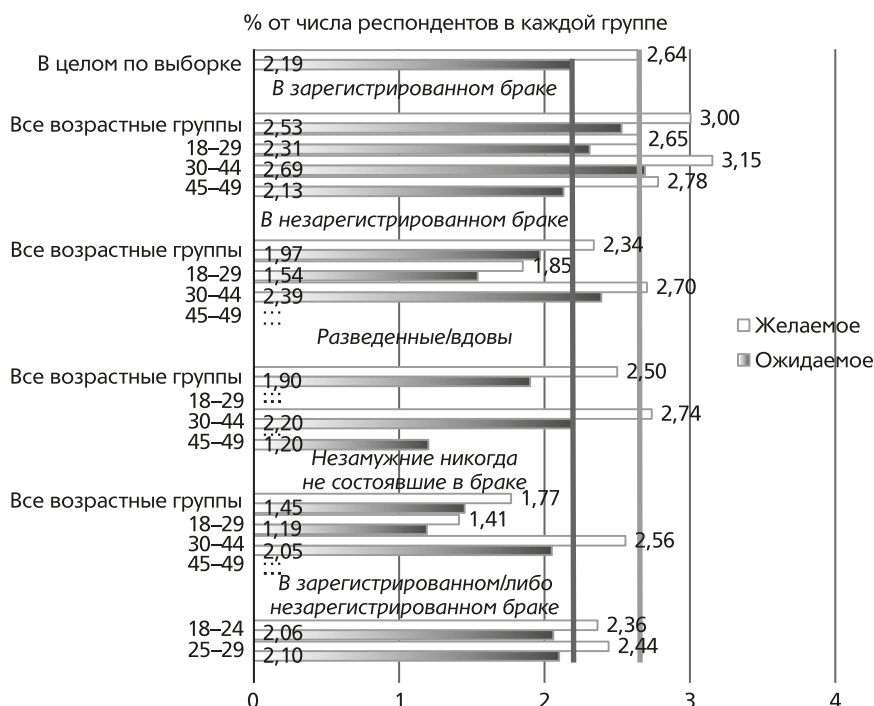

Рис. 2. Средние предпочитаемые числа детей по возрасту и семейному положению, 2021 г., Санкт-Петербург

Примечание. «...» – недостаточно подвыборки.

Состояние репродуктивных установок связано с оценкой роли детей в жизни женщины: среди согласных с утверждением, что жизнь женщины неполноценна, если у нее нет детей, средние предпочитаемые числа детей значительно выше, чем среди несогласных с этим. В целом по выборке согласных с этим утверждением 41,8%, и за 10 лет их стало значительно меньше (было 76,7%).

В Санкт-Петербурге наибольший потенциал деторождений наблюдается в группе 25–29-летних (55,8% желающих увеличения числа своих детей против 43,9% в целом по выборке). Таким образом, целесообразно считать приоритетными мероприятия, направленные на стимулирование реализации этого потенциала в группе женщин в возрасте 25–29 лет.

В целом за прошедшее десятилетие возросла доля женщин, не желающих увеличивать число детей либо неспособных это сделать по состоянию здоровья (за 10 лет до весьма значительной величины – десятой части – возросла доля указывающих на

Таблица 3

Средние предпочитаемые числа детей в зависимости от согласия с утверждением, является ли жизнь женщины неполноценной, если у нее нет детей, 2021 г., Санкт-Петербург

Позиция	Предпочитаемые числа		
	ожидаемое	желаемое	идеальное
Согласны	2,52	3,06	2,68
Не согласны	1,95	2,34	2,39

Рис. 3. Наилучший в представлениях респонденток возраст рождения первого и последнего ребенка в среднем по выборке, 2021 г., Санкт-Петербург

невозможность иметь детей по состоянию здоровья). В результате доли желающих и не желающих увеличения своей семьи сравнялись.

Значительной проблемой в области рождаемости является продолжающийся рост среднего возраста матери при рождении ребенка, т.к. откладывание деторождений ведет в итоге к уменьшению их числа. В представлениях петербурженки отмечается повышение возрастной планки рождения первого и последнего ребенка (рис. 3). Наилучшим периодом для рождения детей петербурженки называют возрастную интервал от 24 до 38 лет, и за последние 10 лет он сдвинулся в сторону увеличения (было – от 24 до 36).

Распределение ответов демонстрирует явную ориентацию на деторождение после получения образования и некоторого социально-профессионального становления: оно не является выражено пессимистическим, однако не внушает и оптимизма с учетом разрыва между декларируемой установкой и ее реализацией.

Воздействие пронаталистских мер на состояние и динамику репродуктивных установок. В социологических исследованиях эффективности пронаталистских мер задаются прямые вопросы о влиянии таких мер на принятие решения о деторождении. В нашем исследовании петербурженкам, родившим двух и более детей (в 2021 г. это половина выборки), в 2021 г. был задан вопрос, повлияла ли на их решение завести больше одного ребенка «реализация дополнительных мер государственной помощи семьям с детьми (материнский капитал и т.д.)» в числе других причин. Респонденткам зачитывался список из 10 причин, из которых они могли выбрать один-два варианта. Доля выбравших в том числе этот вариант составила 9,1%. Такой же результат (9,6%) в этом вопросе показывает исследование 2017 г. по стране в целом на выборке, включающей мужчин и женщин [Малева и др., 2017: 130], при этом его авторы указывают на вероятность того, что эта доля занижена вследствие

феномена социально одобряемого поведения, когда женщины не склонны указывать на эту причину во избежание трактовки их поведения в духе «родить за деньги».

Вопрос о барьерах к рождению желаемого числа детей был сформулирован исходя из гипотезы о неосознанной психологической защите, возникающей при ответе у женщин, имеющих сложившуюся ориентацию на малодетную семью при высоких внесемейных социальных притязаниях и ссылающихся на помехи материального плана как предлог из сферы социально одобряемых обстоятельств [Медков, 2002]; такие женщины увеличение числа детей воспринимают как угрозу текущему или желаемому социальному статусу. В Санкт-Петербурге доля тех, у кого ожидаемое число детей меньше желаемого и кто на вопрос о том, что мешает им иметь желаемое число детей, сослался на материальные трудности, за десятилетие не изменилась (43,2%). Жилищные трудности (26,3%) остались на втором месте, однако долю ссылок на них значительно сократило широкое распространение ипотеки за эти годы. Одну или сразу две «помехи», явно свидетельствующие об отсутствии реальной потребности в увеличении числа детей, такие как чрезмерная занятость (5,3%), стремление интереснее отдохнуть и саморазвиваться (9,5%), стремление должным образом вырастить и воспитать уже имеющегося ребенка (эта доля возросла с 7,1 до 12,1%), в 2021 г. открыто назвали 23,7%. По-прежнему четверть составили выбравшие вариант «неудовлетворительное состояние здоровья», который в том числе свидетельствует о наличии неудовлетворенной потребности в детях. Больше за последние 10 лет стало ссылающихся на отсутствие супруга (с 6,1 до 12,1%) – причину, которую также можно отнести к отражающим в основном реальные препятствия.

Как и к большинству мер социальной поддержки населения, к введенной недавно практике выплат материнского капитала за первого ребенка большинство опрошенных женщин относятся положительно. По результатам опроса 2021 г. большинство (61,2%) считают, что введение материнского капитала приведет к повышению рождаемости, однако только 20,5% – что повышение будет значительным. Немногим более половины петербурженок (55,4%) сочли размер материнского капитала существенной суммой для семей, планирующих рождение первого ребенка, и от уровня доходов эта оценка зависит слабо.

Различные меры поддержки семьи, материнства и детства традиционно получают широкое одобрение населения [Андреев, Бондарская, 2000], что вполне естественно. Однако общая оценка этой политики, например, в Санкт-Петербурге невысока: считающих, что государство делает для стимулирования рождаемости слишком мало, больше, чем тех, кто оценивает меры в этой сфере как достаточные: 52,2% (среди низкодоходных групп – 60,7%) против 39,7%. И наличие детей на оценку не влияет.

В той же логике лежит резко отрицательное отношение к идее введения налога на бездетность (63,4%), причем ярые противники преобладают не только среди бездетных (81%), но и среди имеющих детей (60,5%), т.е. это консолидированное мнение женщин 18–49 лет в мегаполисе, где велика доля низкодоходных групп (в Санкт-Петербурге традиционно от четверти до трети, на момент исследования, в апреле 2021 г. – 30,7%⁴).

Выводы. Зафиксированная по результатам мониторинга позитивная динамика среднего ожидаемого числа детей при неизменных показателях среднего идеального и желаемого чисел детей представляется обусловленной государственной информационной политикой. Начиная с резонансного президентского послания 2006 г., в котором анонсировалось введение материнского (семейного) капитала, проблематика семейной и проналистской политики утвердилась в качестве центральных тем информационной повестки, транслируемой федеральными и региональными СМИ. В Санкт-Петербурге было учреждено почетное звание «За заслуги в воспитании детей» и одноименные премии, вручение которых государственные информационные ресурсы стараются широко освещать. Едва ли

⁴ По данным регулярных опросов населения Санкт-Петербурга под руководством автора; выборка: 1200 чел. в возрасте 18 лет и старше квотировалась по полу и возрасту; стат. погрешность: $\pm 2,8\%$ на уровне 95%.

не в большей мере это явление стало следствием улучшения в этом отношении информационной среды в целом – интенсификации публичной дискуссии на тему поддержки семьи с детьми, расширения телепродукции на семейные темы⁵. При этом сам факт внедрения с 2007 г. материнского (семейного) капитала, помимо функции материальной поддержки семей с детьми, выполнил роль сигнала обществу о старте активной пронаталистской политики и целенаправленного внимания к семьям с детьми [Малева и др., 2017].

В качестве определенного ресурса рождаемости и объекта целенаправленных усилий по «омоложению» брака и снижению возраста появления первого ребенка может быть рассмотрена группа 18–20-летних. Важно отметить, что, определяя приоритеты в социальной поддержке семей с детьми, необходимо учитывать равную – по данным по Санкт-Петербургу как 2011, так и 2021 г. – востребованность мер материальной поддержки и организационных мер (гибкий график для матерей, гарантии хорошего ухода в детсадах и т.п.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев Е.М., Бондарская Г.А. Можно ли использовать данные об ожидаемом числе детей в прогнозе численности населения // Вопросы статистики. 2000. № 11. С. 56–62.
- Антонов А.И., Грудина Т.Н. Снижение социальных установок на число детей в российской семье (по данным социолого-демографических исследований «Москва-1976», «Россия-2000» и «Россия-2014») // Экономические стратегии. 2015. № 5–6. С. 80–87.
- Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: МГУ: МУБУ («Братья Карич»), 1996.
- Аргунова Е.В., Тимофеева М.А. Репродуктивные установки совершеннолетних петербурженок // Современное экономическое и социальное развитие. Вып. XVI. Сб. научных трудов. СПб.: ИНИР, 2012–2013. С. 434–458.
- Архангельский В.Н. Детерминация репродуктивного поведения: методологические вопросы исследования и учет в демографической политике // Парадигмы и модели демографического развития. Сб. ст. XII Уральск. дем. форума: в 2-х т. Т. I. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2021. С. 179–195.
- Архангельский В.Н. Репродуктивное и брачное поведение // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 129–136.
- Борисов В.А. Демография. М.: NOTABENE, 1999.
- Малева Т.М., Третьякова Е.А., Макаренцева А.О. Пронаталистская демографическая политика глазами населения: десять лет спустя // Экономическая политика. 2017. № 12(6). С. 124–147. DOI: 10.18288/1994-5124.
- Медков В.М. Репродуктивное поведение и социальная мобильность: ценностно-ориентационный аспект // Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н. Демографические процессы в России XXI века. М.: Грааль, 2002. С. 61–92.
- Руднева О.С., Соколов А.А. Предпосылки эволюции рождаемости и репродуктивного поведения: мировой и российский опыт // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 4. С. 140–152. DOI: 10.19181/population.2020.23.4.13.
- Синельников А.Б. Трансформация брака и рождаемость в России // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 2. С. 26–39.

Статья поступила: 07.01.23. Финальная версия: 07.03.23. Принята к публикации: 13.06.23.

⁵ Информационная активность «в пользу семей с детьми» была столь высока, что вызвала даже «перегибы» в самовосприятии таких семей, в публичной дискуссии выражаемые слоганом «я ж мать» (и заслуживающие, как и реакция на них других активных аудиторий, отдельного рассмотрения).

DYNAMICS OF REPRODUCTIVE ATTITUDES OF ADULT FERTILE WOMEN IN ST. PETERSBURG (2011–2021)

ARGUNOVA E.V.

Russia

Elena V. ARGUNOVA, *Cand. Sci. (Pol.)*, Independent Researcher, St. Petersburg, Russia (argunova09@mail.ru).

Abstract. The article deals with the 2011–2021 dynamics in the reproductive attitudes of adult fertile women living in St. Petersburg, including 3 preferred numbers of children measured (ideal, desired and expected numbers). The survey results based on telephone interviews with this group's representatives showed the effects of the information influence as an instrument of public demographic policy over the period. On the one hand, positive effect is stated: the average expected number of children has increased. However, this happened because of the contribution of women aged 30–44. The main conclusions present also negative trends: an increase in percentage of women focused on childlessness, a deterioration in attitudes towards marriage registration, a continuing increase in the average age which St. Petersburg women believe is the best for childbearing (both the first and the last). Problems with having more children, according to women's reviews, were ranked. The survey shows that the stimulating effect of social support to families with children (maternity capital, etc.) remains limited. The women's self-evaluation shows a deteriorating trend in their reproductive health.

Keywords: fertility, reproductive attitudes, preferred number of children, childlessness, marriage rate, demographic policy, social policy, information policy.

REFERENCES

- Andreev E.M., Bondarskaya G.A. (2000) *Can We Use Data on Expected Number of Children for Population Forecasting? Voprosy statistiki* [Statistics Issues]. No. 11: 56–62. (In Russ.)
- Antonov A.I., Grudina T.N. (2015) *Reducing of Social Attitudes on the Number of Children in a Russian family (according to sociological and demographic surveys "Moscow-1976", "Russia-2000" and "Russia-2014"). Ekonomicheskie strategii* [Economic strategies]. No. 5–6: 80–87. (In Russ.)
- Antonov A.I., Medkov V.M. (1996) *Sociology of Family*. Moscow: MGU: MUBU ("Brat'ya Karich"). (In Russ.)
- Argunova E.V., Timofeeva M.A. (2012–2013) *Reproductive attitudes of the adult female petersburgers. Sovremennoe ekonomicheskoe i sotsialnoe razvitiye* [Current Economic and Social Development]. Vol. XVI. St. Petersburg: INIR: 434–458. (In Russ.)
- Arkhangelskiy V.N. (2013) Reproductive and marital behavior. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 129–136. (In Russ.)
- Arkhangelskiy V.N. (2021) Reproductive Behaviour: Methodological Issues of Research and Accounting in Demographic Policy. In: *Paradigms and models of demographic development*. Vol. I. Ekaterinburg: IE UrO RAN: 179–195. (In Russ.)
- Borisov V.A. *Demography*. (1999) Moscow. NOTABENE. (In Russ.)
- Maleva T.M., Tretyakova E.A., Makarentseva A.O. (2017) Pronatalist demographic policy through the eyes of the population: ten years later. *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy]. No. 12(6): 124–147. DOI: 10.18288/1994-5124. (In Russ.)
- Medkov V.M. (2002) Reproductive behavior and social mobility. In: Antonov A.I., Medkov V.M., Arkhangelskiy V.N. *Demographic processes in Russia in 21st century*. Moscow. Graal: 61–92. (In Russ.)
- Rudneva O.S., Sokolov A.A. (2021) Prerequisites for evolution of fertility and reproductive behavior: world and Russian experience. *Narodonaselenie* [Population]. Vol. 24. No. 1: 140–152. DOI: 10.19181/population.2020.23.4.13. (In Russ.)
- Sinelnikov A.B. (2019) Transformation of Marriage and Fertility in Russia. *Narodonaselenie* [Population]. Vol. 2. No. 2: 26–39. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00013. (In Russ.)

Received: 07.01.22. Final version: 07.03.23. Accepted: 13.06.23.

Социальная политика. Социальная структура

© 2023 г.

Е.О. СМОЛЕВА

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В КРИЗИСНЫЕ ПЕРИОДЫ: СОЦИАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

СМОЛЕВА Елена Олеговна – старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия (riolenas@rambler.ru).

Аннотация. В фокусе статьи – изучение социально-психологического состояния населения Вологодской области в кризисные периоды пандемии и начала СВО. На данных опросов прослеживается динамика этих состояний за последние годы: в допандемийный период (2018), пандемийный (2021) и начало СВО (2022). Социальная ситуация в 2020–2022 гг. являлась кризисной для населения, воспринималась как ситуация стресса, что нашло отражение в усилении симптоматики тревожного и депрессивного состояний, снижению удовлетворенности жизнью. Динамика оценок социально-психологического состояния регионального сообщества свидетельствует о процессах адаптации, при этом выделяются социальные группы, которые приспосабливаются медленнее. Основные статистически значимые различия связаны с возрастом и материальным положением: хуже всего адаптация к кризису проходит у пожилых и малоимущих.

Ключевые слова: социально-психологическое состояние общества • удовлетворенность • адаптация • симптомы тревожного состояния • симптомы депрессивного состояния

DOI: 10.31857/S013216250026582-3

Теоретико-методологические основы исследования. Ситуация, сложившаяся в России в 2020–2022 гг., вызвала значительные изменения в образе жизни населения и в социальных институтах. Изучая влияние пандемии COVID-19 на социально-психологическое состояние общества, ученые фиксировали повышение тревожности и снижение позитивных эмоций [Фадеева и др., 2021], усиление социального пессимизма [Макушева, Нестик, 2020], а также прогнозировали долговременный характер психологических последствий пандемии [Влияние пандемии..., 2022].

В феврале 2022 г. адаптирующееся к последствиям пандемии российское общество столкнулось с еще более сильным стрессором – СВО на Украине. Пандемия уходит на второй план, исследователи переключаются на изучение влияния другого внешнего фактора. Возможно, все изменения последнего десятилетия нужно рассматривать как трансформацию социально-психологического состояния общества в русле социологии кризисных ситуаций, изучать ситуации, воспринимаемые индивидами как стресс (дистресс),

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0013.

которые меняют устройство, качество и смыслы жизни [Социология пандемии, 2021: 18], приводят к формированию «новой нормальности» [Антонова, 2022].

Следует отметить многочисленность понятий, к которым обращались исследователи для характеристики состояния общества в периоды резкого изменения социальной ситуации: «социальное самочувствие» (Н.Н. Кобозева), «социальное (общественное) настроение» (Ж.Т. Тощенко, С.В. Харченко), «социально-психологическое самочувствие» (А.В. Юревич, Т.А. Нестик), «эмоциональная атмосфера общества» (М.Ю. Урнов). Предметная область исследований включает, как правило, эмоциональный и оценочный компоненты [Кобозева, 2007: 117; Козлова, 2018]. Анализ индикаторов социального самочувствия или общественного настроения демонстрирует выпадение из области большинства исследований поведенческого компонента.

В периоды трансформации социальной реальности, которые порождают социальный стресс, большое значение приобретают вопросы адаптационного поведения [Manojkrishnan et al., 2020: 8]. Результатом социального стресса могут стать состояния адаптации или дезадаптации. В качестве показателей адаптации определяют психоэмоциональную стабильность, отсутствие тревожности, а к проявлениям дезадаптации относят хронический эмоциональный дискомфорт, который может вырасти до клинически выраженных психопатологий [Lazarus et al., 1988]. В качестве критерия завершенности адаптации к оценкам социального самочувствия (внутреннего состояния адаптанта) добавляется наличие набора решений для различных проблем [Корель, 2005: 324–330], адаптационных стратегий [Суняйкина, 2011: 101], что наиболее близко к понятию копинг-стратегий [Amirkhan, 1994]. При этом изучение стратегий преодоления стресса позволяет получить данные о поведенческом компоненте.

По мнению Н.К. Радиной и Ю.В. Балакиной, в ситуации пандемии «доминируют исследования, направленные на прояснение аффективной составляющей психологических состояний общества» [Радина, Балакина, 2020: 54–55], в которых можно выделить два ракурса: стресс (цель – изучение «групп риска») или психо-эмоциональное состояние общества (цель – сравнение доэпидемиологических и эпидемиологических показателей).

Нами была предпринята попытка охватить оба ракурса в изучении социально-психологического состояния населения Вологодской области.

Дизайн исследования. Соединение теоретических выкладок о социально-психологическом состоянии общества и концепций социального стресса позволило выбрать индикаторы для эмпирического исследования. Во-первых, представлены результаты изучения аффективного компонента психологического состояния общества, которые являются производными от индивидуальных состояний (настроение, ощущение счастья, тревога, депрессия). Во-вторых, оценочные суждения показаны с помощью индикаторов «удовлетворенность жизнью», «итоги года» и «ожидания от наступающего года». В-третьих, поведенческий компонент представлен копинг-стратегиями населения, которые выявляют способы поведения в ситуации стресса («решение проблем», «избегание проблем» и «обращение за социальной поддержкой»).

На основании анализа теоретических и эмпирических исследований нами выдвинуты следующие предварительные гипотезы: 1) происходит адаптация жителей Вологодской области к изменению социальной ситуации, но её медленный темп отражается в показателях социально-психологического состояния, в т.ч. в наличии симптомов тревожного и депрессивного состояний; 2) наименее благополучное социально-психологическое состояние может наблюдаться в старших возрастных группах, у женщин и наименее обеспеченных жителей области.

В регионе опрос осуществлялся ФГБУН ВолНЦ РАН на репрезентативной общегластной выборке¹. Для выявления симптомов тревоги и депрессии использовалась

¹ Опрашивалось 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, а также в восьми округах и районах Вологодской области. Репрезентативность выборки обеспечивается

валидизированная методика «Госпитальная шкала тревоги и депрессии HADS». Самочувствие населения определено при помощи 10-балльной шкалы удовлетворенности жизнью Э. Динера – вопроса «Оцените, пожалуйста, насколько вы счастливы?» (по 10-балльной шкале, где 1 – полностью несчастлив, 10 – полностью счастлив) и вопроса «Что бы вы могли сказать о своем настроении в последние дни?». Для определения видов копинг-поведения использовалась методика Д. Амирхана «Индикатор копинг-стратегий преодоления стресса» в адаптации В.М. Ялтонского, в которой ответ «Полностью согласен» оценивался в 3 балла, ответ «Согласен» – в 2 балла, а ответ «Не согласен» – в 1 балл.

Анкетирование проведено в феврале 2022 г. для определения настроения населения и в апреле 2022 г. для изучения восприятия населением социальной ситуации и выявления стратегий совладания со стрессом. Сравнение проводилось с данными опросов, проведенных в феврале 2018 (допандемийный период) и феврале 2021 г. (пандемийный период). Ситуацию в 2022 г. можно отнести к постпандемийному периоду, так как волна заболеваний от COVID-19 пошла на спад, были сняты ограничительные меры в виде социального дистанцирования и запрета на посещение других стран. Однако весной 2022 г. ситуация изменилась вследствие начала СВО и обострения международной обстановки, что могло уже в апреле 2022 г. отразиться на восприятии её населением.

Самооценки социально-психологического состояния. Эмпирические данные (табл. 1) свидетельствуют о благополучном социально-психологическом состоянии регионального сообщества Вологодской области в 2018 г.: более двух третей респондентов отметили тогда хорошее или ровное настроение (69%). В 2021 г. происходит ухудшение ситуации: по сравнению с 2018 г. на 11 п.п. (с 58 до 47%) снизилась доля людей, которые характеризуют свое состояние как нормальное и ровное, а удельный вес тех, кто испытывает напряжение или раздражение, вырос на 6 п.п. (с 19 до 25%). К весне 2022 г. состояние частично вернулось к допандемийному уровню, но чувство удовлетворенности жизнью у жителей области неуклонно снижалось (с 7,4 балла в 2018 г. до 6,9 балла в 2021 г. и 6,5 в начале 2022 г.). Если в 2018 и 2021 гг. население было одинаково счастливо (7,3 и 7,4 балла), то весной 2022 г. уровень счастья также понизился до 6,9 балла.

Таблица 1

**Динамика самооценок социально-психологического состояния
в Вологодской области, 2018–2022 гг.**

Показатели	2018	2021	2022
Настроение, в %			
прекрасное настроение	11	12	12
нормальное, ровное состояние	58	47	57
испытываю напряжение, раздражение	19	25	21
испытываю страх, тоску	4	6	6
Удовлетворенность жизнью, средний балл	7,4	6,9	6,5
Уровень счастья, средний балл	7,3	7,4	6,9

соблюдением следующих структурных пропорций: между городским и сельским населением; между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов.

Таблица 2

**Самооценки социально-психологического состояния в Вологодской области
по социально-демографическим группам, 2022 г.**

Показатели	Пол		Возраст		
	мужской	женский	до 30 лет	30–55(60) лет	Старше 55 (60) лет
Настроение, в %					
прекрасное настроение	12	12	18	12	10
нормальное, ровное состояние	53	60	57	58	56
испытываю напряжение, раздражение	23	19	19	21	22
испытываю страх, тоску	6	5	2	4	8
Удовлетворенность жизнью, средний балл	6,84	6,78	7,48	6,82	6,55
Уровень счастья, средний балл	7,35	7,29	7,85	7,40	7,02

Остановимся подробнее на психологическом состоянии населения в 2022 г. в разрезе социально-демографических групп (табл. 2).

Как видим, заметных гендерных различий не выявлено, кроме большей доли лиц с нормальным/ровным состоянием среди женщин (60% по сравнению с 53% среди мужчин). Среди возрастных групп по наличию прекрасного настроения выделяется молодежь до 30 лет (18% респондентов по сравнению с 12% у лиц среднего возраста и 10% среди старшей возрастной группы). Также молодые люди реже испытывают такие негативные чувства, как страх и тоска (2, 4 и 8% соответственно). По самооценкам хорошо просматривается и закономерность снижения субъективного благополучия в более возрастных группах. Уровень счастья снижается с 7,85 балла у молодежи до 7,40 балла у людей среднего возраста и 7,02 балла у пожилых людей. Аналогичная закономерность вырисовывается для самооценок удовлетворенности жизнью – от 7,48 до 6,82 и 6,55 балла ($\chi^2 = 21,324$, $p = 0,000$).

Территориальные различия психологического состояния касаются жителей областного центра (табл. 3). Жители Вологды реже отмечают у себя в качестве актуального нормальное/ровное состояние (49% по сравнению с 59% среди жителей Череповца и 61% жителей районов). Одновременно удельный вес респондентов в г. Вологде, испытывающих напряжение, существенно выше (29% против 20 и 18% соответственно). В то же время в уровне счастья и удовлетворенности статистически значимых различий по территориям региона нет.

Таблица 3

**Самооценки социально-психологического состояния в Вологодской области,
территориальная дифференциация, 2022 г.**

Показатели	Территории		
	Вологда	Череповец	районы
Настроение, в %			
прекрасное настроение	15	14	10
нормальное, ровное состояние	49	59	61
испытываю напряжение, раздражение	29	20	18
испытываю страх, тоску	6	6	5
Удовлетворенность жизнью, средний балл	6,5	6,5	6,6
Уровень счастья, средний балл	6,8	6,7	7,1

Таблица 4

**Самооценки социально-психологического состояния в Вологодской области,
дифференциация по материальному положению, 2022 г.**

Показатели	Самооценки материального положения				Доходные группы		
	очень хорошее и хорошее*	среднее	плохое	очень плохое	наименее обеспеченные (20%)	среднеобеспеченные (60%)	наиболее обеспеченные (20%)
Настроение, в %							
прекрасное настроение	25	10	12	11	18	11	11
нормальное, ровное состояние	54	72	43	34	41	57	74
испытываю напряжение, раздражение	19	13	32	39	26	22	12
испытываю страх, тоску	3	3	10	13	11	5	1
Удовлетворенность жизнью, средний балл	7,88	7,41	5,60	5,34	5,96	6,94	7,51
Уровень счастья, средний балл	8,45	7,80	6,40	5,79	6,40	7,37	7,96

Примечание. *Соединены данные по двум группам оценок материального положения вследствие оценки своего материального положения как очень хорошего только восемью респондентами.

Социально-психологическое состояние населения тесно связано с его материальным положением (табл. 4). Наименее обеспеченные жители Вологодской области реже отмечают у себя наличие нормального/ровного состояния (41%), хотя среди них в 2022 г. был парадоксально выше удельный вес людей с прекрасным настроением (18%). Они чаще испытывают напряжение/раздражение (26%) или страх/тоску (11%). Напротив, наиболее обеспеченные жители региона являлись наиболее позитивно настроенными: 85% из них имели прекрасное настроение (11%) или ровное состояние (74%), только 12% испытывали напряжение/раздражение и всего 1% – страх/тоску. С ростом материального благополучия возрастало и чувство удовлетворенности жизнью (от 5,96 балла у наименее обеспеченных до 7,51 у наиболее обеспеченных) и переживание счастья (от 6,40 до 7,96 балла).

Аналогичная закономерность наблюдается и в отношении самооценок материального положения. Восприятие своего материального положения как плохого и очень плохого связано с более низким уровнем удовлетворенности жизнью (5,34 балла против 7,88 балла у людей с хорошим и очень хорошим материальным положением) и счастья (5,79 балла против 8,45 балла), а также с более высоким удельным весом респондентов с негативным психологическим состоянием. Так, испытывают напряжение/раздражение 19% среди лиц с хорошим материальным положением, что в 1,7 раза меньше, чем у вологодчан с плохим, и в 2 раза меньше, чем у вологодчан с очень плохим положением. С ухудшением самооценок материального положения более чем в четыре раза возрастает доля тех, кто испытывает страх, тоску (с 3 до 13%).

Проявления стрессового психологического состояния. Весной 2022 г. симптоматика тревожного или депрессивного состояния присутствовала практически у половины (46%) жителей Вологодской области (рис. 1), при этом у 35% респондентов были признаки депрессивного, у 34% – тревожного состояния, а у 23% – сразу обоих видов негативного психологического состояния.

Рис. 1. Распространенность симптомов тревоги и депрессии у жителей Вологодской области, 2006–2022 гг., % опрошенных

В старших возрастных группах риски возникновения негативного психологического состояния были выше (коэффициент корреляции $r = 0,374$). Среди женщин старше 55 лет симптомы негативных состояний наблюдались у 2/3 (67%, в т.ч. признаки тревоги у 49% и депрессии у 54%). Среди мужчин старшей возрастной группы симптоматика негативного психологического состояния наблюдалась чуть реже (соответственно 61, 45 и 54%). Наиболее благополучной группой с точки зрения психологического здоровья являлась молодежь. В этой возрастной группе наличие симптомов негативных состояний было обнаружено только у 28% мужчин и 26% женщин. Лишь каждый пятый молодой мужчина отмечал наличие признаков тревожного (18%) или депрессивного состояния (20%), а среди молодых женщин их отмечали 23 и 21% соответственно. В средних возрастных группах симптомы негативных психологических состояний отмечены у 39% мужчин и 38% женщин. Все различия статистически значимы (табл. 5).

Таблица 5

Распространенность симптомов тревоги и депрессии у жителей Вологодской области в 2022 г. в разрезе социально-демографических групп, % опрошенных

Социально-демографические группы	Наличие симптомов тревоги	Наличие симптомов депрессии
Пол/возраст		
Мужчины до 30 лет	18	20
30–60 лет	29	30
старше 60 лет	45	54
Женщины до 30 лет	22	14
30–55 лет	30	24
старше 55 лет	49	54
Образование		
Н/среднее и среднее	31	35
Среднее специальное	36	37
Н/высшее и высшее	34	30
Доходные группы		
20% наименее обеспеченных	37	42

Окончание таблицы 5

Социально-демографические группы	Наличие симптомов тревоги	Наличие симптомов депрессии
<i>Доходные группы</i>		
60% среднеобеспеченных	34	41
20% наиболее обеспеченных	26	35
<i>Территории</i>		
Вологда	40	34
Череповец	33	31
Районы	32	38
Вологодская область	34	35

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «За последний год как часто вы испытывали стрессовые ситуации?» в демографических группах (средний балл*)

Год опроса / оцениваемый период	Область	Пол		Возраст			Территория	
		муж.	жен.	до 30 лет	от 30 до 55 (60) лет	старше 55 (60) лет	город	сельская местность
2018 / 2017	2,86	2,84	2,86	2,78	2,92	2,79	3,01	2,73
2021 / 2020	3,23	3,15	3,30	3,18	3,25	3,23	3,49	2,58
2022 / 2021	3,07	2,96	3,16	2,89	3,13	3,06	3,27	2,54

Примечание. *По 6-балльной шкале, где 1 балл – «не испытывал никогда», а 6 баллов – «практически ежедневно».

Выделены и некоторые различия по территориям. Так, среди жителей Вологды наблюдалась самая высокая доля населения с симптомами тревоги (40% по сравнению с 33% у жителей Череповца и 32% у жителей районов). Жители районов в 2022 г. чаще отмечали у себя наличие симптомов депрессии (38 против 34% у населения г. Вологды и 31% – г. Череповца).

Если сравнивать данные трех опросов, то, по мнению респондентов, наиболее наполненной стрессом их жизнь была в 2020 г. – в год начала коронакризиса (табл. 6). Уже в 2021 г. средний балл оценки наличия стресса в жизни снизился с 3,23 до 3,07. В наибольшей степени события 2021 г. как источники стресса сказались на восприятии женщин (средний балл 3,16 против 2,96 у мужчин), лиц среднего возраста (средний балл 3,13 против 2,89 у молодежи и 3,06 у пожилых людей) и городского населения (средний балл 3,27 против 2,54 у жителей районов).

В крупных городах население чаще воспринимает жизнь, как полную стресса (рис. 2). Однако если жители Вологды стали реже говорить о стрессе (средние баллы менялись от 3,00 в 2018 г. до 3,42 балла в 2021 г. и 3,28 в 2022 г.), то жители Череповца в феврале 2022 г. отметили, что прошедший год был более полон ситуациями стресса (средний балл вырос с 3,25–3,28 до 3,50 балла). Для жителей районов Вологодской области в 2018–2022 г. восприятие жизненной ситуации как стрессогенной тоже усилилось.

В начале 2022 г. жители области чаще всего отмечали негативное воздействие на эмоциональное состояние их жизни пандемии COVID-19 (75%) и ее последствий, а также СВО (68%) (табл. 7). Ухудшение за прошедший год материальных условий выделили 41%, и половина жителей негативно воспринимает нагнетание ситуации в СМИ.

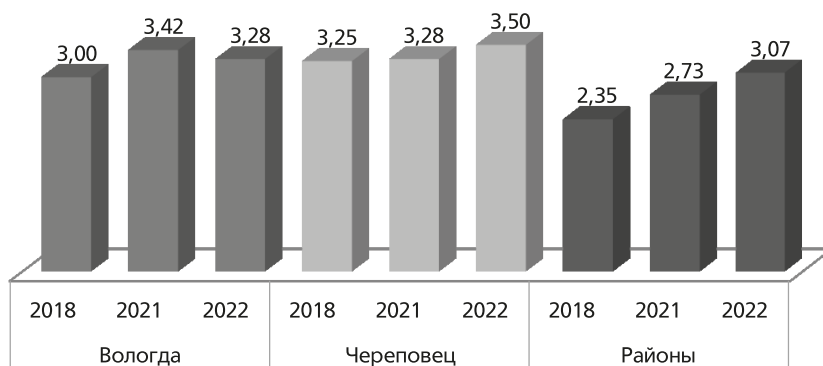

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «За последний год как часто вы испытывали стрессовые ситуации?», территориальная дифференциация, % опрошенных

Таблица 7

Источники стресса для населения Вологодской области, 2022 г.

Описание ситуации	Наличие ситуации, % респондентов	Степень негативного состояния, средний балл*
Распространение пандемии COVID-19	75	3,1
Введение мер сдерживания распространения вируса:		
карантин	72	3,1
введение жестких мер контроля (в т.ч. штрафов) за соблюдением режима самоизоляции	71	3,1
дистанционное обучение в школах	52	2,9
обязательная вакцинация	74	3,4
ограничение плановой медицинской помощи	68	3,3
Специальная операция на Украине	68	3,6
Смерть мужа (жены), близкого родственника	22	4,0
Развод	8	3,0
Серьезная травма или заболевание	22	3,6
Потеря / перемена работы	19	3,3
Выход на пенсию	8	3,0
Ухудшение материальных условий	41	3,6
Ухудшение жилищных условий	22	3,1
Постоянное массовое нагнетание ситуации в СМИ	58	3,3

Примечание. *Средний балл рассчитывался по пятибалльной шкале, где 1 – практически не выражено негативное состояние, 5 – очень сильно выражено.

Совладание с последствиями стресса. Для нейтрализации негативных эмоций и уменьшения негативного воздействия на психику индивиды прибегают к определенному антистрессовому поведению.

К наиболее востребованным жителями Вологодской области копинг-стратегиям относятся как разрешение проблем, так и поиск социальной поддержки. Первая стратегия предполагает, что используются все имеющиеся у индивида личностные ресурсы для поиска возможных способов эффективного разрешения проблемы. Она проявляется в виде такого поведения, как «Стараюсь все сделать так, чтобы иметь возможность наилучшим

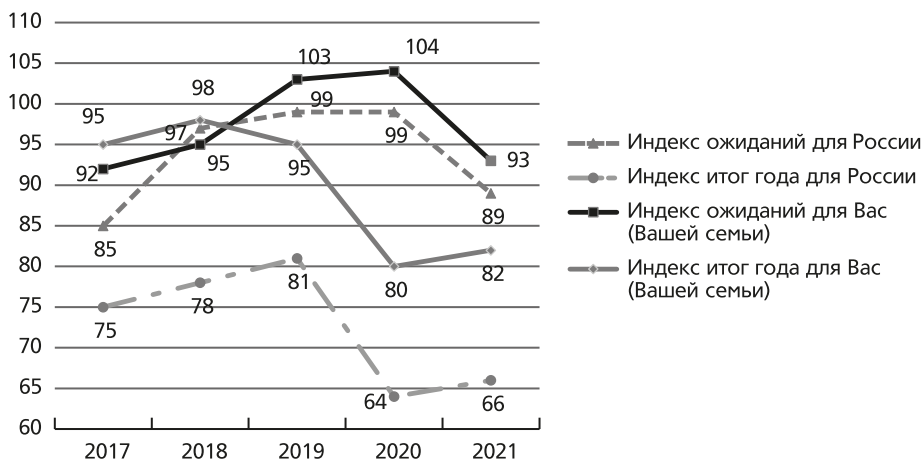

Рис. 3. Индексы ожиданий и итогов года в оценках населения региона, в пунктах*

Примечание. *Распределение ответов на вопросы: «Оцените, пожалуйста, итоги прошедшего года» и «Как вы считаете, каким будет наступающий год?». Индексы рассчитывались как разница между удельным весом положительных оценок («очень удачный», «в целом хороший») и негативных оценок («скорее трудный», «плохой, очень тяжёлый») плюс 100%.

образом выйти из проблемной ситуации» (средний балл равен 2,03), «Осуществляю поиск всех возможных решений, прежде чем что-то предпринять» (2,00 балла), «Обдумываю про себя план действий» (1,81 балла). Стратегия же поиска социальной поддержки проявляется у тех, кто выбирал ответ «Позволяю себе поделиться чувством с другом» (1,96 балла).

Достаточно часто население Вологодской области прибегало и к действиям, направленным на пассивное переживание ситуации («Принимаю ситуацию как есть, стараясь особо не переживать» – 1,79 балла), а также к поведению «Делаю все возможное, чтобы не дать окружающим увидеть, что мои дела плохи» (1,82 балла). Реже всего жители области, испытывая негативные чувства и эмоции, стремятся к снятию негативной симптоматики посредством приема лекарственных средств (1,50 балла), выпивкой, курением или приемом запрещенных веществ (1,30 балла), а также тем, что срывают свою досаду на тех, кто навлек на них проблемы (1,28 балла). Достаточно редко респонденты отмечали, что в сложной ситуации они больше времени уделяют молитве, посещают религиозные учреждения (1,34 балла). Правда, при анализе таких самоотчетов не следует забывать об эффекте выбора социально одобряемых вариантов ответа.

Следует отметить такой негативный момент, что достаточно редко население региона обращается за помощью к специалистам (1,56 балла) и принимает на себя ответственность за сложившуюся ситуацию («Стараюсь осознать, что сам вызвал эту проблему» – 1,55 балла). Жители области чаще выбирают эмоциональную, а не инструментальную социальную поддержку: они скорее склонны поделиться своими чувствами (1,96 балла), чем обсудить с другими людьми возможные решения (1,55 балла).

Дополнить данные об адаптации населения региона к стрессу при прохождении через COVID-кризис можно анализом реакций на ситуации фрустрации. На рис. 3 представлена динамика общественного мнения путем сравнения ожиданий от наступающего года и затем подведения его итогов на примере «дальнего круга» (для России) и личного (для респондента и его семьи).

Отчетливо видно, что проспективные оценки и для России, и личные были выше итоговых. Обратим внимание на разрывы между ожиданиями и реальностью и их связь

с психологическим состоянием респондентов. В 2017–2018 гг. проспективные и ретроспективные личные индексы практически совпадали, в 2019 г. разница была чуть более заметной, но, видимо, неощутимой. Отсутствие сильных фрустраций для населения подтверждается отсутствием роста тревожных состояний: по субъективным оценкам проявления тревожности отмечали у себя только 26% в 2017 г. и 25% в 2019 г. В 2020 г. итоговый индекс личного года как результат широкомасштабных последствий пандемии COVID-19 оказался на 24 пункта ниже ожидаемого (80 и 104 пункта соответственно), что сопровождалось ростом проявлений тревоги (с 25 до 32%) и депрессии (с 33 до 38%).

Мы видим, что одним из направлений адаптации населения к социальному стрессу является уменьшение фрустрационного давления. В частности, снизились ожидания и для России (с 99 до 89 пунктов), и личные (с 104 до 93 пунктов). Благодаря этому действию итоговые оценки «личного» года не так сильно отличались от перспективных – только на 11 пунктов. Уменьшение фрустрации подтверждается стабилизацией и субъективных оценок психологического состояния. Как ранее отмечалось, в начале 2022 г. большая, чем ранее, доля населения отмечала у себя наличие ровного/нормального состояния, произошло небольшое снижение проявлений симптомов депрессии.

Обсуждение и выводы. Проведенное ранее исследование адаптации к социальному стрессу населения Вологодской области выявило наличие групп риска, обусловленное фактом опоры преимущественно на «поддержку семьи в сочетании с узким кругом доверия и слабыми внутренними ресурсами» [Смолева, 2020]. Полученные результаты вызвали закономерный вопрос: как пойдет адаптация при утрате внешних ресурсов? Ведь пандемия COVID-2019 создала именно ситуацию ограничения внешней поддержки, потери жизненно важных ресурсов [Sorokin et al., 2020]. Поэтому закономерно увеличился удельный вес населения региона, которое воспринимает 2020–2021 гг. как наполненные ситуациями стресса. При повышении нагрузки адаптационные ресурсы населения уменьшились, обусловив ухудшение социально-психологического состояния, рост симптоматики тревожных и депрессивных состояний.

В ходе нашего исследования подтвердилась гипотеза о постепенной адаптации жителей региона к ситуации пандемии, о чем говорит прекращение роста к началу 2022 г. тревожных настроений. Медленный характер адаптации находил отражение в оценочных суждениях, выявляющих снижение удовлетворенности жизнью.

Эти выводы совпадают с мнением, что в 2022 г. россиянами пройден пик адаптации к «новой нормальности» [Антонова, 2023: 66]. По данным опросов ВЦИОМ, к этому времени 61% россиян сумели привыкнуть к «пандемийной реальности»². Согласно общероссийским исследованиям ИС ФНИСЦ РАН, последние пять лет психологическое здоровье нации остается в целом достаточно стабильным. Доминирующие типы личного социально-психологического самочувствия – «спокойствие, уравновешенность» (43–49%) и «тревожность» (20–33%) [Латова, 2021]. Но в 2022 г. под влиянием СВО фиксируется новая волна ухудшения социально-психологического состояния российского общества [Латова, 2022]. Возможно, жители Вологодской области в начале 2022 г. не успели отреагировать на ситуацию СВО по причине более пролонгированного влияния последствий военной операции на их социально-экономическое положение и образ жизни.

Гипотеза о выделении групп с наиболее неблагоприятным психологическим состоянием подтвердилась частично. Женщины чаще воспринимали ситуацию пандемии как стресс, однако смогли адаптироваться, о чем говорит отсутствие гендерных различий в психологическом состоянии населения. В то же время лица старших возрастов и наименее обеспеченные жители региона отличались более неблагоприятным психологическим состоянием.

² Прощай, COVID-19? Два года пандемии, адаптация и смена повестки: аналитический обзор ВЦИОМ от 15.03.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor-proshchai-covid19-dva-goda-pandemii-adaptacija-i-smena-pov>

И в региональных, и в общероссийских исследованиях наименее обеспеченные жители относятся к группе риска. Так, выделенные Н.В. Латовой «пессимисты», указывающие на неблагоприятную социально-психологическую атмосферу в стране, характеризуются ощущением социальной незащищенности и плохих перспектив своего материального положения [Латова, 2022]. В проведенных ранее региональных исследованиях тоже выделена группа населения, которая чаще сталкивается с ситуациями стресса и отличается самым высоким удельным весом представителей с негативным психологическим состоянием – в неё чаще попадают наименее обеспеченные жители области [Смолева, 2022].

В качестве преобладающих стратегий борьбы со стрессом население Вологодской области выбирает «разрешение проблем» и «поиск социальной поддержки», уменьшения фрустрационного давления за счет снижения ожиданий «хорошего года». То, что жители области выбирают эмоциональную поддержку как способ совладания со стрессом, в условиях социального дистанцирования явилось дополнительным фактором риска дезадаптации. Аналогично общероссийское исследование показало, что группа риска связана с отсутствием «позитивно окрашенной эмоциональной поддержки» [Латова, 2022: 57].

Ситуация пандемии обусловила необходимость выработки адаптационных стратегий для всех групп населения. Приобретая этот опыт перекраивания повседневных практик в ситуации «новой нормальности», население может быстрее и с меньшими негативными последствиями для психологического благополучия справляться с новыми опасными трансформациями социальной реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонова Н.В. Человек и общество в условиях «новой нормальности»: обзор социологических исследований пандемии // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Социально-гуманитарные науки». 2023. Т. 23. № 1. С. 64–72.
- Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия / Отв. ред. Т.А. Нестик, А.Л. Журавлев, А.Е. Воробьева. М.: ИП РАН, 2021.
- Кобозева Н.Н. Социальное самочувствие как социологическая категория // Наука. Инновации. Технологий. 2007. № 50. С. 117–122.
- Козлова Т.З. Социально-психологическое самочувствие россиян по возрастным группам // Власть. 2018. № 5. С. 118–125.
- Корель Л.В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005.
- Латова Н.В. Специфика социальных чувств, общественных настроений и духовной атмосферы в стране после года пандемии // ИНАБ. Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики). 2021. № 2. С. 33–46.
- Латова Н.В. Динамика социально-психологического состояния российского общества до и после возникновения чрезвычайных ситуаций // Российское общество и вызовы времени. Кн. 6 / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2022. С. 37–60.
- Макушева М.О., Нестик Т.А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6(160). С. 427–447.
- Радина Н.К., Балакина Ю.В. Общество и пандемия: теоретико-методологические основания психологических исследований // Общественные науки и современность. 2020. № 6. С. 49–64.
- Смолева Е.О. Копинг-стратегии населения в разрезе социальных групп (на примере Вологодской области) // Петербургская социология сегодня. 2022. № 17. С. 5–25.
- Смолева Е.О. Социальная адаптация, социальный капитал и здоровье населения Вологодской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 136–161.
- Социология пандемии. Проект КоронаФОМ / Рук. авт. кол. А.А. Ослон. М.: инФОМ, 2021.
- Суняйкина О.Н. Понятие «социальное самочувствие» в социологии // Вестник Мордовского государственного университета. 2011. № 3. С. 98–101.
- Фадеева Е.В., Великая Н.М., Белова Н.И. Социальное самочувствие россиян в период распространения коронавирусной инфекции // Вестник РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 2(26). С. 58–71.

- Amirkhan J.H. Seeking Person-Related Predictors of Coping: Exploratory Analyses // *European Journal of Personality*. 1994. No. 8(1). P. 13–30.
- Lazarus R.S., Folkman S. *Stress, Appraisal and Coping*. New York, NY: Springer, 1984.
- Manojkrishnan C.G., Aravind M. COVID-19 Pandemic and its Impact on Labor Force: A New Model Based on Social Stress Theory and Prospect Theory // *Scientific Papers of the University of Pardubice, Series D: Faculty of Economics and Administration*. 2020. No. 28(3). P. 1070.
- Sorokin M.Y., Kasyanov E.D., Rukavishnikov G.V. et al. Structure of Anxiety Associated with the COVID-19 Pandemic in the Russian-Speaking Sample: Results From On-Line Survey // *Bulletin of Russian State Medical University*. No. 3. P. 70–76.

Статья поступила: 06.03.23. Финальная версия: 11.06.23. Принята к публикации: 17.06.23.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL STATE OF THE VOLOGDA REGION POPULATION IN CRISIS PERIODS: SOCIO-STRUCTURAL CHARACTERISTICS

SMOLEVA E.O.

Vologda Scientific Center of RAS, Russia

Elena O. SMOLEVA, Senior Researcher, Vologda Scientific Center of RAS, Vologda, Russia (riolenas@rambler.ru)

Acknowledgements. The article was prepared in accordance with the state task for the Federal State Budgetary Institution of Science of the VolRC RAS on the topic of research No. FMGZ-2022-0013.

Abstract. The purpose of the work is to study the psychological state of the Vologda Oblast population. The method is a sociological survey of the Vologda Oblast population (quota sample, $N = 1500$). The time interval captures the pre-pandemic period, the pandemic situation of 2020–2021 and the post-pandemic period (2022). The study confirms the hypothesis that the social situation during this time period was of a pronounced stressful nature reflected in the increased symptoms of mental health disorders of the population, a decrease in life satisfaction. The dynamics of assessments of the psychological state of the regional community suggests, on the one hand, that adaptation processes are underway. However, there are social groups that adapt rather slowly, most likely due to lack of resources. It is shown that the prevalence of symptoms of mental health disorders differs in socio-demographic groups. In crisis conditions, age and financial situation have the greatest impact on the psychological well-being of the population of the Vologda Oblast. The novelty of the study lies in the expansion of empirical data on the psychological state of the regional community.

Keywords: socio-psychological state of society, population of the region, socio-structural characteristics, symptoms of anxiety, symptoms of a depressive state, adaptation.

REFERENCES

- Antonova N.V. (2023) The Individual and Society under the “New Normal”: a Review of Sociological Studies of Pandemic. *Vestnik YUUrGU. Ser. «Sotsial’no-gumanitarnyye nauki»* [Bulletin of the SUSU. Ser. Social Sciences and the Humanities]. No. 23(1): 64–72. (In Russ.)
- Amirkhan J.H. (1994) Seeking Person-Related Predictors of Coping: Ex-ploratory Analyses. *European Journal of Personality*. No. 8(1): 13–30.
- Fadeeva E.V., Velikaya N.M., Belova N.I. (2021) Social well-being of Russians during the spread of coronavirus. *Vestnik RGGU. Ser. «Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedeniye»* [RSUH Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series]. No. 2: 58–71. (In Russ.)
- Kobozeva N.N. (2007) Social general state as sociological category. *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii* [Science. Innovation. Technologies]. No. 50: 117–122. (In Russ.)
- Korel’ L.V. (2005) *Sociology adaptation: Theory, methodology and methods*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)
- Kozlova T.Z. (2018) Social and Psychological Well-Being of Russians by Age Groups. *Vlast’* [The Authority]. No. 26(5): 118–125. (In Russ.)
- Latova N.V. (2021) Specifics of social feelings, public moods and spiritual atmosphere in the country after the year of the pandemic. INAB. *Rossiyskoye obshchestvo v usloviyakh pandemii: god spustya (opyt sotsiologicheskoy diagnostiki)* [INAB. Russian society in a pandemic: a year later (experience of socio-logical diagnostics)]. No. 2: 33–46. (In Russ.)

- Latova N.V. (2022) Dynamics of the socio-psychological state of Russian society before and after the occurrence of emergency situations. In: *Russian society and challenges of the time. Book six* / Institute of Sociology. Ed. by M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. Moscow: Ves' Mir: 37–60. (In Russ.)
- Lazarus R.S., Folkman S. (1984) *Stress, Appraisal and Coping*. New York, NY: Springer.
- Makusheva M.O., Nestik T.A. (2020) Socio-Psychological Preconditions and Effects of Trust in Social Institutions in a Pandemic. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 6: 427–447. DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1770. (In Russ.)
- Manojkrishnan C.G., Aravind M. (2020) COVID-19 Pandemic and its Impact on Labor Force: A New Model Based on Social Stress Theory and Prospect Theory. *Scientific Papers of the University of Pardubice, Series D: Faculty of Economics and Administration*. No. 28(3): 1070.
- Radina N., Balakina Yu. (2020) Society and the pandemic: theoretical and methodological foundations of psychological research. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. No. 6: 49–64. (In Russ.)
- Smoleva E.O. (2020) Social Adaptation, Social Capital and Population Health in the Vologda region. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4: 136–161. (In Russ.)
- Smoleva E.O. (2022) Socio-structural characteristics of coping strategies of the Vologda region population. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [St. Petersburg Sociology Today]. No.17: 5–25. (In Russ.)
- Sorokin M.Y., Kasyanov E.D., Rukavishnikov G.V. et al. (2020) Structure of Anxiety Associated with the COVID-19 Pandemic in the Russian-Speaking Sample: Results from On-Line Survey. *Bulletin of Russian State Medical University*. No. 3: 70–76.
- Sunyakina O.N. (2011) The concept of “social well-being” in sociology. *Vestnik Mordovskogo gosuniversiteta* [Bulletin of the Mordovian State University]. No. 3: 98–101. (In Russ.)
- The impact of the pandemic on the individual and society: psychological mechanisms and consequences*. (2021) Ed. by T.A. Nestik, A.L. Zhuravlev, A.E. Vorobyova. Moscow: IP RAN. (In Russ.)
- The sociology of the pandemic. The CORONAF project*. (2021) Ed. by A.A. Oslon. Moscow: inFOM. (In Russ.)

Received: 06.03.23. Final version: 11.06.23. Accepted: 17.06.23.

Л.Е. ПЛУТОВ, М.М. РУСАКОВА, Д.В. ГУЗЕВА

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ: ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ (на примере Санкт-Петербурга)

ПЛУТОВ Леонид Евгеньевич – аспирант, лаборант-исследователь (st049388@student.spbu.ru); РУСАКОВА Майя Михайловна – кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной и отраслевой социологии, и.о. директора (m.rusakova@spbu.ru); ГУЗЕВА Дарья Васильевна – специалист (d.guzeva@spbu.ru). Все – Ресурсный центр «Центр социологических и интернет-исследований», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Аннотация. Рассматриваются установки и практики петербуржцев относительно получения дистанционной психологической помощи в Интернете. Активное распространение психологических услуг через Интернет предлагается в качестве эффективной стратегии для улучшения доступа к профессиональной помощи путем преодоления структурных и/или региональных барьеров. Изучение материалов телефонного опроса весной 2022 г. в Санкт-Петербурге (N = 1200) показало, что практика обращения за психологической помощью является распространенной: более трети жителей Санкт-Петербурга когда-либо обращались к специалисту, из обратившихся четверть получала помощь дистанционно. В 2022 г. замечен резкий рост потребности в психологической помощи. На использование цифровых практик получения психологической помощи влияют преимущественно социальные предикторы: возраст, наличие несовершеннолетних детей, а также опыт окружения в обращении за психологической помощью. В то же время фактор стигматизации психологической помощи на данный момент амбивалентен и не может выступать ключевым предиктором.

Ключевые слова: цифровые практики • дистанционная психологическая помощь • цифровизация • стигматизация

DOI: 10.31857/S013216250023035-1

Дистанционная психологическая помощь как объект изучения. По данным всероссийских социологических опросов 2018–2020 гг., 24% россиян допускало обращение за помощью и поддержкой к психологу и/или психотерапевту в случае возникновения тяжелых жизненных ситуаций и душевных переживаний¹. Однако действительно прибегало к помощи специалиста на протяжении своей жизни, по данным опросов ВЦИОМ 2018–2020 гг.², только 1–3%. Низкие показатели обращения за психологической помощью свидетельствуют о наличии препятствующих этому барьеров. Зарубежные исследования подтверждают, что обеспечение доступа к профессиональной психологической помощи по-прежнему является глобальной проблемой [Lal, Adair, 2014: 31]. По данным ВОЗ, без надлежащей помощи в случае возникновения психологических и психических проблем остаются 76–85% жителей развивающихся стран и 35–50% граждан развитых стран³.

Статья подготовлена в рамках НИОКТР № 121062300141-5. Авторы выражают благодарность главному специалисту Ресурсного центра СПбГУ Н.М. Усачёвой за расчет показателей для регрессионных таблиц и за помощь в первичной обработке базы данных.

¹ Психологическая поддержка и психологи // ФОМ. 2019. 18 марта. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14183> (дата обращения: 22.10.2022).

² Проблемы и трудности: к кому россияне обращаются за поддержкой? // ВЦИОМ. 2018. 6 декабря. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/problemy-i-trudnosti-k-komu-rossiyanе-obrashhayutsya-za-podderzhkoj> (дата обращения: 22.10.2022); Психологи среди нас // ВЦИОМ. 2020. 19 ноября. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14183> (дата обращения: 22.10.2022).

³ Comprehensive mental health action plan 2013–2030 // World Health Organization. 2021. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240031029> (accessed 22.10.2022).

Проблема обращений за психологической помощью в России обострилась в 2020–2022 гг. на фоне роста глобальной турбулентности и социальной напряженности. По данным ВЦИОМ, в период пандемии COVID-19 у каждого десятого россиянина (14%) выросла потребность в психологической помощи⁴. Всплеск напряженности, вызванный изменением политической ситуации в мире, также ведет к росту у россиян стресса и запросов на оказание психологических услуг (с февраля по март 2022 г. этот показатель вырос на 23%)⁵. По оценкам, только в 2021 г., на фоне пандемии, спрос на психологическую помощь в Санкт-Петербурге вырос на 115%⁶. Таким образом, проблема расширения услуг психологической помощи населению России очевидна и актуальна.

Решение данной проблемы связано в значительной степени с расширением дистанционных услуг населению. Под дистанционной психологической помощью понимается набор инструментов, обеспечивающих доступ населения к системе психологической помощи без необходимости очного посещения специалиста. К таким дистанционным инструментам относятся видеоконференции со специалистом и текстовое консультирование в мессенджерах, онлайн-чаты психологической помощи на сайтах, инструменты психологической самопомощи и информирования онлайн (блоги, онлайн-курсы, вебинары), телефоны горячей линии и иные технологические возможности. Предоставляемые через Интернет услуги в области психологического здоровья, именуемые в обширной базе литературы как E-mental health, E-therapy, web-based therapy, online-intervention и т.п., включают использование современных цифровых технологий для мониторинга, скрининга, профилактики, самопомощи, консультирования, а также просвещения населения в области психологического здоровья.

Эффективность методов онлайн-интервенций доказана рядом исследований, касающихся лечения тревожных состояний и эмоциональных, психосоматических проблем, расстройств пищевого поведения и иных психологических и психических заболеваний (см., напр.: [Иванов, Николаев, 2017: 331]). Помимо этого, к преимуществам дистанционных форм психологической работы относятся повышение доступности психологической помощи в целом (особенно для населения труднодоступных регионов), грамотное перераспределение ресурсов, затрачиваемых на организацию работы, а также возрастание роли клиента в терапевтическом процессе [Гартфельдер, 2016: 84]. Таким образом, при существующих ограничениях системы здравоохранения именно распространение психологических услуг через Интернет предлагается в качестве эффективной стратегии улучшения доступа к профессиональной помощи путем преодоления структурных и/или региональных барьеров. В то же время важно помнить и о недостатках дистанционной помощи: к ним традиционно относят сложности технического обеспечения консультаций, большую опосредованность взаимодействия между психологом и клиентом, а также ограниченность арсенала практик и терапий в онлайн-пространстве.

Хотя рост популярности дистанционной психологической помощи кажется ожидаемым ввиду эпидемиологических ограничений, ускоренной цифровизации российского общества, а также развития самих сервисов, оказывающих психологические услуги онлайн, на данный момент отсутствует систематическое знание о распространенности и особенностях практик обращения за такой помощью даже в таких крупных городах, как Санкт-Петербург. Кроме того, нет понимания факторов, обуславливающих распространенность данной практики. Знание предикторов, примененное для разработки

⁴ Психологи среди нас // ВЦИОМ. 2020. 19 ноября. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14183> (дата обращения: 22.10.2022).

⁵ Каждый второй россиянин пожаловался на повышение стресса и тревожности // РБК. 2022. 14 апреля. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/625771af9a794771c6251aaa> (дата обращения: 22.10.2022).

⁶ Андреева С. Пандемия избавила психологов и коучей от стигмы // Новый Проспект. 2021. 16 августа. URL: <https://newprospect.ru/news/articles/pandemiya-izbavila-psikhologov-i-kouchey-ot-stigmy/> (дата обращения: 22.10.2022).

стратегических программ, социальных инициатив и частных психологических сервисов, способно повысить частоту и эффективность обращения людей за психологической помощью. Поэтому изучение общественного мнения выступает одним из условий дальнейшего теоретического и эмпирического развития системы дистанционной психологической помощи [Виллоджанина, 2020: 131].

Методология исследования. Цель статьи – выявить социально-демографические факторы, влияющие на обращение за дистанционной психологической помощью. Для достижения этой цели были рассмотрены установки и практики петербуржцев в сфере получения психологической помощи посредством цифровых технологий онлайн.

Исследованиям дистанционной психологической помощи уделено значительное внимание в различных научных дисциплинах. Наибольшая разработанность проблематики наблюдается в сфере телепсихологии и киберпсихологии: исследованиям цифровизации психологической помощи посвящены работы Р. Коттона, Дж. Ирвина, А. Уилкинса, С. Янга и др. В то же время недостаточное внимание уделяется социальным настроениям, нарративам и установкам в отношении получения психологической помощи онлайн. В 2015 г. немецкими психологами была разработана методика «отношений к психологическим онлайн-интервенциям» (APIO), однако валидность ее результатов обеспечивается только выборкой, в которую входят респонденты, чье состояние близко к депрессивному [Schröder et al., 2015: 139]. Подобным сужением выборки отличаются и исследования пользователей психологических онлайн-сервисов: так, в качестве факторов успешного внедрения цифровой практики среди клиентов выделялись персонализированность сопровождения, конфиденциальность личной информации, частота, объем дистанционного сопровождения и способ коммуникации между специалистом и клиентом [Sedlander et al., 2018: 233]. Попытка изучения факторов распространения онлайн-помощи была предпринята также группой специалистов в 2017 г.: ими была разработана трехфакторная модель социально-демографических детерминантов распространения онлайн-психотерапии, авторы заключили, что подобные исследования совершеннолетнего населения по-прежнему находятся в зачаточном состоянии [Apolinário-Hagen et al., 2017].

Чтобы заполнить этот пробел, нами проведено исследование, компилирующее в рамках социологии и междисциплинарного подхода четыре концепции. Прежде всего, в основе определения и классификации дистанционной психологической помощи лежат теоретические обобщения В.Ю. Меновщикова, выделенные им организационные модели (государственные, некоммерческие, коммерческие) и ключевые инструменты интернет-консультирования [Меновщиков, 2010: 204]. Принятие цифровых инструментов психологической помощи и ее предикторы изучаются посредством междисциплинарной модели «Единая теория принятия и использования технологий» (UTAUT), сформулированной В. Венкатешем [Venkatesh et al., 2003]. Из четырехфакторной системы детерминантов наибольший интерес для исследования представляют при этом предикторы «социального влияния» и «способствующих условий» вкупе с независимыми переменными возраста, пола и персонального опыта. Наконец, в основе изучения социальных предикторов лежат две концептуальные модели. Первая из них – динамическая модель «цикла избегания» («Cycle of Avoidance»), разработанная Л. Биддлем и демонстрирующая (не)обращение за профессиональной психологической помощью в качестве циклического процесса, регулируемого барьерами обращения за помощью, социальными нарративами и дискурсом в отношении получения психологической помощи [Biddle et al., 2007: 990]. Ее дополняет концептуальная модель «путей обращения за психологической помощью в Интернете» («Pathways to online help-seeking»), созданная американскими психологами в 2016 г. Трехфакторная модель демонстрирует стратегии обращения молодых мужчин за формальной/неформальной психологической помощью онлайн/офлайн, причем ключевым предиктором выбора формата получения помощи выступает восприятие стигмы [Best et al., 2017: 1073].

Стигма, выделенная в 1960-х гг. И. Гофманом в качестве «клейма, нежелательного отхождения от социальных ожиданий» [Goffman, 1963: 8], по-прежнему является ключевой

концепцией социальных исследований и политики в области психологического здоровья [Warner, 2009: 632]. Согласно этому подходу, люди, которым свойственно стигматизировать психологические услуги или подвергаться стигматизации со стороны социального окружения, чаще прибегают к «низкопороговым» (анонимным) источникам дистанционной помощи. Достоверность данной гипотезы, а также возможность иных социальных предикторов наравне со стигмой апробированы авторами в ходе настоящего исследования.

Эмпирической основой этого исследования выступают данные опроса населения Санкт-Петербурга в апреле-мае 2022 г. по стратифицированной случайной выборке (ошибка выборки 2,8%). Методом сбора данных был телефонный опрос с использованием системы CATI (Computer Assisted Telephone Interview)⁷. Опрошено 1200 совершеннолетних жителей Санкт-Петербурга, выборочная совокупность формировалась с учетом половозрастной структуры населения Санкт-Петербурга⁸.

Выбор телефонного интервью как метода сбора данных повлек соответствующие ограничения: в частности, интервью не должно занимать большое количество времени ввиду увеличивающегося риска отказа и сорванного интервью, а также содержать сложные для восприятия на слух шкалы с большим количеством вариантов ответа. В рамках телефонного интервью респонденты склонны давать более социально одобряемые ответы из-за возможных сомнений об анонимности опроса и слабости эмоциональной связи между респондентом и интервьюером. Тем не менее, поскольку проблематика настоящего исследования включает исследование стигмы как фактора не-обращения, сложно однозначно утверждать, что именно является социально одобряемым ответом: обращение за психологической помощью или не-обращение как проявление, по мнению респондента, самостоятельности и психологической зрелости или отсутствия проблем как таковых.

Телефонное интервью фокусировалось на вопросах опыта обращения за психологической помощью, практиках обращения, на отношении окружения респондента к психологической помощи, а также отношении респондента к психологической помощи в целом. Критерием дифференции стал выбор респондента на вопрос: «Приходилось ли вам когда-либо в своей жизни обращаться к психологу?» Исследование показало наличие опыта обращения за психологической помощью у 35,2% респондентов, из которых 19,6% обращались неоднократно. Вторым критерием дифференциации выступил ответ на вопрос: «Пожалуйста, вспомните *ВСЬ* ваш опыт обращения за психологической помощью. Как именно вы получали помощь психолога?» Вопрос определял факт обращения за очной, дистанционной или обоими видами помощи и задавался только имеющим опыт обращения. Согласно полученным ответам, только дистанционно обращалось за психологической помощью 10,4% респондентов, 75,3% респондентов обращались к психологу только очно, 14,5% обращались в обоих форматах.

Опыт обращения за дистанционной психологической помощью. Для описания портрета обращавшихся за дистанционной помощью, за очной помощью и сочетавших оба способа получения психологической помощи (табл. 1) были построены двумерные распределения, проведен корреляционный анализ, а также Z-тест.

Из тех, кто обращался за психологической помощью только дистанционно, большая часть – молодежь, а также те, кто в последний раз на момент участия в опросе получал психологическую помощь в 2021–2022 гг. Только за очной психологической помощью обращались в основном представители средней и пожилой возрастных групп

⁷ Опрос проведен на базе Ресурсного центра СПбГУ «Центр социологических и интернет-исследований».

⁸ В выборке 43,9% мужчин и 56,1% женщин; 28,6% составляют представители молодежи (18–35 лет), 29,6% – люди пожилого возраста (от 60 лет и старше), около половины выборочной совокупности приходится на жителей среднего возраста (41,8%). У почти трети респондентов (31,2%) есть несовершеннолетние дети. Более трети (35,2%) респондентов указало на высокий доход семьи, а крайне низкий доход (не хватает даже на продукты питания) отметило 4,3%.

Таблица 1

**Структуры получателей психологической помощи в разных форматах,
% от числа имеющих опыт обращения за психологической помощью**

Категории респондентов		Только очно	Только дистанционно	Оба формата
Возрастная группа	Молодежь	30	72	39
	Средний возраст	50	28	54
	Пожилые	20	0	7
Длительность получения помощи	Сходил(а) один раз, больше не приходил(а)	37	33	10
	Посещал(а) психолога несколько раз в пределах одного месяца	26	28	15
	Посещал(а) психолога несколько месяцев	22	28	28
	Посещал(а) психолога год и более	15	11	47
Дата последнего обращения	В последние 2 месяца	13	33	53
	В 2021 г.	17	40	26
	В 2020 г. и ранее	70	27	21
Опыт обращения знакомых	Никто или практически никто	20	19	5
	Некоторые	58	58	45
	Многие	22	23	50
Наличие детей младше 18 лет	Да	35	54	53
	Нет	65	46	47

и респонденты, кому оказывалась непродолжительная психологическая помощь (не более месяца), не имеющие несовершеннолетних детей.

Обнаружены значимые связи с форматом получения помощи у следующих характеристик: возраст респондента (корреляция по Пирсону составляет $-0,185$), длительность получения помощи ($0,283$), дата последнего обращения ($-0,418$), опыт обращения знакомых ($0,152$), наличие несовершеннолетних детей ($-0,154$). Следует обратить внимание на связь выбора формата получения психологической помощи с датой последнего обращения и длительностью получения психологической помощи. Из респондентов, кто получал только очную психологическую помощь, подавляющее большинство ($85,4\%$) посетил специалиста единожды: с увеличением длительности получения помощи доля респондентов, посещавших его только очно, снижается. Респонденты, которые сочетали дистанционную и очную психологическую помощь, чаще посещают психолога год и более ($35,4\%$), около $1/5$ – несколько месяцев ($17,3\%$). Очевидна тенденция цифровизации психологических услуг, требующих продолжительной терапии.

В 2021–2022 гг. респонденты, получившие и получающие психологическую помощь, чаще использовали дистанционный формат ее получения или сочетали его с очными консультациями. В то же время доля респондентов, кто комбинирует форматы получения помощи, имеет тенденцию к возрастанию: их было $5,3\%$ в 2020 г. и ранее, $18,2\%$ в 2021 г. и $37,2\%$ в 2022 г. (в последние два месяца перед участием в опросе). Эту тенденцию можно объяснить периодом самоизоляции ввиду условий пандемии, начавшейся весной 2020 г. и обусловившей переход от очного формата взаимодействия к дистанционному практически во всех сферах общественной жизни.

Среди респондентов, кто сочетал очную и дистанционную психологическую помощь, 29,3% отметило факт обращения многих из окружения за психологической помощью, в то время как среди получателей только очной психологической помощи большинство (89,6%) не имеет знакомых с таким опытом. Примечательно, что чем больше знакомых из окружения респондента когда-либо получали психологическую помощь, тем больше респонденты склонны выбирать дистанционный формат получения помощи или сочетать его с очным.

Доверие к дистанционной психологической помощи. Респонденты, которые доверяют психологической помощи в целом, более склонны выражать согласие с утверждением, что в настоящее время *«качественную психологическую помощь можно получить и посредством цифровых технологий, без очного визита к психологу»* (42,4%, гамма 0,131). Те, кто не доверяет психологической помощи, не верит в ее эффективность, чаще убеждены и в неэффективности дистанционной помощи по сравнению с очными консультациями (55,1%). Целесообразно выдвинуть гипотезу, что доверяющие психологической помощи в целом являются потенциальной целевой аудиторией психологической помощи дистанционного формата. Следовательно, для расширения практик онлайн-помощи, увеличения ее доступности (в том числе на бесплатной основе и для маломобильных групп населения) необходимо в первую очередь повышать доверие к психологической помощи в целом.

Более половины респондентов, относящихся к молодежи (55,5%), выражают полное или частичное согласие с тем, что качественная психологическая помощь в настоящее время доступна в режиме онлайн (гамма 0,366). Согласие с этим утверждением снижается по мере увеличения возраста респондентов (согласны с ним 38,7% представителей среднего возраста и 25,9% представителей пожилого возраста), в то время как несогласие увеличивается.

В последние годы наблюдается рост доверия к дистанционной психологической помощи как не менее качественной по сравнению с очными консультациями. Среди тех, кто обратился к специалисту в сфере психологического здоровья в последний раз в 2021 г., доля полностью или частично согласившихся с мнением о качестве составляет почти 2/3 (63,2%) респондентов, имеющих опыт обращения; для тех, кто получал психологическую помощь в последний раз в 2022 г., – 58,5%. Наблюдается тенденция снижения уровня недоверия к дистанционной психологической помощи в зависимости от даты последнего обращения. Так, среди тех, кто обратился в последний раз в 2021 г., доля несогласных составляет 26,1%, а среди обращающихся в 2022 г. – 30,5%. Уместно утверждать, что ввиду карантинных мер и сопутствующих ограничений нуждающиеся в психологической помощи вынуждены были заменять офлайн-практики практиками онлайн и, как следует из полученных данных, обнаружили не меньшее (по сравнению с очными консультациями) качество оказания дистанционной помощи.

Таким образом, дистанционная психологическая помощь – практика, которая получила широкое распространение сравнительно недавно и стала наиболее популярной среди представителей молодежи. Поколение в возрасте 18–35 лет больше убеждено и в том, что посредством цифровых практик можно получить не менее качественную психологическую помощь, чем при очном посещении.

Модели выбора дистанционной психологической помощи. Применительно к факторам обращения за дистанционной помощью было проверено наличие стигматизации психологической помощи и, как следствие, выбор обращающихся в пользу дистанционных практик. Выяснилось, что на доверие к дистанционной психологической помощи может влиять стигматизация самим респондентом нуждающихся в психологической помощи (согласие с утверждением *«за психологической помощью обращаются только люди, имеющие заболевания, психическое расстройство»*, гамма 0,104), а также стигматизация в его адрес со стороны окружения (выбор вариантов «не одобряют» или «скорее не одобряют» в вопросе *«как вам кажется, как отнесется большинство ваших знакомых, если вы обратитесь к психологу за консультацией?»*, гамма 0,203). На выбор формата получения помощи в рамках дистанционных практик оказывает влияние только опыт окружения в обращении

Таблица 2

Логистическая модель выбора дистанционного формата получения помощи
(только имеющие опыт обращения за психологической помощью в целом)

	В	Вальд	Знч.	Exp(B)	95% доверительный интервал для Exp(B)	
					нижняя	верхняя
Возрастная группа	-0,039	9,512	0,002	0,962	0,938	0,986
Активный поиск решения психологических проблем	-0,508	2,834	0,092	0,602	0,333	1,087
Дата последнего обращения за психологической помощью: 2021–2022 гг.	1,866	34,893	0,000	6,463	3,480	12,005
Статус занятости: бизнесмен / индивидуальный предприниматель	-1,439	4,698	0,030	0,237	0,065	0,871
Наличие несовершеннолетних детей	0,787	7,164	,007	2,197	1,235	3,909
Константа	-0,634	1,111	0,292	0,530		
-2 Log Правдоподобие	R-квадрат Кокса и Снелла			R-квадрат Нэйджелкерка		
292,49	0,219			0,324		

за психологической помощью (гамма 0,284). Тем не менее сила связи слаба, что делает спорным утверждение, будто установки и практики в отношении дистанционной психологической помощи формируются преимущественно под влиянием стигмы.

Дополнительной апробацией выделенных выше факторов выступило построение регрессионных моделей.

Авторы построили 18-шаговую логистическую модель объяснения выбора респондентами дистанционного формата получения психологической помощи. В качестве устойчивых предикторов выбора именно дистанционной помощи были выделены только период последнего обращения за психологической помощью (exp(B) 6,463) и наличие у респондента несовершеннолетних детей (exp(B) 2,197). Менее значимой представляется переменная возраста. Результат регрессионного анализа (табл. 2) продемонстрировал относительно высокий показатель правдоподобия этой модели (R-квадрат Нэйджелкерка 0,324).

В подтверждение ранее изложенных выводов авторами также построена номинальная линейная модель, демонстрирующая прогнозируемое влияние отдельных значений объясняющих переменных на выбор формата получения психологической помощи (табл. 3). Валидность модели, выстроенной на основе семи значений, представляется весомой (псевдо-R-квадрат Нэйджелкерка 0,363). Ключевыми предикторами выбора очных психологических консультаций выступают при этом возраст клиента (преимущественно пожилой), отсутствие несовершеннолетних детей, а также специфический набор личностных мотивов. Предикторами получения психологической помощи в онлайн-формате являются тоже возраст (преимущественно молодой), наличие несовершеннолетних детей, положительный опыт и рекомендации знакомых. Отдельно выделяется связь с датой последнего обращения за помощью: дистанционный и очно-дистанционный форматы распространяются с 2021 г., они с высокой вероятностью продолжают становиться общепринятой практикой получения психологических услуг в будущем.

Таблица 3

Номинальная линейная модель выбора дистанционного формата получения помощи
(только имеющие опыт обращения за психологической помощью в целом)

«Пожалуйста, вспомните ВСЬ Ваш опыт обращения за психологической помощью. Как именно Вы получали помощь психолога?»		D	Вальд	Знч.	Exp(B)	95% доверительный интервал для Exp(B)	
						нижняя	верхняя
Очная психологическая помощь	Возрастная группа	0,002	0,027	0,868	1,002	0,978	1,027
	Дата последнего обращения: 2021–2022 гг.	–1,899	26,697	0,000	0,150	0,073	0,308
	Множественное посещение психолога	–1,223	5,640	0,018	0,294	0,107	0,808
	Причина посещения: НЕ чувство необходимости помощи	0,083	0,057	0,811	1,087	0,551	2,145
	Причина посещения: НЕ опыт окружения	0,849	3,895	0,048	2,336	1,006	5,427
	Причина посещения: НЕ любопытство, интерес	–0,358	0,465	0,495	0,699	0,250	1,956
	Наличие несовершеннолетних детей	–0,766	5,705	0,017	0,465	0,248	0,872
Дистанционная психологическая помощь	Возрастная группа	–0,105	14,589	0,000	0,901	0,853	0,950
	Дата последнего обращения: 2021–2022 гг.	–0,588	1,246	0,264	0,555	0,198	1,560
	Множественное посещение психолога	–2,310	13,328	0,000	0,099	0,029	0,343
	Причина посещения: НЕ чувство необходимости помощи	–1,136	4,280	0,039	0,321	0,109	0,942
	Причина посещения: НЕ опыт окружения	1,290	3,062	0,080	3,633	0,856	15,415
	Причина посещения: НЕ любопытство, интерес	–1,807	7,635	0,006	0,164	0,046	0,591
	Наличие несовершеннолетних детей	0,279	0,338	0,561	1,322	0,515	3,391
Псевдо-R-квадрат							
Кокс и Снэлл			Нэйджелкерк		МакФадден		
0,278			0,363		0,224		

Заключение. Самым важным результатом проведенного исследования стало выделение ключевых предикторов получения дистанционной психологической помощи. Несмотря на ограничения, связанные с методом телефонного опроса, созданная модель выбора дистанционной помощи на основе социальных факторов доказала свою состоятельность и может быть использована в дальнейших разработках данной проблематики и исследованиях отдельно взятых социальных предикторов. Не менее важным представляется и отказ от исключительной интерпретации факторов посредством моделей стигматизации помощи и сосредоточение на иных социальных предикторах. Концептуальные модели, связанные со стигмой, не подтвердили свою пригодность.

Фактор стигматизации амбивалентен. С одной стороны, стигматизация признана наиболее значимым и часто упоминаемым в литературе барьером обращения за психологической помощью, центральным элементом программ повышения обращаемости за помощью среди населения [Lynch, Long, Moorhead, 2018: 140]. С другой стороны, по силе корреляции с обращаемостью фактор стигматизации доказанно уступает другим четырем детерминантам индивидуального уровня (страху самораскрытия и нарушения конфиденциальности, желанию самостоятельно решать проблемы, неспособности признать потребность в помощи) [Казанцева и др., 2019: 106]. Результаты опроса, представленного в статье, демонстрируют «невидимость» стигмы среди детерминантов обращения за дистанционной помощью. Представляется, что её дальнейшее изучение должно продолжиться в контексте восприятия стигмы частными группами риска (мужчинами, подростками, пожилыми, мигрантами и т.д.).

Отказ от «универсальных» стигма-центричных моделей обращаемости за помощью способствует развитию нового этапа в социологии ментального здоровья. Впрочем, результаты могут говорить и о том, что экстраполяция классического примера стигматизации по И. Гофману (лиц, страдающих психическими расстройствами) на получателей психологических услуг в целом представляется некорректной. Безусловно, теория стигмы остается важным научным аппаратом борьбы с дискриминацией людей с психическими расстройствами, однако рынок психологических услуг (особенно дистанционных) представляет для социологии новое предметное поле, требующее иных инструментов интерпретации. Учитывая снижающуюся роль концепции стигмы в объяснении обращаемости за психологической помощью, именно социологические исследования способны выявить новые социальные и средовые факторы обращаемости населения за помощью – в дополнение к индивидуальным, социально-психологическим факторам, детально изучаемым в психологической науке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Вилужанина Т.А. Особенности психологического консультирования онлайн // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. 2020. № 1. С. 123–132. [Vilyuzhanina T.A. (2020) Features of psychological consulting online. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psikhologiya* [Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology]. No. 1: 123–132. (In Russ.)]
- Гартфельдер Д.В. Дистанционная психологическая помощь: обзор современных возможностей и ограничений // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2016. Т. 12. № 2. С. 77–96. [Hartfelder D.V. (2016) Capabilities and limitations of modern telepsychology: an overview. *Vestnik psikhiiatrii i psikhologii Chuvashii* [The Bulletin of Chuvash Psychiatry and Psychology]. Vol. 12. No. 2: 77–96. (In Russ.)]
- Иванов В.Г., Николаев Е.Л. К вопросу о психологическом консультировании в сети Интернет // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 54 (5). С. 326–332. [Ivanov V.G., Nikolaev E.L. (2017) On the issue of psychological counseling in the Internet. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education]. Vol. 54. No. 5: 326–332. (In Russ.)]
- Казанцева Т.В., Антонова Н.А., Ерицын К.Ю. Обращение за профессиональной помощью в сфере психического здоровья: концептуализация понятия и анализ предикторов // Петербургский психологический журнал. 2019. № 28. С. 88–117. [Kazantseva T.V., Antonova N.A., Eritsyin K.Y. (2019) Help-seeking in mental health problems: conceptualization and analysis of predictors. *Peterburgskij psihologicheskij zhurnal* [Petersburg Journal of Psychology]. No. 28: 88–117. (In Russ.)]

- Меновщиков В.Ю. Психологическое консультирование и психотерапия в Интернете. М.: Спутник+, 2010. [Menovshchikov V.Y. *Psychological counseling and psychotherapy in the Internet*. Moscow: Sputnik+. (In Russ.)]
- Apolinário-Hagen J., Vehreschild V., Alkoudmani R. (2017) Current Views and Perspectives on E-Mental Health: An Exploratory Survey Study for Understanding Public Attitudes Toward Internet-Based Psychotherapy in Germany. *JMIR Mental Health*. Vol. 23. No. 1. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/28232298/> (accessed 22.10.2022).
- Best P., Gil-Rodriguez E., Manktelow R., Taylor B.J. (2017) Seeking Help From Everyone and No-One: Conceptualizing the Online Help-Seeking Process Among Adolescent Males. *Qualitative health research*. Vol. 26. No. 8: 1067–1077.
- Biddle L., Donovan J., Sharp D., Gunnell D. (2007) Explaining non-help-seeking amongst young adults with mental distress: a dynamic interpretive model of illness behaviour. *Sociology of health & illness*. Vol. 29. No. 7: 983–1002.
- Goffman E. (1963) *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. London: Penguin [1990].
- Lal S., Adair C. (2014) E-mental health: a rapid review of the literature. *Psychiatr Serv*. Vol. 65. No. 1: 24–32.
- Lynch L., Long M., Moorhead A. (2018) Young Men, Help-Seeking, and Mental Health Services: Exploring Barriers and Solutions. *American Journal of Men's Health*. Vol. 12. No. 1: 138–149.
- Sedlander E., Barboza K.C., Jensen A. et al. (2018) Veterans' Preferences for Remote Management of Chronic Conditions. *Telemedicine and e-Health*. Vol. 24. No. 3: 229–235.
- Schröder J., Sautier L., Kriston L., Berger T., Meyer B., Späth C. et al. (2015) Development of a questionnaire measuring attitudes towards psychological online interventions – the APOI. *Journal of affective disorders*. Vol. 187. No. 15: 136–141.
- Venkatesh V., Morris M., Davis G., Davis F. (2003) User Acceptance of Information Technology: Toward a Unified View. *MIS Quarterly*. Vol. 27. No. 3: 425–478.
- Warner J. (2009) The Sociology of Mental Health: A Brief Review of Major Approaches. *Sociology Compass*. No. 3: 630–643.

Статья поступила: 07.11.22. Финальная версия: 27.02.23. Принята к публикации: 14.06.23.

DIGITALIZATION OF PSYCHOLOGICAL HELP: FACTORS AND TRENDS (the case of St. Petersburg)

PLUTOV L.E.*, RUSAKOVA M.M.*, GUZEVA D.V.*

*Saint Petersburg State University, Russia

Leonid E. PLUTOV, post-graduate student, research laboratory assistant (st049388@student.spbu.ru); Maia M. RUSAKOVA, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Applied and Sectoral Sociology, Acting Director (m.rusakova@spbu.ru); Daria V. GUZEVA, Specialist (d.guzeva@spbu.ru). All – Resource Center “Center for Sociological and Internet Research”, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of R&D project No. 121062300141-5 “Comprehensive study of the factors and mechanisms of political and socio-economic sustainability in the context of the transition to a digital society”.

Abstract. The article discusses St. Petersburg residents' attitudes and practices to receiving psychological help via Internet. The growth of online psychological help popularity seems to be expected due to accelerated digitalization of Russian society and psychological online services development. The aim of the study is to identify socio-demographic predictors affecting prevalence of distant psychological assistance among St. Petersburg residents. The study was conducted using quantitative strategy; a telephone survey (CATI) was applied ($N = 1200$). As for data analysis, linear and correlation analysis were applied as well as regression modeling. Findings reveal that the practice of seeking psychological help was widespread (35% of St. Petersburg residents). At the same time, almost ¼ of them received remote assistance. In 2022, a drastic growth of the need for psychological assistance is noticeable. The study showed that the use of digital practices in psychological help is mainly influenced by social predictors: age, presence of minor children, external stigmatization by a social environment. However, the stigmatization phenomenon seems to be ambivalent and cannot be used as a key predictor for the choice of distant assistance. Our conclusions urge further elaboration of factorial study and broader replacement of the stigma concept by more relevant and expanded theoretical models explaining pathways of psychological help seeking.

Keywords: digital practices; distant psychological help; digitalization; help-seeking factors; stigma.

Received: 07.11.22. Final version: 27.02.23. Accepted: 14.06.23.

© 2023 г.

О.Б. САВИНСКАЯ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ ИНТЕРВЬЮИРОВАНИЯ ДЕТЕЙ: ИНКЛЮЗИЯ, ДОВЕРИЕ, АГЕНТНОСТЬ

САВИНСКАЯ Ольга Борисовна – кандидат социологических наук, доцент департамента социологии, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия (osavinskaya@hse.ru).

Аннотация. На основании обзора литературы систематизированы основные методические принципы интервьюирования детей. Показано, как теоретические подходы изучения детства XX века и современный проект социологии детства сформировали методологические рамки для методических правил и приемов в развитии метода интервью с детьми. Показана связь между теоретическими подходами и развитием методик интервью. Признание интерсекциональности, множественности детства в глобальном мире, с одной стороны, рождает множество уникальных практик полевой работы, с другой – создает почву для выработки общих этических и методических подходов и принципов. Представлена систематизация этих принципов на разных этапах полевой работы: подготовка интервью, проведение и окончание поля. Выделены особенности реализации техник и этоса интервьюирования детей: разработка дружественного ребенку инструментария, информированное согласие родителей и создание доверительных отношений с ребенком и родителями, динамика ситуации интервью, постполевые отношения, правила репрезентации мира детства в научных статьях и политических документах. Вводится понятие методической инклюзии как совокупности обозначенных выше приемов, позволяющих адаптировать метод для изучения социальной группы, в данном случае детей.

Ключевые слова: социология детства • метод интервью • методическая инклюзия • детская агентность • доверие в ситуации интервью • геймификация интервью • проективные техники • стимульный материал

DOI: 10.31857/S013216250026584-5

Введение. 1990-е годы принесли миру ключевые преобразования и изменения, сформировались новые направления в исследовании обществ. Одно из них – социальные исследования детства, развивающиеся на волне более широких изменений в исследовании социальных процессов: переопределения статуса меньшинств в обществе, признания их равноправности в публичном диалоге, исследования их голоса и уникального опыта. За последнее тридцатилетие продолжается научная дискуссия о правах человека и агентности детей в публичной сфере [James, 2009; Prout, James, 2015; Митрофанова, 2016; Ерпылева, 2019], дискутируются практики вовлечения детей в принятие решений [James, 2007; Калабихина, Кучмаева, 2013]. Дети признаются социальной группой с уникальным опытом, без которого нельзя понимать процессы детства, и с правом на выражение своего

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

мнения [Кон, 2004; Никитина ден Бестен, 2009]. За последние 30 лет опыт работы с детьми в исследовательских практиках становится все более весомым, приобретает методические стандарты (см., напр.: [Savinskaya 2016]).

Цель данной статьи – систематизация принципов и приемов проведения качественных интервью с детьми как одного из ключевых методов вовлечения детей в исследовательские практики. Фокус в данном обзоре сделан на неформализованном интервью, поскольку именно в применении этого метода благодаря своей гибкости активнее проявляется субъектность ребенка. Неформализованное интервью оказывается наиболее релевантным для погружения в детские субкультуры и миры смыслов. В статье метод интервью понимается широко, учитывая его вариации – индивидуальные и групповые интервью [Fontana, Frey, 1994], личные в реальной обстановке и цифровые, удаленные [Сэлф, Рязанцев, 2021]. Будет рассматриваться только этап сбора данных, но частично освещены смежные вопросы: какие темы лучше обсуждать с детьми, какие методики сбора данных лучше применять, что в свою очередь предопределяет дальнейший анализ.

Теоретические подходы. В социологии детства XXI в. осмысливался опыт развития классической социологии и психологии XX в. Работы Пиаже и Выготского (см., напр.: [Выготский, 2017]), где основным эмпирическим методом построения теории было внимательное наблюдение за ребенком и ведение скрупулезных записей отдельных кейсов о жизни ребенка, стали основой для определения канонов: длительность наблюдения, отслеживание динамики, поиск интерпретаций, исходя из понятой логики детского поведения, что предполагает небольшую интерактивность и контакт.

В социологической традиции принципы полевого изучения детей в их реальной повседневности развивали представители Чикагской школы: их исследования основаны на интервью, наблюдении, кейс-стади, что создало основу качественной методологии. Публикации были посвящены таким направлениям в изучении разнообразия детства, как детский труд, базовое образование детей-инвалидов с ментальными проблемами, преступность среди несовершеннолетних, что стало важным материалом для разработки мер государственной социальной политики. Во всех этих работах обсуждались важность учета и раскрытия «голоса ребенка», его точки зрения, жизненного опыта [Johnson, 2011: 55]. Этот принцип был заложен в развитие метода интервью с детьми, так же как и в метод включенного этнографического наблюдения. Примером тому могут быть яркие работы У. Томаса: «Неприспособленная девушка» [Томас, 2009], вызвавшая первые дискуссии о важности состояния общества в процессе социализации детей; «Ребенок в Америке: проблемы поведения и программы» [Tomas, 1928], в которой он сформулировал свое самое известное утверждение «Если люди определяют ситуации как реальные, они реальны по своим последствиям» [ibid.: 572] и по сути заложившего основы социального конструирования, в том числе и конструирования детства. Выдающимися этнографическими исследованиями детей также стали работы Ф. Трешера «Банда» [Thrasher, 1927] и К. Шоу «Джек-Роллер: собственная история мальчика-правонарушителя» [Show, 1930]. Первая работа основывалась на широком массиве интервью и полевых заметок с разными представителями молодежной банды, вторая – на глубоком погружении и анализе одного единственного случая.

Переосмысливается позиция ребенка в процессе его взросления: как происходит диалектика социализации (Парсонс) и интернализации знаний [Бергер, Лукман, 1995] при помощи взрослых и сконструированной взрослыми социальной среды и формирование собственной идентичности и ценностей вырастающего поколения [Мангейм, 1994: 446], как происходит гармонизация столкновения устоявшейся структуры и преобразующей детской агентности. Как фуколдланский «биополитический» характер общества, предполагающий контроль над телесными, биологическими характеристиками индивидов и установление социального порядка воздействует на детскую телесную динамику в процессе взросления? К 1980-м гг. социальный конструктивизм стал доминирующей концепцией развития социологии детства. Согласно Дж.А. Ли [Lee, 1982] исследователи рассматривают три парадигмы

социального конструирования детства: (1) дети как собственность, «достояние» (социальное определение, восходящее к доиндустриальному обществу); (2) защита детей (концепция, узаконенная индустриализмом середины XX в.); и (3) ребенок как личность (поддерживается современными исследованиями). В этой логике развития социальных представлений о детстве вовлеченность детей в исследования и позиционирование их в процессе сбора данных как равноправных участников исследования, их агентность и занятие собственной позиции становятся все более актуальными с переходом к третьей парадигме социальных представлений. Эмпирические работы 1990-х гг. о социализации детей уже немыслимы без детского голоса, чьи факты из жизни и оценки происходящего определяют векторы тематических фокусов и их интерпретации.

Книга Патриции и Питера Адлер «Власть ровесников: подростковая культура и идентичность» фиксирует уникальность детского мира, конструируемого через ежедневные взаимодействия: «Подростки не воспринимают, не интерпретируют, не формируют мнения о мире и не действуют в отношении мира как не связанные друг с другом личности. Скорее, они делают все это вместе со своими сверстниками, когда они коллективно воспринимают мир, сталкиваются с проблемами, делятся своим восприятием и вырабатывают совместные решения этих проблем» [Adler, Adler, 1998: 206]. Корсаро, суммируя исследования, выдвигает еще один постулат: дети не только создают свою субкультуру сверстников, но и делают заметный вклад в развитие общества в целом [Corsaro, 1997: 41]. XXI век признает первенство детей в освоении цифровой повседневности. Книга Адлеров, как и другие работы рубежа веков, указывают на то, что детство – это не подготовительный этап к вступлению в полноправные члены общества, это и есть часть общества, социальная группа со своей субкультурой, сложившейся, с одной стороны, на определенном этапе индивидуального развития, с другой – на базе имеющегося социального опыта в кругу сверстников. Именно это положение создает двойственную природно-культурную сущность детства [Бардина, 2019].

Интервьюирование детей в российской социологии начинается вместе с освоением качественной методологии в 1990-е гг. Наиболее заметными организациями, где стали развиваться исследовательские практики интервьюирования детей, стали Институт социологии, РГГУ, МГППУ (С.Н. Майорова-Щеглова), Институт социологии образования РАО (В.С. Собкин), Самарский университет (С.Ю. Митрофанова). В 2000-е гг. в России активно развивался международный проект «Город, дружественный детям», в рамках которого о вовлечении детей в исследования активно заявлял ДВФУ (А.Г. Филиппова. Владивосток), МГУ (И.Е. Калабихина).

В процессе адаптации вышеизложенных теоретических принципов, сформировавшихся в XX в. в практике интервью, становится методической нормой равный диалог с ребенком в процессе взаимодействия с исследователем, что проявляется в установлении доверия и методиках комфортного расспрашивания, которые должны учитывать ментальные особенности информанта, его психологический темперамент, возрастное владение речью, умение концентрироваться на обсуждении и т.д. Такую настройку метода под социальные и психологические особенности информанта мы называем *методической инклюзией* и раскроем пошагово это понятие ниже.

Работа метода. Теоретическое развитие социологии детства формирует правила эмпирического метода и общие принципы проведения интервью [Веселкова и др., 2017]. На основе практики интервьюирования детей, описанной в методической литературе последних десятилетий, систематизируем современные представления о методе интервью как базовом методе изучения детства.

Как показывает практика последних десятилетий, сфера применения интервью с детьми широка. Это может быть разговор как о прожитом дне [Савинская, 2018], так и об основных вехах прожитой жизни (биографии) [Бесчасная, 2016], воспоминания о покупке, практиках потребления этой покупки [Солодникова, 2020], продолжительной игре [Осорина, 2018], жизни в городе [Филиппова, Ракитина, 2017; Дети и подростки..., 2015],

процессах в обществе [Майорова-Щеглова, Кривошеева, 2015] и т.д. При этом важно учитывать «возрастную классификацию информационной продукции»¹. Дети выборочно описывают элементы прожитого опыта, но при этом творчески его окрашивают, дают фантазийные метафорические определения, ассоциации, выстраивают новые логические связи между элементами социального порядка, в который они непосредственно включены. Интервью с детьми чаще всего встраивается в общий контекст изучаемого предмета исследования, соотносится с уже опубликованными исследованиями, опирающимися на данные от взрослых, или же применяются многометодные исследования, где интервью с детьми – один из методов.

Подготовка инструментария. Интервью с ребенком начинается с разработки адаптивного инструментария исследования. Прежде всего, это гайд интервью, но также и разные формы проективных методик, отбор и техники применения стимульного материала, которые помогли бы создать более вовлекающий сценарий разговора и контексты его реализации. Адаптация предполагает учет возраста и возрастных способностей, темперамента, подвижности, интересов и других характеристик изучаемой группы детей. Дружественный ребенку инструментарий – первая важная составляющая методической инклюзивности, под которой мы понимаем совокупность приемов, делающих метод сбора данных комфортным для информанта. Сценарий гайда должен иметь логику разговора, которая была бы понятна ребенку. На повествование о прожитом опыте могут быть нанизаны оценочные вопросы, провоцирующие ребенка не только вспоминать и упорядочивать прожитое, но и анализировать, сравнивать, рефлексировать свои эмоции и ощущения, резюмировать, планировать и т.д. Соотношение описания прожитого и рефлексии о нем зависит от возраста ребенка: чем он старше, тем больше может быть оценочных вопросов-проб. Когнитивная сложность гайда должна соотноситься с возрастом ребенка: разработка гайда должна базироваться на широком спектре знаний из педагогики и апробироваться перед запуском основного полевого этапа.

Только повествование может быть слишком утомительным, поэтому на помощь приходят стимульный материал [Мертон и др., 1991; Оберемко, Терентьева, 2018] и проективные методики, которые, выражаясь словами Н. Веселковой и ее коллег [2017], формируют «распределение контроля» между интервьюером и информантом. Так, О'Рейли и Паркер предлагают следующие элементы или дополнительные методы, делающие гайд по проведению интервью более удобным для детей: применение рисунков, представление фотографий, стихов, смайликов, виньеток, проективных историй, игровых сюжетов для небольших психодраматических сцен и т.д. [O'Reilly, Parker, 2014: 138]. Работа с проективными методиками и стимульным материалом очень важна в детских интервью. Дети – отличные производители фантазийного, творческого контента, они легко придумывают, дают оригинальные, нестереотипные ассоциации, побуждающие исследователя на этапе анализа осмыслять «привычность» социальной жизни. Проективные методики также помогают обсуждать с детьми сенситивные темы, выявляя общее эмоциональное отношение к похожим ситуациям или же становясь стимулом для рассказа о собственной жизни [Johnston et al., 2021; Яшина, Жарикова, 2023]. Элементы из биографии ребенка, высказанные в ходе интервью, впоследствии триангулируются другими методами для большей надежности собранных данных.

Вход в поле. Поскольку ребенок не является полностью юридически ответственным лицом, родители или опекуны (Гоббс все еще прав) являются законными представителями ребенка. Контакт с ребенком неизбежно начинается со знакомства с родителем(ями) и их информированного согласия на проведение интервью с их ребенком. Информирование родителей об индивидуальном или групповом интервью с их ребенком, помимо методических аспектов работы с данными, задает дискурсивный статус уникального опыта

¹ Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации от 28.07.2012 № 139-ФЗ.

ребенка, легитимность его членства в обществе, значимость социальной группы, к которой он принадлежит. Соглашаясь на интервью, родители признают эти условия.

Место и среда проведения интервью. Роли образовательной среды в педагогике посвящено много работ (Л.С. Выготский, А.С. Макаренко, П.П. Блонский, С.Т. Шацкий, Н.Н. Поддьяков, С.Л. Новоселова и др.). Развитие метода интервью приходит к схожим с этой сферой исследований выводам: среда стимулирует к воспоминаниям, рассуждениям, описаниям, создает важный, иногда решающий контекст для формирования нарратива информанта, готовности к проговариванию деталей, мотивации вовлекаться и продолжать разговор. Разговор может проходить у ребенка дома, где он чувствует себя максимально комфортно (в случае благополучной семьи) и может более открыто выражать свою позицию. Еще одно частое место взятия интервью – организация, где обучается ребенок. Правила образовательной организации накладывают ограничения на ситуацию разговора. Присутствие воспитателей или учителей в некоторых ситуациях могут сделать интервью бесполезным. Причем учительская, класс, гардероб или спортивная площадка – это разные среды с разным уровнем контроля, и в этом смысле продуманный выбор наиболее комфортного места в школе – один из пунктов в подготовке интервью.

Во время проведения интервью важно учитывать среду и особенности ребенка. Метод интервью уже давно стал мобильным [Веселкова и др., 2017]: от классических посиделок за столом – к прогулке по городу, по пляжу, по индустриальным зданиям. В случае с детьми и их возрастными особенностями интервью может предполагать постоянное перемещение по комнате, детской площадке, прогулку по микрорайону, лесу, парку и т.д. Так, например, в нашем исследовании [Савинская, 2018] в процессе проведения фокус-групп дети могли двигаться, перемещаясь в пределах комнаты, делая игровые перерывы и отдыхая от разговора.

Новое поколение называют *digital native*: подростки лучше включаются в онлайн-интервью, легче оперируют с цифровым стимульным материалом: смотрят ролики, фото, мемы для обсуждения, подбирают и высылают свои. Онлайн-интервью иногда может быть более комфортным для ребенка в силу того, что он может находиться в домашней обстановке и испытывать меньший эффект интервьюера. Вместе с тем онлайн-интервью имеет свои этические и технические особенности, которые следует учитывать: трудности с получением родительского согласия, конфиденциальностью и автономностью интервью, удержанием внимания, погруженности и темпа коммуникации особенно при асинхронном сборе данных в мессенджере [O'Reilly, Parker, 2014; Сэлф, Рязанцев, 2021].

Количество и статус участников интервью. Практика показывает, что можно проводить индивидуальные, дуальные и групповые интервью с детьми. Как отмечает С.Н. Майорова-Щеглова [Щеглова, 2000], в интервью складываются более доверительные отношения, если интервьюер ненамного старше информанта. Разрыв может быть больше, если речь идет о дошкольниках. Возрастной разрыв рекомендуется учитывать и при проведении фокус-групп, однако модератор будет иметь больший возрастной разрыв в силу более сложной работы по управлению групповой динамикой. Работающим вариантом может быть и дуальное интервью родителя и ребенка, но в этом случае реплики ребенка вряд ли станут доминирующими в разговоре.

Динамика интервью: инклюзивность, агентность и ролевая геймификация. Детский комфорт в процессе интервью становится лейтмотивом в описании метода интервью в современной методической литературе [Савинская, 2023]. Логично, что в процессе интервью реализуется сценарий, задуманный в гайде, но тем не менее ситуация здесь-и-сейчас требует от интервьюера особых навыков.

Во-первых, интервьюер должен уметь в разговоре придать значимый статус каждому участнику интервью, который основан на принципе инклюзивности: признании различий, уникальности и достоинства каждого участника. Ребенок должен чувствовать, что интервью проходит в ситуации творческой свободы, интервьюер не продуцирует излишний контроль, а, наоборот, оказывает поддержку, особенно в сенситивных темах [Ahern et al.,

2018; Brubacher et al., 2020] и предполагает искренность, открытость и готовность интервьюера поддержать и развить неожиданные, самые разные мнения и даже фантазии ребенка. Необходимо расположением к творческой беседе с принятием субъектности информанта «превратить вопрос школьный, ответ на который известен заранее, в вопрос научный, ответ на который мы все пытаемся найти» [Ерпылева, 2019: 55], формировать агентность в рассказчике, уверенность в значимости своего опыта.

Во-вторых, интервьюер формирует раппорт и достигает в процессе интервью доверительных отношений. Интервьюер подчеркивает значимость детства для каждого человека, даже взрослого, детский опыт как уникальный (указывая на институциональное доверие к детству и к отдельным его практикам, например посещение школы или детского сада). Поддержание роли заинтересованного слушателя, а иногда и даже более того, вовлеченного игрока – это важные тактики удержания доверительных отношений в процессе разговора. Последние могут различаться в зависимости от количества участников разговора. В индивидуальном интервью больше возможностей для фокусировки на индивидуальных особенностях ребенка, его индивидуальной жизни. В домашней обстановке доверительный контакт с матерью, предворяющий интервью, формирует и доверие со стороны ребенка. В образовательной организации, например в детском саду, ребенку сложнее расположиться, поскольку отношения с воспитателями не такие же близкие, как с матерью.

Повышению доверия также способствуют техники удержания внимания в разговоре: постоянное вовлечение в разговор при помощи уточняющих вопросов-проб, творческих реплик по поводу дальнейшего развития обсуждаемых событий с просьбой уточнить, как же было на самом деле. При этом усталость поддержания сюжетной линии разговора могут снять внетематические реплики: например, уход от темы интервью в какие-то высказанные «личностные контексты» информанта-ребенка – его неожиданные воспоминания, когда внезапные переключения на другие ассоциативные темы рожают новые инсайты. Иногда эти личные «мысли» могут быть высказаны шепотом собеседнику на ухо. Шептание как живая перебивка в ходе обсуждения темы может стать полезной техникой снижения напряжения от сенситивности темы, проверки доверия и поддержки со стороны интервьюера/модератора.

В-третьих, современные техники интервьюирования самых разных аудиторий часто предполагают геймификацию. Интервьюер включает в интервью игровые элементы. Наделение ребенка ролью повышает его вовлеченность в ход интервью, его агентность, готовность через роль выразить себя. Так, например, в исследовании А. Мавлетовой, К. Гаврилова, Т. Холмогоровой опросник для школьников строился вокруг сюжета спасения инопланетян, терпящих катастрофу [Mavletova et al., 2019]. В нашем интервью с дошкольниками [Савинская, 2018] предполагалось сыграть в детский садик, куда с утра отравились любимые игрушки.

Геймификация может положительно сказываться на таких характеристиках процесса интервью, как повышение комфортности ситуации сбора данных, помещение участников разговора в среду сюжетно-ролевой игры, уход от нормативности разговора в вопросно-ответной форме, формирование доверия или релевантного раппорта между участниками беседы, игровое стимулирование сознания ребенка-информанта для повышения информативности собираемых данных, повышение контекстуальности разговора за счет введения в разговор игровых ситуаций, формирование удобных условий для удерживания внимания ребенка на теме разговора. Чаще всего геймификация хорошо сочетается с техниками глубинного интервью, предполагающего задействование проективных методик (психодраматических или сюжетно-ролевых, ассоциативных и др.) для изучения процессов, опыта, усвоенных норм, формирующихся установок и оценок. Такие интервью могут проходить как в формате совместного конструирования игрового нарратива, так и формате квестов – выполнения разного рода заданий, нанизанных на одну тематическую линию и насыщающих эту тематику интерпретациями по мере выполнения заданий.

Так, например, для реализации методики включения в разговор последовательного психодраматического ролевого проигрывания ситуаций из жизни ребенка можно придерживаться следующих принципов. Запланированные в гайде сцены непрямо направлены на интервьюера для разыгрывания по ролям, а после разыгрывания интервьюер предлагает ребенку немного рассказать о ней, объяснить свои действия в ситуации. В создании проективных ситуаций и проигрывании ролей приветствуется использование игрушек (фигур) для воплощения роли, если интервью происходит в комнате, в которой имеются игрушки, или на детской площадке. Особенности сбора данных могут меняться в соответствии с средой, конкретной ситуацией, индивидуальными потребностями и интересами ребенка, его умениями артикулировать свои идеи, воображением, умением контактировать и готовностью доверять интервьюеру. Опыт проведения интервью-игры также показывает, что некоторые дети по ходу разговора встраиваются в правила «взрослого» интервью, и роль игры в ходе общения с интервьюером может снижаться. Если это не приводит к усталости ребенка и снижению интереса к взаимодействию, игровые аспекты в интервью могут быть нивелированы. Если не проводится интервью-игра, то вполне возможно задействовать небольшие фрагменты игры в ходе интервью. Например, небольшие словесные игры в процессе интервью, работа с интонацией, ритмичность произношения резюмирующих смысл слов и т.д.

Стимульный материал. Стимульный материал – небольшие видеоролики, фотографии, мемы, проективные виньетки и даже материальные объекты, например игрушки – кроме классической функции фокусировки внимания и конкретизации предмета обсуждения [Мертон и др., 1991; Оберемко, Терентьева, 2018] – могут быть важными опорными предметами как материализованные социальные агенты [Латур, 2020] и выполнять роль знака, по поводу которого формируется интерпретация, или, иными словами, опорным нарративом, по поводу которого удобнее высказаться, продолжить, развить. Таким образом, стимульный материал может снижать уровень сенситивности темы, сюжета игры [Яшина, Жарикова, 2023]. Стимульный материал (если, например, речь идет об игрушке) может встраиваться в интервью-игру и занимать там свою ролевую позицию.

Вовлечение детей в принятие решений. Возможен ли анализ данных в поле? Стратегии action-research [Reason, Bradbury, 2001] позволяют включить вопросы, посвященные обсуждению изменений в детском микросообществе (если этому посвящено интервью) ближе к концу разговора. Переспрашивания, обсуждение сказанного каждым из участников интервью поможет закрепить сконструированные в процессе интервью смыслы и выйти на практические рекомендации от детей. В нашем интервью [Савинская, 2018] мы просили детей, подытоживая разыгрывание одного дня в детском саду, сказать, каких игр и активностей в детском саду не хватает и почему. Дети давали интересные ответы, которые мы позже обсуждали с воспитателями. Социальный запрос на практические рекомендации от детей повышает их агентность и самооценку, закрепляет позитивный опыт интервьюирования.

Этика интервью. Поддержание этических принципов на протяжении всего интервью – основа для комфортного и безопасного общения как для информанта, так и для интервьюера [Morrow, Richards, 1996]. О'Рейли и Паркер выделяют четыре принципа – автономию, вознаграждение, получение пользы, непричинение вреда [O'Reilly&Parker, 2014: 43]. Автономия предполагает право ребенка и родителя до начала интервью узнать его тематику и правила разговора и дать информированное согласие², свободную волю ребенка по участию в интервью, ответу на отдельные вопросы, выполнению разных заданий и проигрыванию игр и т.д. Таким образом, интервьюер должен стараться поддерживать мотивацию ребенка по ходу интервью, но четко отличать усталость и необходимость

² В книге О'Рейли и Паркер предлагается форма информированного согласия с пунктами, касающимися того, в какой форме будут собраны данные, конфиденциальности, т.е. кто еще кроме самого интервьюера сможет иметь доступ к транскрипту интервью (например, исследовательская этическая комиссия), как и что дальше случится с собранными данными, для чего нужно исследование.

отдыха и перерыва от полного нежелания продолжать интервью. В вопросах вознаграждения обсуждается финансовая компенсация за потраченное время. Эти вопросы могут быть особенно значимыми для семей в трудной жизненной ситуации и с детьми-инвалидами. Причем речь может идти не только о финансовой компенсации, но и о моральной, что тоже важно для тех, кто имеет низкую самооценку в силу жизненных обстоятельств. Получение пользы налагает на исследователей моральное обязательство использовать собранные данные для получения групповой или общественной пользы. Так, в последние десятилетия это становится нормой для методических книг – отводить целую главу методам распространения результатов исследования. Исследователь также должен отдавать себе отчет, что сбор данных не принесет психологического или физического вреда ребенку. Психологический комфорт ребенка – важный метакоммуникативный фокус интервьюера на протяжении всего интервью, но он остаётся в контакте с ребенком и его родителем и после интервью для убежденности в том, что не произошло негативных последствий.

Заключение. Проведенный обзор основных принципов метода интервью для получения первичной информации от детей показывает, что особенности работы метода на аудитории детей согласуются и в то же время дополняют общие векторы развития метода. Успешная полевая, эмпирическая работа с детьми показывает, что дети могут делать вклад в изучение общества, в частности мира детей, детских сообществ (например, дети в детском саду, в школе, учреждениях культуры), детской субкультуры (практики потребления, досуга) и функционирования детей в общественных пространствах (дети в городе, во дворе), быть участниками осмысления общественных изменений и проектировщиками будущего. Несмотря на имеющиеся различия в сборе данных, как индивидуальные, дуальные/тандемные, так и групповые интервью показали, что дети оказываются уникальными «экспертами» мира детства, умеющими через особо построенную беседу рассказать о своем ощущении жизни и о своих идеях по ее преобразованию.

С другой стороны, адаптация метода под аудиторию детей создала методные инновации: например, именно обращенность к детской аудитории сформировала спектр идей по геймификации коммуникативных практик в процессе как формализованных, так и неформализованных интервью. Более внимательное отношение к психологическому комфорту ребенка острее подняло вопросы тактики поддержки информанта в ходе интервью, особенно если информант находится в трудной жизненной ситуации. В то же время практики интервьюирования детей показали и особенности применения метода: выбор места интервью, его длительности и темпа, обладание навыками оценивать возрастные и связанные с его здоровьем речевые особенности ребенка, его компетенции и готовность к творчеству, позиционирование родителя или другого опекуна и его роли в общем полевом взаимодействии до и после интервью. Однако решение всех этих вопросов показывает, что метод развивается и накапливает эмпирический опыт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бардина С.М. «Дети, идиоты и сумасшедшие»: Томас Гоббс и проблемы современной социологии детства // Социология власти. 2019. № 31(1). С. 14–29. DOI: 10.22394/2074-0492-2019-1-14-29.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-центр, Медиум, 1995.
- Бесчасная А.А. Дихотомия «детства – взрослости» в представлениях детей (в контексте социально-экономического положения их родительских семей) // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1. С. 133–145. DOI: 10.17805/zpu.2016.1.10.
- Веселкова Н.В., Вандышев М.Н., Прямикова Е.В. Об основных векторах развития метода интервью // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 44–56.
- Выготский Л.С. Трудные дети // Записные книжки. М.: Канон+, 2017. С. 449–523.
- Ерпылева С. Рождаются ли дети социальными акторами? // Антропологический форум. 2019. Т. 42. С. 54–61.
- Калабихина И.Е., Кучмаева О.В. Мониторинг участия детей в принятии решений, затрагивающих их интересы // Вопросы статистики. 2013. № 10. С. 29–35.

- Кон И.С. Детство как социальный феномен // Журнал исследований социальной политики. 2004. № 2(2). С. 151–174.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом ВШЭ, 2020.
- Майорова-Щеглова С.Н., Кривошеева П.Н. Представления школьников о политической жизни в России: опыт исследования проективными методиками // Народное образование. 2015. № 1452(9). С. 157–162.
- Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е.А. Дети и детство как объекты социологических исследований // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 62–69. DOI: 10.7868/S0132162518030066.
- Мангейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
- Мертон Р., Фiske М., Кендалл П. Фокусированное интервью / пер. с англ. Т.Н. Федоровской, под ред. С.А. Белановского. М.: Институт молодежи, 1991.
- Митрофанова С.Ю. Реализация принципов участвующего подхода в современной социологии детства // Вектор науки ТГУ. Тольятти, 2016. № 2. С. 132–135.
- Никитина ден Бестен О. «Детство» в социальных науках: новые смыслы и новые подходы // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2009. № 5. С. 8–24.
- Оберемко О.А., Терентьева Н.Н. Фокусированное интервью по Роберту Мертону: особенности и критерии эффективности метода // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 74–90. DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.04.
- Дети и подростки в этносфере крупного российского города. Сб. статей / Под ред. Е. Омельченко, Е. Лукьяновой. СПб.: Свое издательство, 2015.
- Осорина М. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. 6-е изд. СПб.: Питер, 2018.
- Савинская О.Б. Социальный порядок детского сада глазами детей: конструирование мира детства через интервью-игру // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 77–85. DOI: 10.7868/S013216251803008X.
- Савинская О.Б. ИНТЕР-энциклопедия: интервью с детьми // ИНТЕР. Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 1. С. 95–103. DOI: 10.19181/inter.2023.15.1.5.
- Солодников Н.В. Особенности потребительского поведения подростков: социологический анализ // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 1. С. 105–118. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-105-118.
- Сэлф Б., Рязанцев А.П. Как провести интервью во время и после пандемии COVID-19 // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Том 13(4). С. 9–27. DOI: 10.19181/inter.2021.13.4.1.
- Томас У.А. Неприиспособленная девушка // Личность. Культура. Общество. 2009. Том XI. Вып. 3. № 50. С. 61–77.
- Филипова А.Г., Ракитина Н.Э. Городская доброжелательность к детям: от неравенства к соучаствующему проектированию городской среды (на материалах городов Дальнего Востока). Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2017.
- Щеглова С.Н. Как изучать детство? Социологические методы исследования современных детей и современного детства. М.: ЮНПРЕСС, 2000.
- Яшина М.Н., Жарикова А.В. Коммуникация в интервью с подростками на чувствительную тематику // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 37–46. DOI: 10.31857/S013216250023705-8.
- Adler E.A., Adler E. Peer Power: Preadolescent Culture and Identity. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1998.
- Ahern E.C., Van Meter F., Lamb M.E. A macro-coding perspective: Interviewer support and child comfort in investigative interviews with young alleged victims of sexual abuse // Children and Youth Services Review. 2018. No. 95(12). P. 361–367. DOI: 10.1016/j.childyouth.2018.11.013.
- Corsaro W.A. The Sociology of Childhood. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press, 1997.
- Brubacher S.P., Benson M.S., Powell M.B., Goodman-Delahunty J., Westera N.J. An overview of best practice investigative interviewing of child witnesses of sexual assault // Child Sexual Abuse / Ed. by I. Bryce, W. Petherick. Academic Press, 2020. P. 445–466. DOI: 10.1016/B978-0-12-819434-8.00022-2.
- Fontana A., Frey J. The interview: From structured questions to negotiated text // Handbook of qualitative research / Ed. by N.K. Denzin, Y.S. Lincoln. Thousand Oaks: Sage Publications, 1994. P. 645–672.
- James A. Giving voice to children's voices: Practices and problems, pitfalls and potentials // American Anthropologist. 2007. No 109(2). P. 261–272. DOI: 10.1525/aa.2007.109.2.261.
- James A. Agency // Handbook of Childhood Studies / Ed. by J. Qvortrup, W. Corsaro, M.S. Honig. London: Palgrave MacMillan, 2009. P. 34–45.
- Johnson H.B. From the Chicago school to the new sociology of children: The sociology of children and childhood in the United States, 1900–1999 // Advances in Life Course Research. 2001. No. 6. P. 53–93. DOI: 10.1016/S1040-2608(01)80007-1.

- Johnston V., Benedan L., Brubacher S., Powell M. The roles of child temperament and interviewer support on children reports of adult wrongdoing // *Personality and Individual Differences*. 2021. No. 175(6). DOI: 10.1016/j.paid.2021.110732.
- Lee J.A. Three Paradigms of Childhood // *Canadian Review of Sociology and Anthropology*. 1982. No. 19. P. 591–608.
- Mavletova A.M., Gavrilov K.A., Tholmogorova T. Gamifying a web survey among adolescents: effects on understanding of risk, risk calculation, and ratio-bias // *Journal of Risk Research*. 2019. No. 22(12). P. 1532–1545. DOI: 10.1080/13669877.2018.1501592.
- Morrow V., Richards M. The ethics of social research with children: An overview // *Children and Society*. 1996. No. 10. P. 90–105.
- O'Reilly M., Parker N. Doing mental health research with children and adolescents. A guide to qualitative methods. Thousand Oaks, CA: Sage, 2014.
- Prout A., James A. A new paradigm for the sociology of childhood? Provenance, promise, and problems // *Constructing and reconstructing childhood* / Ed. by A. James, A. Prout. Abingdon, UK: Routledge, 2015.
- Reason P., Bradbury H. (eds) *Handbook of action research: Participative inquiry and practice*. London, UK: Sage, 2001.
- Savinskaya O. One More Step in Childhood Research Discovering. Review. *Doing Mental Health Research with Children and Adolescents. A Guide to Qualitative Methods*. By M. O'Reilly, N. Parker. Sage, 2014 // *The Qualitative Report*. 2016. No. 21(1). P. 68–70.
- Shaw C.R. *The Jack-Roller: A Delinquent Boy's Own Story*, Chicago: University of Chicago Press, 1930.
- Thrasher E.M. *The Gang: A Study of 1,313 Gangs in Chicago*. Chicago: University of Chicago Press, 1927.
- Wyness M. *Childhood, culture and society in a global context*. Los Angeles (CA): Sage, 2018.

Статья поступила: 19.01.23. Финальная версия: 19.05.23. Принята к публикации: 20.06.23.

DEVELOPMENT VECTORS OF INTERVIEWING CHILDREN: INCLUSION, TRUST, AGENCY

SAVINSKAYA O.B.

HSE University, Russia

Olga B. SAVINSKAYA, Cand. Sci. (Sociol.), Associate Prof. of the Department of Sociology, Leading Research Fellow, International Laboratory for Social Integration Research, National Research University Higher School of Economics (osavinskaya@hse.ru).

Abstract. In this article, we discuss how the modern project of childhood, developed within the framework of the new sociology of childhood, forms a methodological framework for rules and techniques in the empirical research methods using the example of interviewing children. Approaches to the understanding of childhood, described in theoretical works, influenced the development of the method. On the other hand, field work made it possible to open up the children's world, as, for example, in the Chicago school of the first wave. Recognition of the plurality of childhood in the global world, on the one hand, gives rise to many unique practices in field work, on the other hand, creating the ground for the development of common ethical and methodological approaches and principles. The second part of the article presents a systematization of these principles at different stages of field work and, in particular, the application of the interview method and the ethical aspects of its implementation: creation of a child-friendly toolkit, informed consent and the creation of trusting relationships, the dynamics of the interview situation, post-field relations, data analysis and the world of childhood representation in scientific articles and political documents. In the final part of the article, we outline the vectors for further development of the interview method and field practices for studying children.

Keywords: sociology of childhood, interview method, methodological inclusion, child agency, trust in an interview situation, interview gamification, stimulus material.

REFERENCES

- Adler E.A., Adler E. (1998) *Peer Power: Preadolescent Culture and Identity*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
- Ahern E.C., van Meter F., Lamb M.E. (2018) A Macro-Coding Perspective: Interviewer Support and Child Comfort in Investigative Interviews with Young Alleged Victims of Sexual Abuse. *Children and Youth Services Review*. No. 95(12): 361–367. DOI: 10.1016/j.chidyouth.2018.11.013.
- Bardina S.M. (2019) “Children, Idiots and Crazies”: Thomas Hobbes and Problems of Modern Sociology of Childhood. *Sotsiologiya Vlasti* [Sociology of Power]. No. 31(1): 14–29. (In Russ.) DOI: 10.22394/2074-0492-2019-1-14-29.
- Berger P., Lukman T. (1995) *Social Construction of Reality. Treatise on the Sociology of Knowledge*. Moscow: Academia-center, Medium. (In Russ.)
- Beschasnaya A.A. (2016) The Dichotomy of “Childhood – Adulthood” in the Views of Children (in the Context of the Socio-Economic Situation of their Parental Families). *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. No. 1: 133–145. (In Russ.) DOI: 10.17805/zpu.2016.1.10.
- Brubacher S.P., Benson M.S., Powell M.B., Goodman-Delahunty J., Westera N.J. (2020) An Overview of Best Practice Investigative Interviewing of Child witnesses of Sexual Assault. *Child Sexual Abuse* / Ed. by Bryce I., Petherick W. Academic Press: 445–466. DOI:10.1016/B978-0-12-819434-8.00022-2.
- Corsaro W.A. (1997) *The Sociology of Childhood*. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press.
- Erypleva S. (2019) Are Children Born as Social Actors? *Antropologicheskij forum* [Anthropological forum]. Vol. 42: 54–61. (In Russ.)
- Filipova A.G., Rakitina N.E. (2017) *Urban Benevolence Towards Children: from Inequality to Participatory Design of the Urban Environment (on the materials of the Cities of the Far East)*. Vladivostok: Far Eastern Federal University Publishing House. (In Russ.)
- Fontana A., Frey J. (1994) The interview: From Structured Questions to Negotiated Text. In: *Handbook of qualitative research*. Ed. by N.K. Denzin, Y.S. Lincoln. Thousand Oaks: Sage Publications: 645–672.
- James A. (2007) Giving Voice to Children’s Voices: Practices and Problems, Pitfalls and Potentials. *American Anthropologist*. No. 109(2): 261–272. DOI:10.1525/aa.2007.109.2.261.
- James A. (2009) Agency. In: *Handbook of Childhood Studies*. Ed. by J. Qvortrup, W. Corsaro, M.S. Honig. London: Palgrave MacMillan: 34–45.
- Johnson H.B. (2001) From the Chicago school to the new sociology of children: The sociology of children and childhood in the United States, 1900–1999. *Advances in Life Course Research*. No. 6: 53–93. DOI: 10.1016/S1040-2608(01)80007-1.
- Johnston V., Benedan L., Brubacher S., Powell M. (2021) The roles of child temperament and interviewer support on children reports of adult wrongdoing, *Personality and Individual Differences*. No. 175(6). DOI: 10.1016/j.paid.2021.110732.
- Kalabikhina I.E., Kuchmaeva O.V. (2013) Monitoring the participation of children in decision-making affecting their interests. *Questions of statistics*. No. 10. C. 29–35. (In Russ.)
- Kon I.S. (2004) Childhood as a social phenomenon. *Journal of Social Policy Research*. No. 2(2): 151–174. (In Russ.)
- Latour B. (2020) *Reassembly of the social: an introduction to actor-network theory*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)
- Lee J.A. (1982) Three Paradigms of Childhood. *Canadian Review of Sociology and Anthropology*. No. 19: 591–608.
- Mannheim K. (1994) *Diagnosis of our time*. Moscow: Lawyer. (In Russ.)
- Mavletova A.M., Gavrilov K.A., Tholmogorova T. (2019) Gamifying a web survey among adolescents: effects on understanding of risk, risk calculation, and ratio-bias. *Journal of Risk Research*. No. 22(12): 1532–1545. DOI: 10.1080/13669877.2018.1501592.
- Mayorova-Shcheglova S.N., Kolosova E.A. (2018) Children and Childhood as Objects of Sociological Research. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. No. 3: 62–69. (In Russ.) DOI: 10.7868/S0132162518030066.
- Mayorova-Shcheglova S.N., Krivosheeva P.N. (2015) Representations of Schoolchildren about Political Life in Russia: Experience of Research by Projective Methods. *Narodnoe obrazovanie* [People Education]. No. 1452(9): 157–162. (In Russ.)
- Merton R., Fiske M., Kendal P. (1991) The Focused Interview. Trans. from English by T.N. Fedorovsky, ed. by S.A. Belanovsky. Moscow: Youth Institute. (In Russ.)
- Mitrofanova S.Yu. (2016) Implementation of the principles of the participatory approach in modern sociology of childhood. *Vektor nauki TGU* [Vector of Science TSU]. Tolyatti. No. 2: 132–135. (In Russ.)
- Morrow V., Richards M. (1996) The ethics of social research with children: An overview. *Children and Society*. No. 10: 90–105.

- Nikitina den Besten O. (2009) "Childhood" in the Social Sciences: New Meanings and New Approach. *Interaction. Interview. Interpretation*. No. 5: 8–24. (In Russ.)
- O'Reilly M., Parker N. (2014) *Doing Mental Health Research with Children and Adolescents. A Guide to Qualitative Methods*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Oberemko O.A., Terenteva N.N. (2018) Focused interview according to Robert Merton: features and criteria of quality. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 6: 74–90. (In Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.04.
- Omelchenko E., Lukyanova E. (eds) (2015) *Children and Adolescents in the Ethnosphere of a Large Russian City*. SPb.: Own publishing house.
- Osorina M. (2018) *The Secret World of Children in the Space of the World of Adults*. 6th ed. St. Petersburg: Peter. (In Russ.)
- Prout A., James A. (2015) A New Paradigm for the Sociology of Childhood? Provenance, Promise, and Problems. In: *Constructing and Reconstructing Childhood*. Ed. by A. James, A. Prout. Abingdon, UK: Routledge.
- Reason P., Bradbury H. (eds) (2001) *Handbook of action research: Participative inquiry and practice*. London, UK: Sage.
- Savinskaya O. (2016) One More Step in Childhood Research Discovering. Review. *Doing Mental Health Research with Children and Adolescents. A Guide to Qualitative Methods*. By M.O'Reilly and N. Parker. Sage, 2014. *The Qualitative Report*. No. 21(1): 68–70.
- Savinskaya O.B. (2018) The Social Order of the Kindergarten Through the Eyes of Children: Constructing the World of Childhood Through an Interview Game. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. No. 3: 77–85. (In Russ.) DOI: 10.7868/S013216251803008X.
- Savinskaya O.B. (2023) INTER-Encyclopedia: Interviews with Children. *INTER. Interakciya. Interv'yu. Interpretaciya* [INTER Interaction. Interview. Interpretation]. No. 15(1): 95–103. (In Russ.) DOI: 10.19181/inter.2023.15.1.5
- Self B., Ryazantsev A.P. (2021) How to Conduct an Interview During and after the COVID-19 Pandemic. *INTER. Interakciya. Interv'yu. Interpretaciya* [INTER Interaction. Interview. Interpretation]. No. 13(4): 9–27. (In Russ.) DOI: 10.19181/inter.2021.13.4.1.
- Shaw C.R. (1930). *The Jack-Roller: A Delinquent Boy's Own Story*, Chicago: University of Chicago Press.
- Shcheglova S.N. (2000) *How to Study Childhood? Sociological Methods of Research of Modern Children and Modern Childhood*. Moscow: UNPRESS. (In Russ.)
- Solodnikova N.V. (2020) The Peculiarities of Consumer Behavior of Teenagers. *Sociological Research. Vestnik RGGU. Seriya Filosofiya. Sociologiya. Iskuststvovedenie* [RSUH/RGGU BULLETIN. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies]. No. 1: 105–118. (In Russ.) DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-105-118.
- Thomas W.A. (2009) Unadjusted girl. *Chelovek. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society]. Vol. XI. No. 50(3): 61–77. (In Russ.)
- Thrasher E.M. (1927) *The Gang: A Study of 1,313 Gangs in Chicago*. Chicago: University of Chicago Press.
- Veselkova N.V., Vandyshchev M.N., Pryamikova E.V. (2017) On the Main Vectors of Development of the Interview Method. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. No. 6: 44–56. (In Russ.)
- Vygotsky L.S. (2017) Ch. 26. Difficult Children. In: Vygotsky L.S. *Notebooks*. Moscow: Kanon+: 449–523. (In Russ.)
- Wyness M. (2018) *Childhood, Culture and Society in a Global Context*. Sage: Los Angeles (CA).
- Yashina M.N., Zharikova A.V. (2023) Communication in Interviews with Adolescents on Sensitive Topics. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. No. 5: 37–46. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013216250023705-8.

Received: 19.01.23. Final version: 19.05.23. Accepted: 20.06.23.

О.В. БЕССЧЕТНОВА, С.Н. МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА

ОСВОЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ ПАЦИЕНТА В ПЕРИОД ДЕТСТВА

БЕССЧЕТНОВА Оксана Владимировна – доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ) (oksanabesschetnova@yandex.ru); МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА Светлана Николаевна – доктор социологических наук, профессор Московского государственного психолого-педагогического университета (sheglova-s@yandex.ru). Обе – Москва, Россия.

Аннотация. В статье анализируется подход социально-гуманитарных наук к изучению процесса и результата освоения роли пациента в детском возрасте. Авторы предлагают определять ее как транзитивное поведения по освоению медико-профилактических и медико-лечебных действий, направленных на поддержание своего здоровья. Рассмотрены проблемы нормативной институционализации и опривычивания, объективации таких практик для самого ребенка. Сделаны выводы о важности ролевой подготовки детей через тренировку некоторых рутинных действий, например самостоятельного выполнения медицинских манипуляций дома при болезни и посещение врача. На основе интернет-опроса молодежи 18–22 лет обнаружена корреляция между возрастом освоения роли пациента и полом респондентов, типом/составом родительской семьи, ее материальным достатком, местом проживания и развитием медицинской инфраструктуры. Обосновывается необходимость изучения социализации детей для становления будущих здоровых взрослых членов общества, ведущих правильный образ жизни, и самосохранительного поведения людей с ограничениями здоровья.

Ключевые слова: социальная роль • ребенок-пациент • социология детства • социология медицины • социализация

DOI: 10.31857/S013216250026585-6

Введение. За последние пятьдесят лет участие родителей в охране здоровья собственных детей значительно расширилось. Это касается принятия решений относительно методов лечения, согласия на проведение медицинских процедур и т.д. Это потребовало от медицинских работников изменить паттерны взаимодействия с членами семьи маленьких пациентов, что привело в большинстве европейских стран к популярности концепции семейно-ориентированного ухода, предполагающей нацеленность на семью в целом, а не только на ребенка-пациента.

Одновременно в современной социально-медицинской практике появляются идеи о том, что нужно учитывать и мнение самих детей о собственном здоровье и качестве получаемой медицинской помощи. В ходе различных исследовательских проектов выяснялось, что отношение родителей к процессу лечения и выздоровления ребенка варьируется от полного несогласия и противодействия до совместных усилий субъектов, взаимодополняющих друг друга, которые, впрочем, могут существенно отличаться от мнения маленького пациента (см., напр.: [Бовина, 2018]).

Это позволило исследователям обратиться к новым позициям социологии детства, в основе – учет представлений несовершеннолетних при оценке условий, их опыта, восприятия, деятельности [Sommer et al., 2010]. Однако в большинстве таких проектов объектом изучения выступают дети с инвалидностью, имеющие хронические заболевания, переживающие долговременное болезненное состояние и длительно пребывающие в условиях медицинских стационаров. Так, в ходе исследования А.В. Гордиец и О.В. Груздевой, обследовавших 220 часто болеющих детей дошкольного возраста (100 девочек

и 120 мальчиков) II группы здоровья, респонденты демонстрировали низкую самооценку, чувство ущербности, общее неустойчивое эмоционально-ценностное отношение к себе. Дети рассматривали болезнь как наказание за плохое поведение, ограничивающее их жизнедеятельность [Гордиец, Груздева, 2013]. У маленьких пациентов, страдающих от сахарного диабета I типа, выявлено отсутствие четкой границы между категориями «здоровье» и «болезнь» [Бондаренко и др., 2006].

Отношение к этим состояниям имеет выраженный гендерный аспект – у девочек его уровень выше по всем шкалам когнитивного, эмоционального и поведенческого спектра [Зинченко, 2014], что обусловлено, вероятно, более ранней социальной и психологической зрелостью. Признаки образов здоровья и болезни у них характеризуются эмоциональными, а у мальчиков – инструментально-деятельностными и предметно-конкретными признаками, что проявляется в поведенческом репертуаре. Девочки быстрее адаптируются к больничным условиям, для них более значим социальный, а не физиологический аспект нездоровья, а для мальчиков они равноценны. Залог сохранения нормального физиологического состояния последние видят в соблюдении здорового образа жизни (спорт, физическая зарядка, правильное питание), а девочки – в послушании и следовании предписанным правилам [Грошев, 2016; Довгая, Малых, 2022; Казанская, Мещеряков, 2012].

В целом, представления детей дошкольного и младшего школьного возраста о здоровье, мерах его поддержания бессистемны, расплывчаты и фрагментарны и часто не затрагивают телесных аспектов. Только к подростковому возрасту физиологическое состояние понимается как возможный результат действия самого индивида в рамках самоконтроля и поддержки социума [Агаларова, 2016; Бессчетнова, 2019; Бовина, Дворянчиков и др., 2018].

Определение роли несовершеннолетнего пациента в научной литературе до сих пор не сформулировано. Вместе с тем для ребенка существует, на наш взгляд, более широкая ролевая позиция: еще до рождения он уже становится пациентом, а в процессе взросления поэтапно обретает полный набор необходимых элементов роли через различные механизмы: от копирования до самосоциализации.

Методологические аспекты изучения роли несовершеннолетнего пациента. В социологии классическое понимание роли много раз соотносилось именно с объяснением роли больного (пациента). Т. Парсонс рассматривал роль больного (пациента) как санкционированное девиантное поведение, от которой сам индивид стремится избавиться. При этом в прошлом веке между ролью больного и пациента ставился знак равенства. Изменение социальной реальности, развитие медицины и социальной политики приводят к тому, что такое отождествление сегодня неправомерно. Роль пациента не связана напрямую с заболеванием, она не просто шире, она предполагает освоение иного пласта действий: участие в профилактике заболеваний и движении ЗОЖ, проведении регулярных диагностических процедур, поддержании гигиены, знание основ самообследования, своих прав на медицинскую помощь и пр.

Социология детства определяет бинарную конструкцию «ребенок – взрослый» как основу ролевого поведения, определяющую детство на микро- и макроуровне как объективную и субъективную реальности. Чем младше ребенок, тем более жесткие ограничения существуют в его ролевом поведении. Однако в процессе социализации, при освоении межличностных и общественных отношений заданные социальной позицией рамки раздвигаются, дополняя первоначальную основу.

Мы понимаем роль несовершеннолетнего пациента как транзитивное состояние в процессе освоения и типизации специализированных профилактических и медицинских действий, нацеленных на поддержание своего здоровья. Эти действия, элементы роли проходят опривычивание, объективацию для самого ребенка (подростка) и одновременно институционализируются.

Важно подчеркнуть различия социальной роли несовершеннолетнего пациента и несовершеннолетнего больного. Последняя распадается на ролевые ожидания, собственно

элементы поведения и санкции за их невыполнение. Но в детском возрасте можно лишь задавать направленность и рамки действия, ребенок не способен пока учитывать весь спектр ожиданий от него, а санкции за невыполнение практически невозможны. По нашему мнению, для всех детей важной является роль несовершеннолетнего пациента, адаптация к которой проходит легче для ребенка, поскольку одобряется обществом, осуществляется вне экстремальных, травмирующих событий и часто осваивается неосознанно в процессе игр-подражаний или бытовых ситуаций.

Кроме объективных характеристик (возраст, характер заболевания, продолжительность лечения и др.) на освоение роли в состоянии болезни накладывают отпечаток ситуативные, событийные обстоятельства: помещение в стационар, разлука с родителями и членами семьи, нарушение обучения при госпитализации. Приобретаемые навыки (способность адаптироваться к новой обстановке и правилам иного распорядка, смене привычного образа жизни, жизни вне семьи, взаимодействия с медицинским персоналом и пациентами и др.) являются важными элементами иных ролей взрослого. Здесь возникает в определенной степени один из парадоксов социализации: болезненное состояние переконструирует само детство, какие-то из элементов взрослых ролей у таких детей остаются неосвоенными, а какие-то усваиваются раньше, преждевременно.

Но и в отсутствие болезни каждый без исключения индивид испытывает проблемы, связанные с приспособлением к новым ролевым требованиям. Чтобы эти проблемы решались успешно, общество применяет специальную технологию в социализационном процессе – ролевую подготовку, предполагающую обучение исполнению социальных ролей на небольшое опережение. В определенном смысле можно утверждать, что роль несовершеннолетнего пациента – это и подготовка к роли взрослого пациента, и подготовка к гипотетически возможной роли, которую все желают избегать, – роли больного.

Институты семьи, образования, здравоохранения, культуры встроены в нормативно-правовые и социокультурные паттерны, накладывающие специфический отпечаток на возникновение, проявление и закрепление определенных практик при освоении роли пациента/больного. При сравнении ролей несовершеннолетнего и взрослого пациентов возникает коллизия: за поведение ребенка отвечают родители / их законные представители, а действия ожидаются от самого юного пациента.

Можно констатировать, что целостное представление о гражданско-правовом положении несовершеннолетних пациентов в отечественной юридической практике до настоящего времени не сформировано. Малолетние пациенты, достигшие четырнадцати лет, несмотря на наличие договора добровольного медицинского страхования и потребности, не связанной с угрозой для жизни и здоровья, самостоятельно не могут заявить о своем мнении по медицинским манипуляциям, получить платные медицинские услуги без согласия своих законных представителей (см., напр.: [Хамитова, 2018: 2–4]).

С какого возраста, в какой ситуации, при каких условиях ребенок может полностью самостоятельно выполнять исследуемую нами роль – одни из важнейших вопросов современного социального регулирования. Привыкание к этой роли может проявляться через пассивное наблюдение за реальным лечением и уходом за больными членами семьи, через информацию киноиндустрии, интернет-игр и образовательных ресурсов. Большое значение имеют многократно апробированные имитационные и ролевые игры в «больницу», прочувствованные и «прожитые» детьми с точки зрения различных ролевых моделей: врач, медсестра, больной/пациент и др. Эти первичные знания объективируются через активные формы индивидуального опыта: плановые профилактические медицинские осмотры в детской поликлинике, посещение врача в случае заболевания, общение с медперсоналом в медицинском кабинете образовательного учреждения, покупку лекарств в аптеке и пр.

Владение спектром ролевых моделей приводит к «присвоению» роли пациента на всю жизнь, с совершеннолетием перестает быть транзитивным и помогает индивиду адаптироваться в социуме.

Социализационные практики освоения роли пациента (методика и эмпирика).

Малоизученной в исследовании несовершеннолетних пациентов является социализационный процесс ролевой подготовки. Мы настаиваем на необходимости дополнения исследований взрослых изучением обычного, нормотипичного процесса взросления и считаем, что неверна концентрация на социальном исключении детей с ОВЗ. Проекты по изучению знаний или представлений детей о здоровье и болезни необходимо связать с аспектами неформальных норм, бытовых практик по усвоению этой роли детьми.

Обзор научной литературы за 2000–2017 гг., выполненный И. Ларсонс с коллегами (из 4458 ссылок из международных баз данных объектом анализа стал 41 источник, отражающий уровень участия детей и молодежи до 25 лет в повышении качества медицинских услуг в системе здравоохранения), показал, что в большинстве исследований использовались групповой опрос, фокус-группа, индивидуальное интервью, реже альтернативные методы исследования: видеозаписи, фотографии, анализ рисунков, текстов, профиля в социальных сетях, наблюдение, активная или спонтанная ролевая игра, видеоконференции [Larsson et al., 2018].

В целом, признавая такую линию интересной, мы предлагаем использовать анализ событийности современного детства, полученный от группы молодежи, только что преодолевшей нормативную границу совершеннолетия.

Для фиксации важных этапов приобретения самостоятельности в реализации роли пациента обратимся к эмпирическим данным исследования: респонденты от 18 до 22 лет сообщили о времени важных жизненных событий в их детстве, которые связаны с их самостоятельными действиями ($N = 774$; метод онлайн-анкетирования, ВНИК под рук. С.Н. Майоровой-Щегловой, сбор информации – февраль–июнь 2018 г.) (см.: [Майорова-Щеглова и др., 2020]). Для проведения использовалась неслучайная потоковая выборка, сформированная путем анонса на онлайн-платформах учебных заведений, молодежных сообществ, а также обращения с просьбой организации опроса среди обучающихся к преподавателям вузов, колледжей. Такая стратегия была выбрана в связи с изучением группы с высоким интернет-включением и их «естественным скоплением» в учебных заведениях. При заполнении открытого веб-опросника всеми желающими выборка содержала несколько критериев отбора итоговых респондентов: 1) по региону и месту проживания в детстве респондентов (чтобы были охвачены разные регионы и типы поселений); 2) возрастной; 3) абсолютное заполнение всех пунктов анкеты о событиях детства. В результате скрининга и отсева нерелевантных анкет в итоговую выборку по данным ключевым переменным вошли 774 респондента. У 26% из них детство прошло в городах-миллионниках, в большом и в небольшом городах 17% и 37% соответственно, каждый пятый вырос в сельской местности. Охвачены 10 разных регионов России: Владивосток, Комсомольск-на-Амуре, Москва и Московская область, Нижний Новгород, Санкт-Петербург, Орловская, Самарская, Ставропольская, Челябинская области.

Из всей цепочки событийности детства для изучаемой проблемы нами были выбраны два эпизода: начало самостоятельного лечения дома при болезни и дебют посещения врача без сопровождения взрослых. Наш анализ призван найти ответы на исследовательские вопросы: зависит ли освоение роли несовершеннолетнего пациента от социально-демографических факторов – пола, места проживания, полноты/неполноты семьи, материального достатка? Наблюдаются ли различия в поколениях в принятии ролевого поведения?

Для сравнения среднего возраста событий в разных возрастных группах в качестве значимого нами был признан временной отрезок в полгода (0,5 года в таблицах и диаграммах), так как именно он конституируется в современных теориях норм физического и психического развития ребенка.

Анализ был сфокусирован на возрасте возникновения событий у нормотипичных детей, на превращение этих событий в обыденные рутинные паттерны и социальные практики для большинства из них и на связи этих событий с общим процессом взросления.

Таблица 1

Средний возраст освоения разных элементов взросления у детей

События освоения семейного пространства	Средний возраст (в годах)
Я самостоятельно начал(а) принимать душ/ванну	7,4
Я начал(а) сам(а) убирать свою комнату, свою часть жилища	8,6
Мне доверили ухаживать, убирать за домашним животным, гулять с собакой	9,7
Я начал(а) сам(а) ходить в магазин за продуктами, хозяйственными товарами	10,3
Я начал(а) один/одна оставаться дома при болезни	10,7
Мне доверили помочь с более младшим ребенком	11,4
Я начал(а) сам(а) готовить себе еду	11,9
Я сам(а) был(а) в парикмахерской, сам(а) выбирал(а) прическу	13,2
Я начал(а) самостоятельно ходить к врачу	14,3

Например, в случае болезни ребенок может оставаться дома один, если освоены безопасное поведение, навыки самообслуживания, приготовление элементарной пищи, поддержание оперативной связи с родителями. Опираясь на личный опыт и специфику перенесенных заболеваний, подростки уже обладают широкими представлениями о болезнях и способах лечения; владеют информацией об ОРВИ, инфекционных болезнях, травмах, операциях, госпитализации. К основным способами лечения они относят прием лекарств и витаминов, а также прививки.

Освоение роли пациента в домашнем пространстве происходит в младшем школьном возрасте, а во внесемейной сфере – в старшем подростковом и обусловлено не только законодательством, но и уже сформировавшимися умениями выстроить маршрут по городу, распределить время, общаться со взрослым.

Основные события и их последовательность, зафиксированные в нашем исследовании, говорят о постепенном становлении самостоятельности детей (табл. 1).

Исследования других специалистов показывают, что социальные представления детей в первую очередь формируются под влиянием членов семьи и ближайшего окружения [Свистунова, 2012; Шишкова, 2018]. Родительские установки воздействуют не только на когнитивный компонент (знания), но и предопределяют возрастные рамки самостоятельных проб и действий детей.

Нормы повседневности в большей мере зависят от состава семьи, так как отсутствие второго родителя делает детей более автономными и независимыми: в случае болезни они в более раннем возрасте остаются дома одни, самостоятельно выполняют терапевтические предписания и посещают врачей (эти события произошли с разницей около полугода в обоих случаях). Если в жизни семьи принимают участие представители старших поколений (бабушки, дедушки), то, видимо, именно они «отодвигают» возраст прохождения событий (рис.). Наличие братьев/сестер на данный аспект никак не влияет.

Сравнение периода освоения новых моделей поведения у детей разного пола дает дополнительные данные, позволяющие подтвердить наличие гендерных традиций контроля за девочками. По обоим ситуациям: те освоили их позже, чем мальчики (табл. 2).

Таблица 2

Средний возраст освоения элементов роли пациента у детей в зависимости от пола

Выбор ответов на вопросы анкеты	Мужской	Женский
Я начал(а) один/одна оставаться дома при болезни	10,2	10,9
Я начал(а) самостоятельно ходить к врачу	13,6	14,5

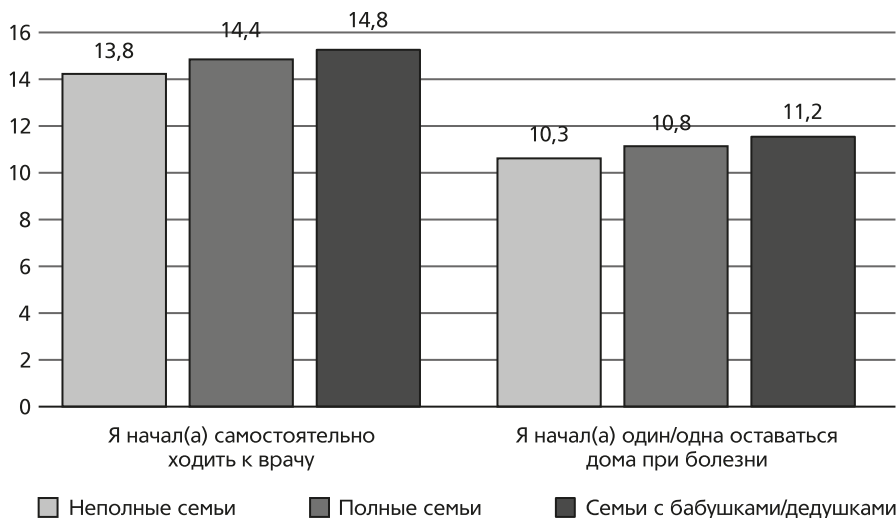

Рис. Зависимость освоения элементов роли пациента/больного от состава семьи ребенка (средний возраст наступления события)

В целом, различия в социально-экономическом статусе семьи не влияют на последовательность событий и возраст наступления самостоятельности у респондентов, но именно практики освоения роли пациента четко коррелируют с достатком в семье. Мы фиксируем значимые различия: от раннего освоения в низкодоходных семьях до более позднего в семьях с невысоким достатком, причем в выделенном первом событии – самостоятельном лечении дома – наблюдается «запаздывание» почти на год (табл. 3).

Таблица 3

Средний возраст освоения элементов роли у детей в зависимости от экономического статуса их семьи

Выбор ответов на вопросы анкеты	Семьи с высокими доходами	Семьи со средними доходами	Семьи с низкими доходами
Я начал(а) один/одна оставаться дома при болезни	11,3	11	10,4
Я начал(а) самостоятельно ходить к врачу	14,4	14,3	14

Место проживания в детстве влияет лишь на возраст первого посещения врача без родителей: позже он наступает у детей из сельской местности и, по-видимому, связан с удаленностью медицинской инфраструктуры.

К сожалению, пока нет устоявшихся неформальных правил в обществе относительно возможного поэтапного освоения ролевого поведения, также отсутствуют данные о том, как это происходило, например, в прошлом веке. Мы предполагаем, что высокодоходные семьи имеют больший ресурс для ухода и сопровождения детей (вероятно, эту функцию выполняют мамы-домохозяйки или няни). Пока нет готовности однозначно интерпретировать некоторые данные исследования: поведение какой из сравниваемых по доходу групп и какие в целом возрастные неформальные практики считать нормативными, а какие опережающими или запаздывающими.

Выводы и перспективы мониторинга проблемы. В современном праве существует конфликт интересов, с одной стороны, между необходимостью защищать права и интересы несовершеннолетнего пациента, находящегося под опекой родителей/законных

представителей, и с другой – его собственным правом на самостоятельное развитие, удовлетворение потребностей в сфере здравоохранения.

Новая сконструированная обществом роль маленького пациента опривычивается, стандартизуется и закрепляется в ролевом поведении с раннего детства, преимущественно неосознанно посредством игр через подражание взрослым членам семьи, медицинским, социальным и иным работникам и затем регулируется через самостоятельные повседневные практики.

Четко зафиксировано более раннее освоение этой роли у городских детей, что, как мы полагаем, связано с развитием инфраструктуры, а также у мальчиков в связи с имеющейся традицией контроля и ограничений самостоятельной деятельности у девочек. Можно говорить об отнесении на поздний срок практик по самостоятельной поддержке здоровья у детей из полных семей с совместным проживанием старшего поколения.

Исследование обнаружило несовпадение с данными других социологов, изучавших влияние социально-экономического статуса семьи на здоровье ребенка. Наши коллеги утверждали, что «...в России разные доходные группы несущественно различаются паттернами поведения, доступом к качественному медицинскому обслуживанию, отношением к здоровью и распространенностью вредных привычек» [Кононова, 2016: 94]. Однако мы зафиксировали иные факты: дети из низкодоходных, по самопричислению, семей осваивали социальные практики посещения врача и нахождения, лечения дома без родителей раньше детей из семей с большими доходами (на 0,9 и 0,4 года соответственно). Сами по себе эти цифры прямо не говорят о раннем взрослении детей из малоресурсных семей и инфантилизации обеспеченных, однако, по-видимому, условия жизни в разных типах семей дают возможности для проявления самостоятельности и ответственности юных в разной степени. Мы считаем, что обнаруженные факты соотносятся с данными других российских ученых о растущей несамостоятельности, запаздывающем взрослении части современного поколения [Митрофанова, 2019; Пузанова и др., 2021; Ядова, 2022].

Несмотря на высокую степень стихийности, усвоение роли пациента требует дополнительных технологий и приемов; оно подвержено процессам фильтрации, связанным с нормативно-правовым и медицинским статусом детей, их возрастом и другими социально-демографическими характеристиками. Приобретаемые элементы роли «маленького пациента» важны в целом для освоения взрослости и здорового образа жизни. Мы выделяем как важные следующие приобретаемые навыки: способность адаптироваться к новой обстановке и правилам иного распорядка; смене привычного образа жизни на здоровый; инициативная деятельность вне семейного родительского контроля; взаимодействия с новыми группами, в данном случае с медицинским персоналом и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агаларова К.Н. Восприятие подростками больничной среды // Клиническая и специальная психология. 2016. Т. 5. № 1. С. 33–44. DOI: 10.17759/cpse.2016050103.
- Бессчетнова О.В. Благополучие детей как социальная проблема // Logos et Praxis. 2019. Т. 18. № 4. С. 42–52.
- Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Дани Л. и др. Здоровье в представлениях детей и подростков // Экспериментальная психология. 2018. Т. 11. № 1. С. 61–74. DOI: 10.17759/exppsy.2018110104.
- Бондаренко С.М., Смирнов В.В., Даниленко О.В., Петрайкина Е.Е. Особенности внутренней картины болезни у детей и подростков, больных сахарным диабетом I типа // Педиатрия. Журнал им. Г.Н. Сперанского. 2006. Т. 85. № 4. С. 22–26.
- Гордиец А.В., Груздева О.В. Особенности психологического развития часто болеющих детей // Российский педиатрический журнал. 2013. № 4. С. 24–27.
- Грошев И.В. Особенности восприятия, осознания и формирования внутренней картины болезни у девочек и мальчиков // Социология медицины. 2016. Т. 15. № 2. С. 91–97.
- Довгая Н.А., Малых А.Е. Медицинские страхи у детей // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2022. Т. 22. № 1. С. 34–40.

- Зинченко Т.О. Особенности отношения к здоровью у подростков в зависимости от пола // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Педагогические науки. 2014. № 1(262). С. 140–142.
- Казанская К.О., Мещеряков Б.Г. Концептуальные изменения в представлениях о здоровье и болезни у младших школьников // Культурно-историческая психология. 2012. Т. 8. № 3. С. 19–29.
- Кононова А.Е. Социально-экономические факторы детского здоровья в России // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 94–102.
- Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е.А., Губанова А.Ю. Событийность детства: к вопросу об эмпирических доказательствах новой теории генераций // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 3–15. DOI: 10.31857/S013216250008796-8.
- Митрофанова С.Ю. (Не)законченное детство современных юношей и девушек // Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии. 2019. № 2(100). С. 89–96.
- Пузанова Ж.В., Ларина Т.И., Тертышников А.Г. Инфантилизация молодежи: методологический подход к измерению // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2021. Т. 21. № 3. С. 444–456. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-444-456.
- Свистунова Е.В. Как ребенок воспринимает болезнь // Медицинская сестра. 2012. № 2. С. 47–52.
- Хамитова Г.М. Гражданско-правовое положение несовершеннолетних пациентов в Российской Федерации: автореферат дис. ... канд. юрид. н. Казань, 2018.
- Шишкова И.М. Влияние семейных факторов на формирование внутренней картины здоровья ребенка // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2018. Т. 6. № 3(22). С. 563–574.
- Ядова М.А. Жизненные траектории молодежи в XXI веке: риски и возможности // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 83–93. DOI: 10.31857/S013216250011067-6.
- Larsson I., Staland-Nyman C., Svedberg P. et al. Children and young people's participation in developing interventions in health and well-being: a scoping review // BMC Health Serv Res. 2018. No. 18(1). P. 507–527.
- Sommer D., Pramling S.I., Hundeide K. Child Perspectives and Children's Perspectives in Theory and Practice. New York: Springer, 2010.

Статья поступила: 05.12.22. Финальная версия: 18.06.23. Принята к публикации: 19.06.23.

THE SOCIAL ROLE MASTERING OF THE PATIENT DURING CHILDHOOD

BESSCHETNOVA O.V.*, MAYOROVA-SCHEGLOVA S.N.**

*Russian Biotechnological University (ROSBIOTECH), Russia; **Moscow State Psychological and Pedagogical University, Russia

Oksana V. BESSCHETNOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Associate Prof., Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Russian Biotechnological University (ROSBIOTECH) (oksanabesschetnova@yandex.ru); Svetlana N. MAYOROVA-SCHEGLOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Moscow State Psychological and Pedagogical University (sheglova-s@yandex.ru). Both – Moscow, Russia.

Abstract. The article analyzes the body of social sciences and humanities knowledge about the process and results of mastering patient's role in childhood. A definition is offered of a minor patient role as a transitive state of behavior for the development of medical-preventive and medical-therapeutic actions aimed at sustaining one's health. The problems of normative institutionalization and habituation, as well as objectification of such practices for the child are discussed. Basing on a study of modern childhood events impact on the development of independence and growing up, conclusions were made about the importance of role-playing training by way of practicing routine everyday activities: performing medical manipulations on one's own body at home in case of illness and visiting a doctor. A correlation was found between the age of mastering the elements of this role in the process of socialization and the gender of the respondents, the type/composition of the parental family, its wealth, place of residence and medical infrastructure. In conclusion, the necessity is substantiated to study childhood socialization process for the formation of healthy adult members of society leading a correct lifestyle, and self-preserving behavior of people with disabilities.

Keywords: social role, child, patient, sociology of childhood, sociology of medicine, socialization.

REFERENCES

- Agalarova K.N. (2016) Adolescents' perception of the hospital environment. *Klinicheskaja i special'naja psihologija* [Clinical and special psychology]. Vol. 5. No. 1: 33–44. (In Russ.)
- Besschetnova O.V. (2019) Child welfare as a social issue. *Logos et Praxis* [Logos et Praxis]. Vol. 18. No. 4: 42–52. (In Russ.)
- Bondarenko S.M., Smirnov V.V., Danilenko O.V., Petryaykina E.E. (2006) Features of the internal picture of the disease in children and adolescents with type 1 diabetes mellitus. *Pediatrics. Zhurnal im. G.N. Speranskogo* [Pediatrics. Journal named after G.N. Speransky]. Vol. 85. No. 4: 22–26. (In Russ.)
- Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Dani L. et al. (2018) Health in the minds of children and adolescents. *Jeksperimental'naja psihologija* [Experimental psychology]. Vol. 11. No. 1: 61–74. DOI: 10.17759/exppsy.2018110104. (In Russ.)
- Dovgaya N.A., Malykh A.E. (2022) Medical fears in children. *Voprosy psihicheskogo zdorov'ja detej i podrostkov* [Issues of mental health of children and adolescents]. Vol. 22. No. 1: 34–40. (In Russ.)
- Gordiets A.V., Gruzdeva O.V. (2013) Features of the psychological development of frequently ill children. *Rossijskij pediatričeskij zhurnal* [Russian pediatric Journal]. No. 4: 24–27. (In Russ.)
- Groshev I.V. (2016) Features of perception, awareness and formation of the internal picture of the disease in girls and boys. *Sociologija mediciny* [Sociology of medicine]. Vol. 15. No. 2: 91–97. (In Russ.)
- Kazanskaya K.O., Meshcheryakov B.G. (2012) Conceptual changes in the perceptions of health and illness among younger students. *Kul'turno-istoricheskaja psihologija* [Cultural and historical Psychology]. Vol. 8. No. 3: 19–29. (In Russ.)
- Khamitova G.M. (2018) Civil law status of minor patients in the Russian Federation: Abstract of the thesis. ... candidate of legal sciences. Kazan. (In Russ.)
- Kononova A.E. (2016) Socio-economic factors of children's health in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 94–102. (In Russ.)
- Larsson I., Staland-Nyman C., Svedberg P. et al. (2018) Children and young people's participation in developing interventions in health and well-being: a scoping review. *BMC Health Serv Res.* No.18(1): 507–527.
- Mayорова-Shcheglova S.N., Kolosova E.A., Gubanova A.Yu. (2020) Eventfulness of childhood: on the issue of empirical evidence for a new theory of generations. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No.3: 3–15. DOI: 10.31857/S013216250008796-8. (In Russ.)
- Mitrofanova S.Yu. (2019) (Un)finished childhood of modern boys and girls. *Vestnik Vostochnoj jekonomiko-juridicheskoy gumanitarnoj akademii* [Bulletin of the Eastern Economic and Legal Humanitarian Academy]. No. 2(100): 89–96. (In Russ.)
- Puzanova Zh.V., Larina T.I., Tertyshnikova A.G. (2021) Infantilization of youth: a methodological approach to measurement. *Vestnik RUDN. Ser.: Sociologiya* [RUDN Journal of Sociology]. Vol. 21. No. 3: 444–456. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-444-456. (In Russ.)
- Shishkova I.M. (2018) The influence of family factors on the formation of an internal picture of a child's health. *Lichnost' v menjajushhemsja mire: zdorov'e, adaptacija, razvitie* [Personality in a changing world: health, adaptation, development]. Vol. 6. No. 3(22): 563–574. (In Russ.)
- Sommer D., Pramling S.I., Hundeide K. (2010) *Child Perspectives and Children's Perspectives in Theory and Practice*. New York: Springer.
- Svistunova E.V. (2012) How a child perceives illness. *Medicinskaja sestra* [Nurse]. No. 2: 47–52. (In Russ.)
- Yadova M.A. (2022) Life trajectories of youth in the 21st century: risks and opportunities. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 83–93. DOI: 10.31857/S013216250011067-6. (In Russ.)
- Zinchenko T.O. (2014) Peculiarities of attitudes towards health in adolescents depending on gender. *Izvestija Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. Pedagogicheskie nauki* [News of the Voronezh State Pedagogical University. Pedagogical Sciences]. No. 1(262): 140–142. (In Russ.)

Received: 05.12.22. Final version: 18.06.23. Accepted: 19.06.23.

А.К. СПИРКИНА

ИГРА В «МОЛЧАНКУ» КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

СПИРКИНА Анастасия Константиновна – старший лаборант Института социологии ФНИСЦ РАН, аспирант социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, Москва, Россия (spirkina.ak@yandex.ru).

Аннотация. В статье исследуется структура взаимодействия, формирующаяся в детской шутливой игре – молчанке. Анализируются место и роль молчания при данном взаимодействии. Определяются условия возможности молчанки как игры. Молчанка рассматривается на микроуровне социальной жизни как игровая ситуация, существующая в определенных пространственно-временных рамках и структурирующая взаимодействие при помощи формальных и неформальных правил игры. Микроструктура молчанки исследуется при помощи концепций, разработанных в рамках социологии повседневности, фрейм-анализа и этнометодологии. В соответствии с традициями данных направлений социологической мысли особое внимание уделяется отношениям «игры» и «повседневной реальности», иначе говоря, вопросу «встраивания» игры в непрерывный поток социальных интеракций участвующих в игре акторов и наблюдающих ее индивидов путем «наслоения» (фреймирования), переключения между «регионами опыта» или рутинной деятельности участников по сохранению социального порядка.

Ключевые слова: молчанка • игровая повседневность • молчание • игра • микросоциология • символический интеракционизм • И. Гофман • этнометодология

DOI: 10.31857/S013216250026588-9

Молчание как содержание игровой реальности. Действие человека, направленное на «другого», невозможно адекватно понять и оценить без учета контекста, в котором оно совершается, и смысла, которым человек и общество его наделяют. То же верно и по отношению к молчанию. Более того, молчание зависит от контекста больше, чем многие другие действия, поэтому оно имеет так много значений, иногда совершенно противоположных друг другу. Вопрос не сводится к оценке: означает ли молчание что-то хорошее или плохое, отражает позитивные или негативные мысли. Интерес вызывает скорее другое – каким «инструментом» является молчание в какой-либо конкретной ситуации и что можно сделать с помощью этого инструмента, то есть, какое место занимает молчание в структуре взаимодействия [Подвойский, Спиркина, 2022: 125–126]. Хотя молчание со стороны выглядит как «пассивное ничегонеделание», зачастую (как в случае с молчанкой, где оно составляет ключевой элемент игры) оно является особым видом социального действия. Правила игры придают молчанию как ее элементу статус действия [Гарфинкель, 2009: 17].

Настоящая статья ставит своей целью выяснить, какую структуру микросоциального взаимодействия формирует молчанка и какое место в ней занимает молчание. Здесь основной предмет нашего интереса будет представлять детская игра с испытанием молчанием, при которой проигрывает тот, кто первый заговорит или рассмеется. Останется за скобками рассмотрение иных форм молчания, которые в метафорическом смысле в языке иногда обозначаются выражением «играть в молчанку» (в значениях: «отмалчиваться», «уклоняться от разговора», «игнорировать», «обижаться» и т.п.).

При рассмотрении реальности детского субъективного опыта, особенно опыта уже в определенной мере социализированных детей, мы будем исходить из того, что эта реальность, хотя и имеет свои возрастные особенности, похожа в действующих внутри нее

социальных механизмах на субъективный опыт взрослых и может анализироваться с точки зрения условий создания, сохранения и разрушения социального порядка, а также ситуативных структур. Соответственно, мы отказываемся рассматривать ребенка как «недочеловека», которому предстоит (не)определенными путями стать «настоящим человеком» (после Дж.Г. Мида часто указывается на то, что именно игры имеют большое значение в этом процессе), и в то же время отказываемся говорить о принципиальном своеобразии и несоизмеримости социального сознания ребенка и взрослого. Характеристика повседневности как «серьезной», взрослой реальности в противоположность «игровой», ненастоящей, детской реальности теряет большую часть своей эвристической ценности в исследовании *игровой повседневности*. Дети становятся взрослыми, а взрослые «остаются детьми»: в игры играют люди всех возрастов, и делают они это, на наш взгляд, похожим образом.

Дать определение игры как социальной ситуации сложно¹, так как игры бывают разные, однако относительно параметров игры можно уверенно сказать, что всякая игра характеризуется прежде всего своей ярко выраженной *упорядоченностью*: во-первых, базовыми правилами и, во-вторых, временной и пространственной определенностью. Почти в любую игру можно играть, зная ее правила. Зачастую правила игры прописываются на бумаге, и их можно изучить. Если же правила не записаны, их передают устно при обучении игре. Правилами в игре руководствуются (и озвучивают их) намного чаще, чем в любой другой «неигровой» ситуации. Однако игровая реальность не определяется целиком и полностью правилами, но формируется по своим собственным механизмам в условиях этих правил. Вторая названная характеристика означает, что для игры почти всегда выделяется свое место (стол и колода карт, экран монитора, поле, шахматная доска и т.д.) и в ряде случаев время (блиц в шахматах, тайм и тайм-аут, матч, партия, кон и т.д.). Нас интересует опыт человека внутри такого рода локальной социальной структуры.

Ясно, что детская повседневность, как она есть «с точки зрения субъекта», по понятным причинам хуже, чем повседневность взрослых, поддается социологическому изучению. Однако социальная жизнь наиболее ярко проявляется как раз во время коллективной игры. Есть совершенно ясные черты удачной или, наоборот, несостоявшейся молчанки, а также более или менее точное понимание способов превращения одной в другую и обратно. Статья представляет собой попытку экспликации этих черт и способов.

Исследование игрового молчания: теоретические основания. Исходя из нашего понимания (игрового) молчания как феномена микросоциальной реальности наиболее адекватной теоретико-методологической оптикой его исследования мы считаем социологию повседневности, а именно фрейм-анализ и этнометодологию, представленные именами И. Гофмана и Г. Гарфинкеля соответственно.

Не лишая фреймы (схемы интерпретации) чувствительности к символической нагруженности, Гофман сосредоточивает внимание на контекстной допустимости / уместности различных аспектов ситуации – от физического пространства, где она разворачивается, до действий, выражений лиц и положений тел участников (внутри) и наблюдателей (вне ее границ) и гибкости этих границ для разных случаев. Тот факт, что ситуация представляет собой не что иное, как игру, говорит о том, что участники пользуются «ключом», интерпретируя ее как игру [Гофман, 2003: 101–108]. Или, говоря обыденным языком, ситуации *воспринимаются в определенном ключе*. Мы заимствуем у Гофмана его понимание ситуативной уместности, фрейма (рамки, границ) ситуации как многослойной структуры, зависимость стратегий выхода из фрейма и входа в него от типа ситуации, а также общий фокус интереса американского социолога, направленный на «синтаксические отношения между поступками людей, находящихся в непосредственном присутствии друг друга» [Гофман, 2009: 15].

Г. Бейтсон, на идеи которого опирался И. Гофман, на примере своего наблюдения за обезьянами в зоопарке дает нам понимание того, что игровое взаимодействие может

¹ Мы разделяем позицию Л. Витгенштейна в этом вопросе: различные игры связывает не какой-то общий элемент, но сеть подобию – «семейное сходство» [Витгенштейн, 2019: 64–65].

возникнуть только при наличии (и улавливании партнерами по коммуникации) метасообщения «это – игра», которое само находится за пределами игровых высказываний [Бейтсон, 1998: 182–189]. В молчанке роль такого сообщения играет «молчальный» стишок. Последний «заталкивает» нас в игру, создает и обозначает ее фрейм, сам находясь как бы «в дверях» между игрой и повседневностью. Даже сама его вербализованная сущность (в сравнении с молчанием самой игры) говорит о том, что «молчальный» стишок только приоткрывает молчанку как мета-сообщение, устанавливает ее, делает ее возможной, но сам по себе больше похож на ритуал, чем на игру. Многие сопутствующие игры имеют границы, также устанавливаемые вербально. Только после согласия большинства участников в том, что граница установлена легитимно, игра начинается.

Еще одним источником теоретического вдохновения развиваемого здесь подхода к игровому молчанию является этнометодология. Последняя ценна для нас умением задавать точные вопросы о природе локального социального порядка. Во-первых, этнометодология уделяет пристальное внимание обычным повседневным ситуациям, какого обычно оказываются достойны только исключительные события. Во-вторых, она показывает, что смысл действия или высказывания (называемых поэтому индексными) неотделим от фона, контекста, конкретного случая их использования, так как действия и высказывания всегда следуют практическим целям [Гарфинкель, 2003: 3–5].

В-третьих, Гарфинкель «испытывает» социальный мир на прочность, тем самым выявляя механизмы, по которым он не дает себя разрушить или постоянно самовосстанавливается нашими же руками. Для этого мы ко всему, что бы ни случилось – в игре или вне ее, – находим объяснения и принимаем какую-то уместную, на наш взгляд, поведенческую стратегию. Когда студенты Гарфинкеля по его заданию начинали играть со своими «испытываемыми» в крестики-нолики не по правилам, последние «были убеждены, что экспериментатор (студент) чего-то добивается, хоть и не говорит, чего именно, и то, что он на самом деле делает, не имеет никакого отношения к игре в крестики-нолики, т.е. он, например, кокетничает (с представителем противоположного пола); намекает на глупость испытываемого; пытается его как-то задеть или даже оскорбить» [Гарфинкель, 2002: 66].

В рамках «социологии ситуаций»² (в отличие от «социологии общества») вопрос о *нахождении* структур теряет большую часть своей напряженности. Когда социолог ограничивает свое внимание фактически рамками одной комнаты, социальности некуда из нее деться. Структуры воссоздаются на локальном уровне, в действиях (перемещениях, манипуляциях, жестах, словах) людей, как их можно наблюдать здесь и сейчас, а также (осознаваемые или нет) в сознании каждого индивида. С той или иной (но все же чаще всего большой) мерой точности первый и второй «варианты» структуры ситуации совпадают. Понять, как можно «правильным» образом поучаствовать в разворачивающемся социальном взаимодействии (вопрос, интересующий простого человека), и понять, как функционируют в данном случае ситуативные механизмы, можно с помощью одних и тех же процедур, основанных на наблюдении, практике (самостоятельных попытках поучаствовать в игре) и открытом обсуждении своих действий в рамках игры с другими «знающими» людьми.

Молчанка, в том виде, в котором ее описывают базовые правила игры, не представляет практически никакой проблемы. Совсем другое дело – то, как она вписывается в повседневную реальность, состоящую из *людей* (а не плоских «игроков» как принимающих решений) и окружающего их пространства.

² На страницах «Ритуала взаимодействия» Ирвинг Гофман, как нам кажется, в том же самом смысле употребляет выражение «социология случаев». В рамках последней «тема социальной организации» остается ведущей, но это особая организация соединения людей при непосредственных контактах и вырастающие из него кратковременные события взаимодействия. Речь идет о некоей нормативно устойчивой структуре, «общественном собрании», но это подвижное образование, неизбежно недолговечное, возникающее при появлении действующих лиц и умиравшее при их уходе» [Гофман, 2009: 14].

Структура молчанки. Итак, особым видом социального взаимодействия является игра. Это маленький социальный мир внутри основного большого социального мира, в котором действуют свои правила и присутствует какой-то свой особый интерес (например, победить других или просто пройти все игровые препятствия до конца). Молчанка – это короткая детская игра соревновательного типа, в которой проигрывает тот, кто первый нарушает молчание. Яркая особенность молчанки как игры – ее «эффектный» вход, который представляет собой тематический стишок. Стишки бывают разные, но все их объединяет два аспекта – комическое содержание (иногда даже «кровожадное», чем-то напоминающее в этом качестве советские садистские стишки) и завершение, призывающее к молчанию. М.С. Старченко приводит такой популярный пример: «Ехали татары, / Кошку потеряли. / Кошка сдохла, / Хвост облез, / Кто промолвит, / Тот и съест» [Старченко, 2011: 132]. Иногда кошку теряют не татары, а цыгане или бояре, но для нас это не так важно. Важно соблюдение точного ритма и единого стихотворного размера³ [там же]. В моем детстве популярной и активно используемой молчанкой был такой стишок: «Кто скажет слово или звук, тот беременный паук».

Тексты стишков достаточно устойчивы – в более или менее неизменном виде они переживают целые поколения. Собственно, структура стишка состоит из зачина, условий игры (указание на то, что нужно молчать) и завершения, которое фиксирует момент начала игры. Важно понимать, что стишок является кодом начала игры не только для самих играющих, но и для всех остальных присутствующих. Если я вижу, что все другие игроки услышали и поняли стишок, значит, молчание, которое они воспроизводят теперь, является игровым и принадлежит именно той игре, в которую играю я. Этот факт может определять и количество игроков в молчанку. Если стишок был произнесен так, что его совершенно точно услышали десяток детей, значит все они с этого момента игроки, даже если они не планировали вступать в игру. Стишок магнетическим образом «втягивает» в игру всех, кто оказался в поле его слышимости в одной комнате⁴.

«Кошка сдохла, хвост облез, кто промолвит, тот и съест» – это одна из популярнейших концовок «молчательного» стишка. Иногда к этому добавляется еще и «кто засмеется, тот ее крови напьется» – на тот случай, чтобы в конце игры не было проблемы признать проигравшим того, кто засмеялся или захихикал, но ничего не сказал (или в том же смысле: «Идет, идет по крыше воробей, несет, несет бутылочку соплей. Кто пикнет, тот ее и выпьет»). Из этого можно заключить, что игра направлена на испытание не только (и даже, может быть, не столько) речевого, но и эмоционального контроля. Основная категория играющих – это старшие дошкольники и младшие школьники, ведь именно они находятся на этапе становления данного навыка. Для них молчанка представляется хоть и короткой – дольше минуты она обычно не длится, – но захватывающей игрой. Сама ситуация внезапного игрового коллективного молчания кажется ребенку интересной и волнующей, вызывающей активные эмоции и желание рассмеяться. Кроме того, сами дети во время игры могут стараться рассмешить своих оппонентов, чтобы они проиграли, – показать язык или состроить рожицу. Задача «вывести» оппонента на смех или произнесенное слово приобретает невероятную ценность в интерпретационной схеме молчанки, а также вводит в довольно пассивную игру определенную динамику.

Участниками молчанки могут быть и один-двое взрослых, хотя их игра будет уже не такой «искренней», как у детей. Взрослые могут начать игру со стишка и «предоставить» ее детям в их распоряжение или могут полноценно участвовать в ней, поддразнивая

³ Реже встречаются тексты молчанок, которые не содержат рифмы.

⁴ Это, тем не менее, не означает, что произнесение стишка обязательно начинает игру. Как указывал И. Гофман, социальные ситуации – это не структуры (в их механическо-детерминированном виде), а рамки возможностей, существующие в индивидуальных сознаниях. Необходимо коллективное принятие игры, через серьезное отношение к произнесенному зачину и «молчаливый уговор» честно играть, соблюдая правила. Сам по себе зачин остается просто веселым стишком, если после его произнесения дети не примут ставки игры как значимые.

детей, чтобы придать молчанке все той же динамики. Однако ключевыми игроками, относительно которых исход игры будет (как и положено) неопределенным, остаются именно игроки-дети. Взаимосвязь самой игры и личностей игроков в молчанке не носит детерминирующий характер, то есть технически в молчанку может играть кто угодно, кому доступна речь и определенная мера ее контроля, но фактически в молчанку обычно не играют дети старше 10 лет, освоившие более сложные, длительные и более увлекательные игры и занятия.

Обычно дети играют в молчанку там, где им запрещены другие более активные и подвижные игры (например, тихий час в детском саду, детском лагере или в детской комнате дома после «отбоя»). К примеру, дети скорее всего не будут играть в молчанку во дворе, где можно свободно кричать и бегать, зато молчанку как форму взаимодействия с дошкольниками (в целях «игрового успокоения» детей) активно используют вожаки и воспитатели. Так как молчанка – соревновательная игра, по ее завершении участники должны быть разделены на проигравших (обычно один или двое) и победителей (все остальные)⁵. Поэтому количество игроков в молчанку не может быть меньше двух. Верхнюю границу определить сложнее – в одной и той же «партии» может участвовать и большая группа детей, однако успешное протекание игры будет зависеть от возможностей каждого контролировать каждого (так как у молчанки простая плоская ролевая структура). В большой компании лучше не играть на улице, где естественные звуки могут перемешаться с голосами участников или помешать им прислушиваться к тишине, которую игра создает, чтобы та была полноценно разрушена. Поэтому, чтобы играть в молчанку, детям лучше находиться всем вместе в одной тихой комнате, где все игроки могут быть друг у друга на виду.

Если инициирование игры, особенно исходящее от самих детей, а не от воспитателей, носит более или менее хаотичный характер⁶, то вот структура (порядок событий) самой игры строга и состоит из произнесения стишка, игрового молчания, обычно с активным невербальным взаимодействием, и разрядки и общего смеха после нарушения молчания одним из игроков. Если все игроки слишком хорошо справляются с контролем речи и эмоций, игра может просто надоесть и распасться. (С другой стороны, если дети продолжат играть настойчиво, игра может начать вызывать интерес и эмоциональный отклик самой абсурдностью такой своей длительности.) В этом разница между базовыми правилами игры и предпочтительной игрой [Гарфинкель, 2009: 14], формальными и неформальными правилами. Предпочтительно, чтобы игра не длилась дольше минуты. Это правило не сообщается при первом объяснении, как нужно играть в молчанку. Оно рождается из наблюдения и опыта участия и соотнесения с ним собственного ощущения скуки или потери сильного эмоционального накала, если игра длится дольше.

Что лежит за пределами молчанки? Хотя молчанка и может ситуативно выполнять искусственно приписанные ей «функции» (приписанные либо социальными исследователями, либо педагогами), у детей она возникает стихийно и не имеет для них моральной необходимости. Ей не предшествует никакое целеполагание, она особо не связана ни с событиями прошлого, ни с планированием будущего. Молчанка возникает как спонтанный коллективный акт, длится несколько десятков секунд и улетучивается, не оставляя практически никаких следов. Реже молчанка становится не просто игрой «для

⁵ Коллективное «объединение против» единственного проигравшего (в случае слишком серьезного отношения к игре) может подпитывать в детях интенции буллинга, хотя, разумеется, только в зачаточной форме и уже только после выявления проигравшего, так как заставить говорить или смеяться уже затравленного ребенка достаточно трудно, как и заставить его играть вместе с обидчиками вообще.

⁶ Едва ли удастся точно предугадать, когда дети решат сыграть в молчанку. Существуют лишь условия, более располагающие к игре, чем какие-либо другие, – скука и отсутствие достойной игровой альтернативы / интернализированное детское понимание необходимости в данной ситуации вести себя тише / желание одного или нескольких детей проявить себя в соревновательной игре и т.д. и т.п.

развлечения», но способом ребенка уйти от разговора, решить спор или обрести контроль над ситуацией (через присвоение себе права «зачинить» игру и тем самым определить взаимодействие), доказать свое превосходство через победу в молчанке. Но что касается правил самого молчания – все игроки принимают и соблюдают их в равной мере⁷, а возможность сжульничать практически отсутствует.

Совершить действие «вне игры» на первый взгляд сложно: человек в принципе либо издает звуки, либо нет – третьего не дано. По отношению к игре молчать – значит продолжать игру, заговорить / засмеяться – значит проиграть. Хотя базовыми правилами никакой иной, кроме проигрыша, выход из игры в принципе не прописан, можно покинуть группу физически (например, уйти в другую комнату) и таким образом не участвовать в игре.

В особом порядке регламентировать выход в игре с такой простой структурой и с такими низкими ставками не имеет большого смысла, чтобы не обрекать ее на скуку. Однако игрока по «молчаливому консенсусу» могут признать вышедшим из игры, если он больше не поддерживает зрительный контакт с остальными игроками, отошел в сторону от круга играющих и занялся другими делами (лучше, если все условия соблюдаются одновременно). Как происходит этот консенсус? Игрока исключают из сферы внимания. Он больше не разделяет всеобщей вовлеченности, и к нему как к игроку сначала теряют интерес, а потом его и вовсе исключают из игры.

Однако выйти из комнаты возможно не всегда. Представим себе такую молчанку – комната в детском лагере, время после отбоя, выключен свет, кто-то шепотом проговаривает «молчальный» стишок, игра начинается. Выйти физически не получится. Зато можно вполне легально уснуть и покинуть игровой регион опыта, погрузившись в сон. Какие бы естественные звуки спящий ребенок не издавал во сне, для бодрствующих играющих это будет уже не то же самое, как если бы он был включен в игру «по-настоящему». Вероятнее всего, эмоциональный накал существенно снизится, а играть уже станет не так интересно.

Молчание вышедшего будет уже не игровым, а молчанием, например, наблюдающего за игрой, спящего, читающего... Соответственно, у него самого не будет волнительного ощущения относительно себя как участника молчаливой игры. Даже если продолжить молчать, молчание при выходе из игры сразу же лишается того особого веса, который давала ему игра. Ребенок теряет связь с тем, что Э. Дюркгейм охарактеризовал как чувство общего психоэмоционального возбуждения во время социального ритуала.

Вторжение в зону игры разговаривающего может восприниматься детьми как пополнение новым участником, который тут же проигрывает (особенно, если игровое напряжение уже достигло высокого уровня, и когда все игроки «ждут» нарушителя с особым нетерпением). С другой стороны, если молчанка не набрала, или изначально не была способна набрать, сильного уровня напряжения, или если дети изначально были сфокусированы исключительно друг на друге и своем личном состязании (если соревновательный элемент игры значительно преобладал над показательным), молчанка образует иногда и вовсе непроницаемую ситуативную среду.

Прервать молчанку любым разговором по общему правилу для любого её участника считается проигрышем. Однако иногда, если причина покажется детям достаточно

⁷ Для сравнения, Е.А. Покровский в большой дореволюционной монографии о «преимущественно русских» детских играх приводит следующее описание молчанки («калмыцкой игры»): «Дети садятся в ряд, и один выборный разговорами, вопросами, шутками и гримасами старается возбудить других к разговору или смеху, и тот, кто заговорит или засмеется, получает от всех сидящих поочередно по одному удару по спине жгутом, что в свою очередь сопровождается шутками и смехом, а затем все вновь садятся и молчат, новый же выборный тем же порядком ведет игру» [Покровский, 1997: 391]. Хотя такая молчанка во многом похожа на ту игру, о которой говорим мы, между ними есть одно существенное отличие. Оно заключается прежде всего даже не в бросающемся в глаза насильственным элементе «калмыцкого» варианта, а в наличии у последнего иерархической ролевой структуры – «выборного» ведущего, которому позволено в игре разговаривать, и всех остальных, которым издавать звуки нельзя. Несомненно, такая молчанка будет иметь иные рамки, в том числе пространственно-временные, способы выхода, схемы обучения игре и т.д.

уважительной, игру можно прервать, например, универсальной «снимающей» игровой фрейм фразой «стоп игра» и снова начать фразой «раз, два, три – начало игры». Это не гарантирует, что нарушителя молчания сразу же не признают проигравшим, но в детском мире так же, как и во взрослом, существуют и часто принимаются во внимание «серьезные» обстоятельства, стоящие в приоритете перед ценностью игры и победы в ней. Например, если к кому-то из детей во время молчанки прямо обращается его родитель или воспитатель, игра может продолжиться без него, встать на паузу или начаться заново с зачина после того, как ребенок ответит взрослому и освободится.

Таким образом, дошкольники, играя в молчанку, показывают себя уже вполне способными к считыванию ситуативных кодов и границ многослойных фреймов. Так как игра является ключевой деятельностью в этом возрасте, они обучаются данному навыку и в других играх. Выражаясь в терминах А. Шюца, у них появляется способность к различению игры как «конечной области значений», отличающейся от других «конечных областей» и в особенности от неигровых повседневных рутинных ситуаций.

Тем не менее мы не считаем, что «игра» и «повседневность» – абсолютно герметичные регионы опыта. К тому же, постольку, поскольку каждая из «реальностей» может рождать абсолютно «реальную» вовлеченность, их стоит оценивать по крайней мере как соизмеримые. Неумолимость просовывания вездесущего лица повседневной реальности в любую фантазию во многом зависит от того, какая мера включенности (и, соответственно, ответственности) требуется от детей. От семилеток в нашем обществе вполне можно ожидать, что даже если в жилом корпусе детского лагеря объявят – обычно учебную – пожарную тревогу, они скорее встроит этот «пожар» в молчанку новым обстоятельством, интересным испытанием, чем разрушат игру полностью. Дети могут позволить себе пребывать в мире игры, потому что обычно их «реальный мир» контролируется взрослыми.

Так или иначе, молчанка связана не с миром фантазии, а с налицо существующим, «видимым и слышимым» здесь и сейчас молчанием, поэтому в некотором роде она даже более, чем повседневная неигровая жизнь, «возвращает» ребенка к реальности, пусть и с «искусственными» рамками. Игровое действие в молчанке может остаться незамеченным внешними по отношению к игре людьми и не восприниматься ими как игровое. Однако «вторая рамка» – игра – все-таки заставляет участников вести себя немного иначе, чем если бы ее не было. Если молчание детей в принципе можно представить себе и вне игрового контекста, то специфическое для игры эмоциональное возбуждение, легко улавливаемое даже со стороны, связанное с высокой степенью вовлеченности, происходит обычно только в игре.

Выводы. Молчанка не учит детей молчанию, а тем более пассивности и смирению. Игровое молчание – это, напротив, преодоление и утверждение себя в социальной реальности. Успешный эмоциональный контроль в случае победы в молчанке, или умение посмеяться над собой, как над тем, кто «съел дохлую кошку» или оказался «беременным пауком», или само участие в интерактивной игре без слов, социализирует ребенка.

Таким образом, молчание выполняет в данной форме взаимодействия роль игровой задачи, дополняя этот интерес ярким контрастом между стихотворным началом, молчаливым ходом и шумным и эмоциональным завершением игры. Молчание в игре способствует одновременно двум противоположным вещам: нарастанию напряжения перед финалом и испытанию собственного спокойствия и самоконтроля.

Важно понимать, что молчанка – это коллективная игра, в нее не играют в одиночку, как можно поиграть в куклы, машинку или компьютерные игры. Дело здесь не только в том, что для такой игры необходим соревновательный элемент. Помолчать с самим собой слишком просто даже для ребенка, что лишает это занятие всякого игрового интереса. Другое дело – заставить себя молчать в кругу сверстников, так же полных коммуникативной энергии и желания играть вместе, как и я сам.

Игра в молчанку совершенно непохожа на совместное молчание взрослых, занятых каждый своим делом. В молчанке четко определяется социальный аспект занятия, активное

взаимодействие играющих. Мое молчание в игре потеряет свой смысл и закончится ровно в тот момент, когда мой оппонент проиграет. Все зависит от него, и мне нужно заставить его что-то сказать или рассмеяться. Это игра не о том, кто дольше промолчит, а о том, кто быстрее проиграет. Нет никакого смысла молчать, когда кто-то уже заговорил, это не прибавит участнику-победителю больше никаких очков, потому что игра закончена (участников больше нет, остались только дети) и все ее ставки рассеялись по ветру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бейтсон Г. Теория игры и фантазии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. 1998. № 4. С. 181–199.
- Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ, 2019.
- Гарфинкель Г. Концепция и экспериментальные исследования «доверия» как условия стабильных согласованных действий // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 1. С. 10–51.
- Гарфинкель Г. Что такое этнометодология? // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 4. С. 3–25.
- Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 1. С. 41–69.
- Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: ИС РАН, 2003.
- Гофман Э. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009.
- Подвойский Д.Г., Спиркина А.К. В тишине..., меж людей...: молчание как предмет социологического изучения // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 125–135. DOI: 10.31857/S013216250019659-7.
- Покровский Е.А. Детские игры: преимущественно русские. М.: ТЕРРА; «Книжная лавка – РТР», 1997.
- Старченко М.С. Молчанка – жанр детского потешного фольклора // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. Т. 218. № 3. С. 131–133.

Статья поступила: 27.03.23. Финальная версия: 29.05.23. Принята к публикации: 01.06.23.

“SILENCE GAME” AS A FORM OF SOCIAL INTERACTION

SPIRKINA A.K.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia; State Academic University for the Humanities, Russia

Anastasiya K. SPIRKINA, Senior Assistant, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Post-graduate Student of the Faculty of Sociology, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia (spirkina.ak@yandex.ru).

Abstract. The article examines the structure of interaction, which is formed in a children’s playful game – silence game. The place and role of silence in this interaction is analyzed. The conditions for the possibility of silence as a game are determined. The silence game is considered at the micro level of social life as a game situation that exists within certain spatiotemporal framework and structures interaction with the help of formal and informal rules of the game. The microstructure of the silence game is explored with the help of concepts developed in the sociology of everyday life, frame analysis and ethnomethodology. In accordance with the traditions of these areas of sociological thought, special attention is paid to the relationship between the “game” and “everyday reality”, in other words, the issue of “embedding” the game in a continuous stream of social interactions of actors participating in the game and individuals observing it by “layering” (framing), switching between “regions of experience” or routine activities of participants to maintain social order.

Keywords: silence game, play everyday life, silence, game, microsociology, symbolic interactionism, Goffman E., ethnomethodology.

REFERENCES

- Bateson G. (1998) A theory of play and fantasy. *Sotsialnye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 11: Sotsiologiya* [Social and human sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 11: Sociology]. No. 4: 181–199. (In Russ.)
- Garfinkel H. (2002) Study of the habitual foundations of everyday actions. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 8. No. 1: 41–69. (In Russ.)
- Garfinkel H. (2003) What is ethnomethodology? *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 3. No. 4: 3–25. (In Russ.)
- Garfinkel H. (2009) A conception of, and experiments with, “trust” as a condition of stable concerted actions. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 8. No. 1: 10–51. (In Russ.)
- Goffman E. (2003) *Frame analysis: an essay on the organization of experience*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Goffman E. (2009) Interaction ritual: essays on face-to-face behavior. Moscow: Smysl. (In Russ.)
- Podvoyskiy D.G., Spirikina A.K. (2022) In the quiet..., between people...: silence as a subject of sociological study. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 125–135. DOI: 10.31857/S013216250019659-7. (In Russ.)
- Pokrovskiy E.A. (1997) *Children’s games: mostly Russian*. Moscow: TERRA; «Knizhnaya lavka – RTR». (In Russ.)
- Starchenko M.S. (2011) Silence game – a genre of children’s amusing folklore. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. Vol. 218. No. 3: 131–133. (In Russ.)
- Wittgenstein L. (2019) *Philosophical investigations*. Moscow: AST. (In Russ.)

Received: 27.03.23. Final version: 29.05.23. Accepted: 01.06.23.

© 2023 г.

Н.А. НАРТОВА

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И ПОКОЛЕНЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ В НАРРАТИВАХ ПЕТЕРБУРГСКОЙ МОЛОДЕЖИ

НАРТОВА Надежда Андреевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия (nnartova@hse.ru).

Аннотация. В фокусе статьи представления городской образованной молодежи Санкт-Петербурга об индивидуальном и поколенческом будущем. Опираясь на перспективы социологических подходов к взрослению и поколениям, проанализированы качественные интервью, собранные в 2020 и 2022 гг., с петербуржцами 19–25 лет. Исследование показало, что социально-политические события приводят к трансформации поколенческого нарратива. Дискурс яркого поколения, открытого будущему, сменяется гетерогенными типами интерпретации перспектив собственной жизни и поколения в целом. Было выделено три ключевых способа наррации, в рамках которых проживаемый опыт связывался с представлениями о жизненных перспективах: «отсутствующее будущее», «адаптивное будущее», «нормализованное будущее». Поскольку процесс формирования поколения не завершен, данное исследование скорее фиксирует точки динамических изменений и ставит новые вопросы, чем дает полные ответы.

Ключевые слова: молодежь • поколение • будущее • биография • жизненный курс • переход во взрослость • нарративный анализ

DOI: 10.31857/S013216250024233-9

Постановка исследовательской задачи. Представления о будущем играют значительную роль в формировании индивидуальных биографий и поколений, особенно в контексте современности с ее неопределенностью, динамизмом и прекарностью. С одной стороны, молодые вынуждены быть «рефлексивными» и активными в организации своей жизни, чтобы выжить в быстро меняющихся социальных условиях [Bessant et al., 2017: 38] и противостоять незапланированным, неуправляемым и непреднамеренным элементам собственной жизни [Vinken, 2010: 44]. С другой – К. Мангейм предполагал, что особые, в первую очередь травмирующие, события формируют способ мышления и действия генераций, создавая поколения [Мангейм, 2000]. При этом Дж. Александер подчеркивает, что «события, взятые отдельно и как таковые (in and of themselves), не создают коллективную травму. События не являются травмирующими по своей внутренней природе. Травма есть свойство, приписываемое событию при посредстве общества» [Александер, 2012: 16]. Таким образом, не только структурные условия, зачастую неосознаваемые [Brannen, Nilsen, 2005: 423], но и способы осмысления тех или иных событий [Александер, 2012] влияют на представления о будущем, а значит на переход во взрослость,

В статье использованы материалы исследований, осуществленных в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

биографическую перспективу и поколенческую идентичность молодежи. При этом видение и способы обращения с будущим принципиально важны не только на индивидуальном, но и на культурном уровне в целом. К. Лекарди указывает, что если вера в лучшее будущее для всех ослабевает, то и способы обращения с личным и социальным временем будут существенно меняться [Leccardi, 2014: 48].

В то же время индивидуальные биографии, как и поколения, не создаются моментно. Это длительный процесс, в рамках которого индивиды, проживая в существующих социально-политических и экономических, а шире – исторических условиях, действуют, рефлексиируют о своем опыте и выстраивают интерпретации. В статье рассматриваются два временных периода – 2020 и 2022 гг. – для условной «когорты» двадцатилетних – молодежи 19–25 лет, которые при переходе во взрослость совершают первые самостоятельные выборы и оценивают свои жизненные шансы. Если с исторической перспективы два года кажутся несущественными, то с социологической контексты значительным образом различаются. В 2020 г. мир был во власти пандемии COVID-19, нарушившей привычный уклад жизни, однако предполагавшей свое окончание и последующую нормализацию социальных процессов. В 2022 г. началась специальная военная операция, что привело к радикальным социальным трансформациям – санкционному кризису, разрыву многих международных отношений, изменениям во внутренней политике РФ, поколенческим конфликтам и т.д. Поэтому изучение динамики формирования представлений во временной перспективе представляется значимой исследовательской задачей. Российские исследования преимущественно фокусируются на представлениях молодежи о национальном будущем (см., напр.: [Образ будущего..., 2021; Зубок, 2023]), оставляя за скобками ожидания и идеи молодых в отношении себя как поколения. Однако сегодня принципиально важно понять, как взрослеющая российская молодежь в условиях серьезных социальных изменений организует и планирует свою жизнь как часть общей биографии поколения. Поэтому в фокусе статьи анализ организации биографий и представлений об индивидуальном и поколенческом будущем современной городской образованной молодежи в контексте ее транзитии во взрослость на примере интервью с молодыми жителями Санкт-Петербурга.

Концептуализация будущего в исследованиях молодежи. Представления о будущем существенным образом вовлечены в организацию повседневной жизни и осуществляемые выборы молодежи, поэтому их изучение находится на пересечении трех подходов: анализа самого процесса взросления, исследований организации биографий в современных условиях и социологии поколений. Каждый из них формирует свой концептуальный аппарат, однако их интеграция позволяет комплексно подходить к проблеме исследования.

В современной социологической дискуссии молодость рассматривается как период перехода во взрослость, в рамках которого в жизни индивида происходят события, существенно изменяющие его статус, развиваются компетенции, необходимые для автономной взрослой жизни. Исследователи указывают, что если «нормативное взросление» второй половины XX в. было связано с довольно резким переходом от молодости ко взрослости в силу временной компактности получения образования, выхода на рынок труда, отделения от родителей, брака и рождения детей, то в современных траекториях взросления происходит разрыв между социоэкономическими событиями, которые наступают первыми, и социодемографическими, которые откладываются на более поздние возрасты [Митрофанова, 2019; Krahn et al., 2018].

Исследование российской молодежи показывает, что ключевыми событиями перехода во взрослость для юношей и девушек до 29 лет является получение образования и выход на рынок труда. К 22 годам 90% молодежи завершает обучение, при этом длительность времени, затраченного на образование, и его формальный уровень у современной молодежи выше, чем у более старших возрастных когорт [Нартова, Фатехов, 2021: 327–330]. Как отмечают исследователи, несмотря на формирование моральных

паник в отношении неготовности молодежи к длительному труду, молодые хотят работать [Hajdu, Sik, 2018: 626]. Так, 73% российской молодежи выходят на рынок труда до 29 лет, при этом 90% из них начинают работать на полную ставку в районе 22 лет. Однако социодемографические события молодые россияне откладывают и переносят во «взрослую» жизнь: только около 30% молодежи вступают в официальный брак и рожают первого ребенка до 29 лет [Нартова, Фатехов, 2021: 330–333]. При этом, как показывают качественные исследования, субъективная интерпретация собственного взросления не связывается с профессиональной деятельностью, а определяется через личностный рост, поиск и реализацию себя [Кравцова, Кузинер, 2022].

Хотя современное взросление зачастую сложнее, неопределеннее, прерывистее, чем у старших поколений, и может порождать стресс, тревогу, скуку, уязвимость [Smith, 2011: 230], молодость как возрастной период во многом определяет общее настроение. Арнет указывает, что, несмотря на то что американская молодежь осознает множество проблем современного общества, на свое будущее она смотрит с оптимизмом, и это эффект возраста – молодости [Arnett, 2015: 328]. Подобное подтверждается и российскими исследованиями. Когорта 20-летних статистически значимо чаще, чем когорты 40 плюс, ожидает улучшений в своей жизни, пребывает в хорошем настроении и строит планы на несколько лет вперед [Нартова, Фатехов, 2021: 339]. Исследователи оговаривают, что предвкушение будущего не является эмоционально нейтральным – люди испытывают или не испытывают надежду в отношении будущих возможностей. И подчеркивают, что, с одной стороны, оптимизм полезен, поскольку позволяет справляться с трудностями, а с другой – люди с высокими ожиданиями более оптимистичны [Hitlin et al., 2015: 1440]. Молодость именно в контексте запаса хронологической жизни дает ресурс для больших и позитивных ожиданий.

В то же время исследователи указывают, что современная молодежь живет не только в условиях изменения организации рынка труда и институциональной индивидуализации, но и в условиях изменения темпоральности: социального ускорения, с одной стороны, и кризиса будущего – с другой [Leccardi, 2012a: 225]. Будущее «схлопывается» в настоящем, институты больше не поддерживают жизненный курс, биографические конструкции не основываются на жизненном проекте, а значит, и транзикация во взрослость перестает быть ясным процессом с очевидной точкой назначения и возможностью ее достижения [ibid.]. Если общество модерна характеризовалось «логикой плана», для которого транзикация из молодости во взрослость была ключевым этапом, поскольку определяла всю дальнейшую жизнь, то для современности биографическая неопределенность становится постоянным аспектом опыта [Facchini, Rampazi, 2009: 352–353]. Неопределенность может принимать форму открытости будущему с ожиданием новых шансов. Но может и принимать форму незащищенности с неуверенностью и ощущением невозможности контролировать будущее. Как подчеркивают исследователи, «оба полюса – и шансы и незащищенность – присутствуют в индивидуальной жизни и переплетаются разными способами, моментами и контекстами опыта» [Facchini, Rampazi, 2009: 353].

Сегодня, отмечает Лекарди, решающее значение приобретает способность молодых людей развивать «когнитивные стратегии», способные гарантировать их автономию, несмотря на рост непредвиденных обстоятельств, а именно способность создавать траекторию/направление, даже при невозможности предвидеть конечный пункт назначения [Leccardi, 2012a: 232]. Во временной перспективе молодежи больше недоступно долгосрочное планирование, далекое будущее, они могут действовать только в «расширенном настоящем», т.е. включая в свое планируемое и осознаваемое время текущий момент «здесь и сейчас» и ближайшее будущее [ibid.: 235]. Опираясь на свои исследования, Лекарди выделяет две стратегии молодежи по управлению своей жизнью. Первая, характерная преимущественно для молодых людей, – «будущее без проекта», подразумевает возможность все изменить в любой момент, но при этом держать в голове какую-то перспективу. Вторая, которую реализуют и девушки, и юноши, – стратегия «коротких планов», когда жизнь организуется краткосрочными (месяцы, максимум год) планами-проектами.

При этом короткие проекты становятся своеобразными «барьерами» для видения будущего, поскольку актуализировано только текущее [Leccardi, 2012: 69]. Лекарди считает, что, хотя дискурс будущего продолжает оставаться рутинной как для социальных систем, так и для субъектов, именно настоящее теперь ассоциируется с принципом потенциальной управляемости и контролируемости, который связывал современность – через свой нормативный идеал прогресса – с будущим [Leccardi, 2014: 42].

При этом организация жизни связана с умением планировать и представлением о будущем в целом. «Плановая компетентность» или плановая ориентация, как умение выбирать социальные условия, наилучшим способом соответствующие целям, ценностям и сильным сторонам индивида, наиболее важна для жизненного пути в подростковом и молодом возрасте, поскольку «способствует принятию реалистичных решений о ролях и отношениях во взрослой жизни» [Shanahan, 2000: 676]. Другие исследователи предлагают концепцию «темпорально расширенного агентивного актора», чья деятельность может не быть поведенчески последовательной в различных областях, но который действует в соответствии с жизненным проектом, пытаясь построить повествовательно согласованное представление о себе [Hitlin et al., 2015: 1438]. Они указывают, что проспекция является жизненно важным организующим принципом и позволяет индивиду размышлять и время от времени пытаться изменить свое положение в более широких социальных структурах [ibid.: 1438].

Дж. Бранен и А. Нильсон, анализируя пути перехода во взрослость, показывают, что в своей транзисии молодежь ориентируется на разные временные перспективы. Исследователи выделяют три модели: «*модель отсрочки*», когда юноши и девушки живут в «расширенном настоящем», ориентируются на свой нынешний статус молодых людей и бесчисленные возможности образа жизни, предоставляемые молодостью; «*модель адаптивности*», когда молодые люди «продвигаются» по жизни небольшими шагами, предполагая, что смогут приспособиться к изменениям, и считают, что будущее зависит от того, каким они сами его сделают; и «*модель предсказуемости*», когда будущее четко распланировано [Brannen, Nilsen, 2005: 419–420]. Они подчеркивают, что «вместо того, чтобы представить картину детрадиционализированного, рефлексивного и индивидуализированного поколения биографов выбора, наши данные предлагают различные способы перехода от подростка к принятию взрослых обязанностей» [ibid.: 421]. Таким образом, взросление неразрывно связано с проспекцией, планированием и представлением о будущем, которые влияют на организацию жизни в настоящем. Неспособность молодежи реализовывать свои планы в повседневной жизни может существенным образом ослабить их агентность в течение будущей жизни [Shanahan, 2000: 677].

Современная транзисия во взрослость и построение жизненного курса молодежью концептуализируются как «незапланированные биографии» (“unplanned biographies”) – единственно доступный молодежи способ организации своей жизни, который, тем не менее, предполагает желание и решимость не поддаваться событиям, держать в страхе неопределенность и овладеть своим временем [Leccardi, 2012a: 233]. «Построение биографии как унитарного измерения, – пишет Лекарди, – уступает место биографическому повествованию, структурированному посредством фрагментов: “биографические эпизоды” следуют друг за другом, каждый со своим прошлым, своим настоящим и своим будущим» [Leccardi, 2012: 67].

При этом индивидуальные способы осмысления и построения биографий неразрывно связаны с производством поколения. Согласно Мангейму, поколения формируются через общность совместно проживаемого когортой исторического опыта, и как следствие выработанных перспектив мышления и действия – поколения как реальность составляются, «когда сходным образом “расположенные” современники разделяют общую судьбу, а также идеи и концепции, которые каким-то образом с ней связаны» [Мангейм, 2000: 38].

М. Корстен указывает, что поколения как коллективы идентифицируют себя и определяют свое место в историческом процессе через самотематизацию – установление

семантического порядка, он же порядок значений, «путем идентификации своих моделей интерпретации и валидации коллективного опыта в дискурсах» [Corsten, 1999: 261]. Семантика поколения вырабатывается в рамках «культурных кругов», под которыми он понимает временные и случайные встречи людей одного возраста в разных социальных контекстах. При этом подчеркивает, что «культурный круг» производится не через формальную группу, а через схожесть использования критериев для интерпретации и формулирования определенных тем одинаковым образом [Corsten, 1999: 262]. Таким образом, при анализе поколений важно учитывать переплетение экзогенных факторов, таких как социальные условия или исторические события, с внутренней динамикой генезиса общих схем интерпретации опыта поколениями [ibid.: 265].

Поколенческие представления играют принципиально важную роль в социальной жизни. С одной стороны, они дают индивидам распознавать и признавать свой опыт, свои возможности и перспективы. Так, Корстен указывает, что поколенческие дискурсы работают как «коллективные самоорганизованные подсказки для примирения индивидуальной и социальной идентичностей» [Corsten, 1999: 264]. С другой стороны, они вовлечены в организацию и структурирование отношений между людьми разных возрастов. Бигс и Ловенштейн отмечают, что поколенческое воображаемое влияет, часто невидимо, на межпоколенческое взаимодействие [Biggs, Lowenstein, 2011: 20]. С третьей – во многом определяют возможности коллективного действия. Аролди подчеркивает, что поколенческая идентичность влияет не только на культурную принадлежность и формирует габитус поколения, но и определяет социальную агентность поколения в широком социополитическом контексте [Aroldi, 2011: 57–58].

Переход во взрослость является важным этапом как для индивидуальных биографий, так и для формирования поколения. Организация жизни неразрывно связана с представлениями о будущем. Интерпретация молодежью исторического контекста и способов существования в нем находится в основании поколенческого семантического поля, влияющего на индивидуальную и коллективную агентность.

Эмпирическая база исследования. Эмпирическую базу статьи составляют 26 полуструктурированных лейтмотивных интервью с молодежью в возрасте 19–25 лет, проживающей в Санкт-Петербурге. Однако собраны они были в разные периоды времени. Десять интервью с молодыми юношами и девушками 19–22 лет были проведены командой исследователей Центра молодежных исследований осенью 2020 г. в рамках проекта «Взросление российской молодежи в XXI в.: поколенческий анализ», 16 интервью с молодежью 19–25 лет были собраны в сентябре 2022 г. в рамках проекта «Жизненный выбор: рациональность в условиях турбулентности». При этом в 2022 г. рекрутинг информантов осуществлялся в два этапа. На первом для повышения эвристического потенциала исследования, возможности отследить динамику биографических изменений, представлений и интерпретаций событий было принято решение пригласить к участию в исследовании тех же информантов, которые были проинтервьюированы в 2020 г. На втором этапе приглашались новые участники исследования. Таким образом, в 2022 г. всего приняло участие 16 человек, из них шесть опрашивались повторно.

Рекрутинг информантов осуществлялся через социальные сети исследователей (личные контакты и посты в социальных сетях) и методом снежного кома (через читателей постов в социальных сетях и других информантов). Интервью проводились как офлайн, так и онлайн, их длительность колебалась от 50 минут до трех часов. Интервью записывались на диктофон, затем транскрибировались и анонимизировались.

Важно отметить, что принявшие участие в исследовании информанты – это городская образованная молодежь, проживающая в Санкт-Петербурге, преимущественно выходцы из семей среднего класса. Никто из информантов на момент интервью не имел детей и только один состоял в браке. Если в 2020 г. значимая доля участников исследования были студентами вузов (7 из 10), которые совмещали учебу с работой разной степени занятости, то в 2022 г. большинство получили бакалаврское (а в двух случаях магистерское)

образование и либо работали, либо продолжали обучение в магистратуре, либо пытались совмещать учебу и работу. Только двое информантов на момент интервью проживали в собственных квартирах, остальные либо в родительских семьях, либо в съёмном жилье, как одни, так и с друзьями и партнерами.

Анализ материала проводился в два этапа. Первоначально анализировались интервью 2020 г., которые выступили точкой отсчета и сравнения. А затем анализировались интервью 2022 г. Для работы с транскриптами интервью использовался нарративный тематический анализ, позволяющий выделять общие элементы среди нарративов: реконструировать общие темы, события и доминирующие типы их интерпретации [Riessman, 2005].

2020 год – поколение (не)стабильности. Анализ качественных интервью с городской молодежью Санкт-Петербурга, собранных в 2020 г., показал относительную гомогенность интерпретации двадцатилетними индивидуального и поколенческого будущего. Выстраивание собственной биографии молодые юноши и девушки видели как открытый проект, связанный со свободой действий, гибкостью, возможностями выбора и изменений: *«Возможно у нас нету, эм, как это сказать, каких-то определенных рамок, не рамок, как это сказать, как-то определенного плана жизни что ли, что вот надо обязательно пойти на учебу, обязательно потом работать, то есть как-то больше на себя что ли, что хочется, то и буду делать, там, например, путешествовать или там рисовать»* (№ 10, ж., 20 л.).

Для них организация жизненного курса связывалась в первую очередь с относительно свободным движением по жизни, а не с планом: *«У нас меньше представлений о том, чем мы будем дальше заниматься. Мы импульсивные, и как все пойдет, так и будет, нет как таковых планов. <...> Мы очень импульсивные, вот наше поколение – это довольно-таки правда очень импульсивные люди, которые делают все, что им придет в голову, они знают, что возможно они об этом пожалеют, но они готовы на этот риск»* (№ 7, ж., 20 л.).

И скорее рассматривалась как следование какой-то общей перспективе: *«Хотелось бы не конкретно чего-то достичь, а вот просто идти к цели. Хотелось бы придумать себе определенную сверхидею, к которой невозможно дойти абсолютно. И к этой сверхидее просто всю жизнь идти, развиваться, не останавливаться. И как раз-таки пожинать плоды того пути. Пока ты идешь к этой сверхидее, придумывая разное и развивая»* (№ 1, м., 19 л.). В этом контексте индивидуальное будущее определялось главным образом как возможность самореализации: *«В принципе все стремятся к самореализации, стремятся понять, кто они есть на самом деле и чем они именно хотят заниматься, а не просто выживать»* (№ 7, ж., 20 л.).

Эти ориентации проявлялись и в характеристиках собственного поколения, которое определялось как яркое, творческое, самостоятельное, толерантное. При этом молодежь отмечала особые условия формирования своего поколения – наличествующее социально-экономическое благополучие: *«Ну, во-первых, во время мы разное живем, сейчас более-менее ну как, нормальная ситуация в мире и в стране в принципе, ну то есть если предыдущее поколение переживало 90-е, вот это вот все, распад Советского Союза, там потом новая власть, новое все как бы, инфляции там все вот эти, вот, то сейчас у нас как-то более спокойно в этом плане»* (№ 10, ж., 20 л.).

Разный опыт поколений подчеркивался через ценностный разрыв, при котором молодые маркировались как носители новых, продвинутых представлений: *«Мы застряли на месте в этой стране, из-за того, что мы отказываемся пересматривать наши социально-этические навыки, нормы, то, что считают социально-этической нормой. Как мы отказываемся? Мы-то, мы и мое окружение, мы замечательные, мы не отказываемся. Но многие остальные отказываются. И это не делает современному подрастающему поколению легче. Это, это усложняет многие вопросы. И я иногда пытаюсь злиться на старшее поколение за то, что они все это сделали»* (№ 8, ж., 21 г.).

Однако двадцатилетние не были ориентированы на «революционные» шаги, они предполагали, что их поколенческое будущее – это «естественная» смена поколений, связанная в том числе с влиянием на старших и постепенными изменениями: *«Мне кажется, спустя время*

будет легче, когда ну, мы как бы более современные, и когда вот из России уйдет это стереотипное мышление там, консервативное, тогда, мне кажется, заживем» (№ 10, ж., 20 л.).

Таким образом, три года назад двадцатилетние петербуржцы представляли собой современное молодое поколение, чьи характеристики хорошо описаны в литературе. Современный динамичный и неопределенный мир представлялся им довольно устойчивой площадкой для самореализации, давая возможности выборов, гибкости и изменений. Жизненный курс определялся не размеренной чередой поставленных задач, а возможностью движения. Очарованность собственным поколением, интерпретация его как носителя новых ценностей давали основания молодым говорить о различиях между ними и старшими, предполагая, что рано или поздно они будут задавать тон и построят «светлое будущее».

2022 г. – поколение (не)определенности. Анализ интервью с этой же когортой в сентябре 2022 г. показал существенные изменения в нарративах молодежи. Хотя ключевые характеристики поколения, такие как яркость, смелость, творчество, самостоятельность, толерантность, воспроизводились, к ним добавились и новые – циничность, эгоистичность, солидарность, определяемые как реакция поколения на текущие условия. Где первые два связываются с усложнившимися социально-экономическими условиями и необходимостью думать о себе, а третьи – с актуализированной потребностью во взаимопомощи и поддержке. Однако на этом некая гомогенность в представлениях образованной городской молодежи заканчивается. Текущие события проживаются по-разному и влекут за собой различия в организации повседневной жизни и интерпретациях будущего. Было выделено три доминирующих типа наррации: «отсутствующее будущее», «адаптивное будущее» и «нормализованное будущее», в рамках которых молодежь связывает свой индивидуальный опыт с биографическими планами и представлением о возможностях поколения. Так, часть молодежи артикулирует свой проживаемый в текущих условиях опыт как разрушение и утрату: «Вот, у меня, не знаю, у меня сломалась картинка всего моего мира, который для меня был привычным, сломались там многие мои планы на жизнь, вот» (№ 12¹, ж., 24 г.).

Мир для них стал радикально неопределенным: «Лишились... ну, опять же, вот какого-то спокойствия. Стабильности, уверенности в том, что будет завтра. Потому что я вообще не удивлюсь, если сейчас еще что-то начнется. Типа, а че удивляться, а че еще может быть, ну давайте. Давайте зомби, будет хоть весело» (№ 2, ж., 22 г.). И единственной возможностью выстраивания биографии они видят замыкание себя только в текущем моменте, актуализируя настоящее и отказываясь от будущего: «Ну я перестал себе голову дымить. Я думаю: “Ого, я там че-то понапридумал, это все ерунда. Вот так вот все поменялось”. И стал импровизировать по ходу. И мне так легче жить» (№ 7, м., 24 г.).

И собственное поколение они определяют как «поколение без будущего»: «То есть мы были такие нацеленные на то, чтобы завоевать этот чертов долбаный мир, как бы это ни звучало в контексте нынешней ситуации, а потом оно просто все рухнуло <...> Ну, то есть изменились многие вещи, начиная от нашей возможности учиться и зарабатывать и заканчивая нашей возможностью свободно и спокойно жить» (№ 1, ж., 22 г.); «Мне иногда кажется, что мы поколение без будущего, что у нас его немножко отобрали» (№ 15, ж., 25 л.).

Таким образом, данный тип осмысления индивидуального и поколенческого будущего связан с драматическим, парализующим переживанием текущих событий как разрушения и неопределенности, где единственной стратегией совладания выступает отказ от какого-либо перспективного видения и замыкание себя на текущем моменте. Индивидуальный опыт сопрягается с выстраиванием поколенческого дискурса, артикулируя свое поколение как лишенное будущего.

Для другой части молодежи проживаемый опыт связан в меньшей степени с тотальным крахом и потерей, а в большей – с существенной трансформацией повседневности:

¹ Нумерация отдельная по годам.

«И сейчас как бы, ну, вот в нынешней ситуации мне как бы трудноато, потому что была полностью разрушена моя привычная комфортная жизнь, к которой я привыкшая, в которой я выросла, и которую у меня просто отобрали. И для меня, вот это, наверное, самое сложное, потому что мне нужно как бы что-то себе заново или как-то по-другому перестраивать» (№ 4, ж., 21 г.). Жизнь мыслится в категориях ограниченной определенности («Никаких долгосрочных планов не построить. Уверенность, ну дай бог в завтрашнем дне есть, но на этом мы и закончили, что называется. Как бы завтрашний день, спасибо, что живой, и пошли дальше. Как-то вот так» (№ 4, ж., 21 г.)), при которой выстраивание биографии возможно в логике краткосрочного планирования). *«Иду по накатанной скорее, а не то, чтобы планирую. Вот ближайшие, конечно, какие-то события на месяц, на два я планирую, естественно, но куда-то далеко смотреть пока что, к сожалению, не получается»* (№ 6, м., 23 г.).

А поколенческое будущее видится (с осторожным оптимизмом) как адаптация к новым условиям: *«И ну, как и все, что нам остаётся типа, не падать духом и стараться адаптироваться к той ситуации, которая есть вот сию секунду, а там что-нибудь придумаем. Завтра там будет по-другому, но мы и завтра тоже будем другие»* (№ 4., ж., 21 г.); *«Есть хорошая фраза, что сложные времена порождают сильных людей, и я, наверное, с ней согласен, что эти времена, которые мы сейчас переживаем, как новые девяностые, они порождают все-таки сильных людей среди молодёжи, потому что они не доморощенные, так, так иначе будут закалённые»* (№ 6, м., 23 г.).

Этот тип наррации о себе и поколении выстраивается вокруг идеи адаптации: к изменившейся повседневности можно подстроиться через краткосрочное планирование, которое не дает долгой временной перспективы, но позволяет организовать ближайшую жизнь. А значит, и поколение в целом сможет устоять и выработать адаптационные механизмы в условиях новой исторической реальности, пережив и приспособившись.

На часть юношей и девушек внешние обстоятельства не оказали существенного влияния. Они говорят об отсутствии каких-либо значимых изменений в собственной жизни в течение последнего времени: *«Мне кажется, конкретно влияния никакого абсолютно, ну я по крайней мере не почувствовала, и среди знакомых, одноклассников и так далее не замечала»* (№ 3, ж., 21 г.). Они признают принципиальное наличие неопределённости в современных условиях: *«Неопределённость, определённая неопределённость, вот такой оксюморон, есть, потому что это все в любой момент может качнуться или в одну, или в другую сторону маятник, и можете перечеркнуть все твои мечты, какие-то твои планы»* (№ 11, м., 23 г.). Однако она является рутинным фоном, поверх которого биография выстраивается как продолжение движения по существующей траектории без конкретных планов: *«В будущем пока не знаю, но сейчас на данный момент мне хочется как-то, то есть развиваться что ли в кругозоре и так далее по всяким сферам, по которым это в принципе возможно, вот поэтому я и такие профессии выбираю, чтоб больше не какие-то прикладные были, а чтобы именно развить свой кругозор там и так далее. А под работой не знаю пока как это будет выглядеть»* (№ 13, ж., 21 г.).

В таком интерпретативном контексте поколенческое будущее предстает «нормализованным», оно выглядит как починка временно сломанного настоящего, когда по прошествии времени общая позитивная интенция, заложенная в поколении, все наладит: *«Я надеюсь, мы как-то апгрейдимся чуть-чуть. Просто хотелось бы как-то, наверное, все же мы развиваемся как-то. Наверное, будут какие-то изменения во всех сферах по чуть-чуть в хорошую сторону, там не знаю, ту же медицину взять, то же самое образование, а в целом думаю, все будет нормально»* (№ 13, ж., 21 г.); *«У нас теперь есть мотивация внутри развиваться»* (№ 9, м., 21 г.).

Часть молодежи, которая выстраивает свою жизнь без особых планов, неопределенность рассматривает как наличествующее условие современности, при котором стоит просто продолжать движение. Считая, что происходящие в стране события не оказали особого влияния на их жизни, эти юноши и девушки с достаточным оптимизмом смотрят в будущее, ожидая нормализации ситуации через позитивное развитие.

Заключение. Представленное исследование, выполненное в качественной методологии и сфокусированное на опыте городской образованной молодежи Санкт-Петербурга в возрасте 19–25 лет, показало, что начавшийся в этой когорте процесс формирования поколения был существенным образом трансформирован социально-политическими событиями в России в 2022 г. Анализ качественных интервью выявил гетерогенность поколенческих дискурсов, в том числе и о будущем, и показал выстраивание относительно связанных биографическо-поколенческих нарративов молодежью.

Довольно гомогенный нарратив 2020 г. о смелом, ярком, толерантном поколении, открытом будущему, для которого важны возможность выбора, гибкости и изменений в построении своих жизненных курсов, сменился гетерогенными типами интерпретации собственной жизни и поколенческого будущего в 2022 г. Было выделено три ключевых способа наррации, в рамках которых проживаемый опыт связывался с представлением о будущем. Так, драматично переживающие текущую ситуацию молодые люди, говорившие о крушении всех жизненных планов и перспектив, определяют будущее как «отсутствующее» – и на индивидуальном уровне, актуализируя только настоящее в процессе организации биографии, и на поколенческом – видя его лишенным перспектив и надежд. Модель «адаптивного будущего» проявляется в интервью молодежи, которая в условиях изменившейся повседневности выстраивает краткосрочные планы, создавая ограниченную определенность в управлении собственной жизнью, и предполагает, что поколение адаптируется, приспособится к новой реальности. Девушки и юноши, которые говорили о том, что внешние события не повлияли на их биографические траектории, разворачивающиеся как по уже сложившейся траектории без каких-либо конкретных планов, артикулируют позитивную потенцию поколения в «нормализации» будущего.

В условиях существенных социальных трансформаций «стратегическое самоуправление» молодых [Pultz, Mørch, 2015: 1388], позволяющее организовывать свои жизненные траектории в условиях неопределенности высокого модерна, трансформируется в тактическое самоуправление, позволяющее так или иначе взять контроль над своей жизнью через краткосрочное или условное планирование. Хекхаузен указывает, что развитие биографии востребует отказ от недостижимых целей, особенно в условиях ограниченного контроля [Hekhausen, 2016: 4]. Нестик отмечает, что проведенный в июне 2022 г. опрос горожан в РФ показал, что либерально настроенная молодежь отличается не только социальным пессимизмом, но и высокими показателями тревожно-депрессивной симптоматики и тревогой по поводу собственного будущего [Нестик, 2023: 11]. Это значит, что оптимизм и большие надежды молодежи [Зубок, 2023: 46] существенным образом пошатнулись, приводя к противоречивым интерпретациям собственного и поколенческого будущего.

Полученные на ограниченных данных результаты скорее ставят новые вопросы, чем дают ответы. Поскольку процесс формирования поколения не завершен, то важно в дальнейших исследованиях смотреть, какова будет динамика поколенческих нарративов (расширение спектра, изменение связей внутри)? Каким образом структурные условия будут влиять на поколенческие нарративы и представления о будущем? Как будет реализовываться индивидуальная поколенческая агентность в зависимости от представлений о будущем?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александр Д. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6–40.
- Зубок Ю.А. Выступление дискуссанта // Ученые записки ФНИСЦ РАН / Отв. ред. Ю.А. Зубок. Вып. 12. Образ будущего России в условиях глобальных рисков. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. С. 43–49.
- Кравцова А.Н., Кузинер Е.Н. Быть взрослым и/или уметь им быть: модели взросления ранних миллениалов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 120–139.
- Мангейм К. Очерки социологии знания. М.: ИНИОН РАН, 2000.

- Митрофанова Е.С. Модели взросления разных поколений россиян // Демографическое обозрение. 2019. № 6(4). С. 53–82.
- Нартова Н.А., Фатехов А.М. Переход во взрослость российских миллениалов: на пути от получения образования к обретению ответственности и потере оптимизма? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 319–344.
- Нестик Т.А. Образ будущего России в условиях глобальных рисков // Ученые записки ФНИСЦ РАН / Отв. ред. Ю.А. Зубок. Вып. 12. Образ будущего России в условиях глобальных рисков. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. С. 7–22.
- Образ будущего России глазами молодежи: монография / Под ред. В.С. Комаровского. М.: Аспект Пресс, 2021.
- Arnett J.J. *Emerging Adulthood: The Winding Road from the Late Teens Through the Twenties*. Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Aroldi P. Generational belonging between media audiences and ICT users // Colombo F., Fortunati L. (eds) *Broadband Societies and Generational Changes*. Brussels: Peter Lang GmbH, 2011. P. 51–68.
- Bessant J., Fathling R., Watts R. *The precarious generation. A political economy of young people*. London, New York: Routledge, 2017.
- Biggs S., Lowenstein A. *Generational Intelligence. A Critical Approach to Age Relations*. London, New York: Routledge, 2011.
- Brannen J., Nilssen A. Individualisation, Choice and Structure: A Discussion of Current Trends in Sociological Analysis // *The Sociological Review*. 2005. Vol. 53. No. 3. P. 412–428.
- Corsten M. The Time of Generations // *Time and Society*. 1999. Vol. 8. No. 2–3: 249–272.
- Facchini C., Rampazi M. No longer young, not yet old: Biographical uncertainty in late-adult temporality // *Time and Society*. 2009. Vol. 18. No. 2–3. P. 351–372.
- Hajdu G., Sik E. Are the work values of the younger generations changing? // O'Reilly J., Leschke J., Ortlieb R., Seeleib-Kaiser M., Villa P. (eds) *Youth Labour in Transition: Inequalities, Mobility, and Policies in Europe*. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 626–659.
- Heckhausen J. Social Inequality Across the Life Course: Societal Unfolding and Individual Agency // Scott R.A., Buchmann M.C., Kosslyn S.M. (eds) *Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences: An Interdisciplinary, Searchable, and Linkable Resource*. John Wiley & Sons, Inc., 2016. P. 1–18. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/9781118900772.etrds0408> (accessed 24.04.2023).
- Hitlin S., Kirkpatrick Johnson M. Reconceptualizing Agency within the Life Course: The Power of Looking Ahead. *American Journal of Sociology*. 2015. Vol. 120. No. 5. P. 1429–1472.
- Krahn H.J., Chai C., Fang S., Galambos N.L., Johnson M.D. Quick, uncertain, and delayed adults: timing, sequencing and duration of youth-adult transitions in Canada // *Journal of Youth Studies*. 2018. Vol. 21. No. 7. P. 905–921.
- Leccardi C. Young people's representations of the future and the acceleration of time. A generational approach // *Diskurs Kindheits- und Jugendforschung* Heft. 2012. No. 1. P. 59–73.
- Leccardi C. Changing time experience, changing biographies and new youth values // Hahn-Bleibtreu M., Molgat M. (eds) *Youth Policy in a Changing World. From Theory to Practice*. Opladen, Berlin, Toronto: Barbara Budrich Publishers, 2012a. P. 225–237.
- Leccardi C. Young people and the new semantics of the future. *Società e Mutamento Politica*. 2014. Vol. 5. No. 10. P. 41–54.
- Pultz S., Mørch S. Unemployed by choice: young creative people and the balancing of responsibilities through strategic self-management // *Journal of Youth Studies*. 2015. Vol. 18. No. 10. P. 1382–1401.
- Riessman C.K. Narrative Analysis // Kelly N., Horrocks C., Milnes K., Roberts B., Robinson D. (eds) *Narrative, Memory and Everyday Life*. Huddersfield: University of Huddersfield, 2005. P. 1–7.
- Shanahan M.J. Pathways to Adulthood in Changing Societies: Variability and Mechanisms in Life Course Perspective // *Annual Review of Sociology*. 2000. No. 26: 667–692.
- Smith C. Conclusion. In: Smith C., Christoffersen K., Davidson H., Herzog P.S. (eds) *Lost in Transition: The Dark Side of Emerging Adulthood*. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 226–243.
- Vinken H. Changing life course, citizenship and new media: the impact of reflexive biografization. In: Dahlgren P. (ed.) *Young citizens and new media. Learning for democratic participation*. New York, London: Routledge, 2010. P. 41–57.

Статья поступила: 25.01.23. Финальная версия: 26.04.23. Принята к публикации: 15.06.23.

INDIVIDUAL AND GENERATIONAL FUTURES IN THE URBAN YOUTH NARRATIVES IN ST. PETERSBURG

NARTOVA N.A.

HSE University – St. Petersburg, Russia

Nadezhda A. NARTOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Research Fellow, Center for Youth Studies, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg, St. Petersburg, Russia (nnartova@hse.ru).

Acknowledgements. This article is a part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

Abstract. The focus of the article is on urban educated young people's perceptions of individual and generational futures. Drawing on perspectives from the sociology of transition to adulthood, the organization of biographies and the generational approach, qualitative interviews collected in 2020 and 2022 with St. Petersburg residents aged 19–25 were analyzed. The study showed that socio-political events lead to a transformation of the generational narrative. The discourse of a bright generation, open to the future, is replaced by heterogeneous types of interpretation of the perspectives of one's own life and the generation as a whole. Three key narrative modes have been identified in which life experiences have been linked to representations of life perspectives: an 'absent future', an 'adaptive future' and an 'normalised future'. As the process of generational change is incomplete, this study captures some moments of dynamic change and raises new questions rather than providing final answers.

Keywords: youth, generation, future, biography, life course, transition to adulthood.

REFERENCES

- Alexander J.C. (2012) Cultural Trauma and Collective Identity. *Sotsiologicheskij Zhurnal* [Sociological Journal]. No. 3: 6–40. (In Russ.)
- Arnett J.J. (2015) *Emerging Adulthood: The Winding Road from the Late Teens Through the Twenties*. Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Aroldi P. (2011) Generational belonging between media audiences and ICT users. In: Colombo F., Fortunati L. (eds) *Broadband Societies and Generational Changes*. Brussels: Peter Lang GmbH: 51–68.
- Bessant J., Fathing R., Watts R. (2017) *The precarious generation. A political economy of young people*. London, New York: Routledge.
- Biggs S., Lowenstein A. (2011) *Generational Intelligence. A Critical Approach to Age Relations*. London, New York: Routledge.
- Brannen J., Nilsen A. (2005) Individualisation, Choice and Structure: A Discussion of Current Trends in Sociological Analysis. *The Sociological Review*. Vol. 53. No. 3: 412–428.
- Corsten M. (1999) The Time of Generations. *Time and Society*. Vol. 8. No. 2–3: 249–272.
- Facchini C., Rampazi M. (2009) No longer young, not yet old: Biographical uncertainty in late-adult temporality. *Time and Society*. Vol. 18. No. 2–3: 351–372.
- Hajdu G., Sik E. (2018) Are the work values of the younger generations changing? In: O'Reilly J., Leschke J., Ortlieb R., Seeleib-Kaiser M., Villa P. (eds) *Youth Labour in Transition: Inequalities, Mobility, and Policies in Europe*. Oxford: Oxford University Press: 626–659.
- Heckhausen J. (2016) Social Inequality Across the Life Course: Societal Unfolding and Individual Agency. In: Scott R.A., Buchmann M.C., Kosslyn S.M. (eds) *Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences: An Interdisciplinary, Searchable, and Linkable Resource*. John Wiley & Sons, Inc.: 1–18. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/9781118900772.etrds0408> (accessed 24.04.2023).
- Hitlin S., Kirkpatrick Johnson M. (2015) Reconceptualizing Agency within the Life Course: The Power of Looking Ahead. *American Journal of Sociology*. Vol. 120. No. 5: 1429–1472.
- Komarovski V.S., ed. (2021) *Image of the future of Russia through the eyes of youth: monograph*. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
- Krahn H.J., Chai C., Fang S., Galambos N.L., Johnson M.D. (2018) Quick, uncertain, and delayed adults: timing, sequencing and duration of youth-adult transitions in Canada. *Journal of Youth Studies*. Vol. 21. No. 7: 905–921.
- Kravtsova A.N., Kuziner E.N. (2022) Being and/or Knowing How to Be an Adult: The Growing Up Patterns of Early Millennials. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeni* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 2: 120–139. (In Russ.)

- Leccardi C. (2012) Young people's representations of the future and the acceleration of time. A generational approach. *Diskurs Kindheits- und Jugendforschung Heft*. No. 1: 59–73.
- Leccardi C. (2012a) Changing time experience, changing biographies and new youth values. In: Hahn-Bleibtreu M., Molgat M. (eds) *Youth Policy in a Changing World. From Theory to Practice*. Opladen, Berlin, Toronto: Barbara Budrich Publishers: 225–237.
- Leccardi C. (2014) Young people and the new semantics of the future. *Società Mutamento Politica*. Vol. 5. No. 10: 41–54.
- Mannheim K. (2000) *Essays on the sociology of knowledge*. Moscow: INION RAN. (In Russ.)
- Mitrofanova E.S. (2019) Models of the Transition to Adulthood of Different Russian Generation. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. Vol. 6. No. 4: 53–82. (In Russ.)
- Nartova N.A., Fatekhov A.M. (2021) The Transition Into Adulthood of Russian Millennials: On the Way From Getting an Education to Gaining Responsibility and Losing Optimism? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4: 319–344. (In Russ.)
- Nestik T.A. (2023) *The image of Russia's future in the context of global risks*. In: Zubok Yu.A., ed. *Scientific notes of the FCTAS RAS*. Iss. 12. Image of the future of Russia in the context of global risks. Moscow: FNISC RAN: 7–22. (In Russ.)
- Pultz S., Mørch S. (2015) Unemployed by choice: young creative people and the balancing of responsibilities through strategic self-management. *Journal of Youth Studies*. Vol. 18. No. 10: 1382–1401.
- Riessman C.K. (2005) Narrative Analysis. In: Kelly N., Horrocks C., Milnes K., Roberts B., Robinson D. (eds) *Narrative, Memory and Everyday Life*. Huddersfield: University of Huddersfield: 1–7.
- Shanahan M.J. (2000) Pathways to Adulthood in Changing Societies: Variability and Mechanisms in Life Course Perspective. *Annual Review of Sociology*. No. 26: 667–692.
- Smith C. (2011) Conclusion. In: Smith C., Christoffersen K., Davidson H., Herzog P.S. (eds) *Lost in Transition: The Dark Side of Emerging Adulthood*. Oxford: Oxford University Press: 226–243.
- Vinken H. (2010) Changing life course, citizenship and new media: the impact of reflexive biografization. In: Dahlgren P. (ed.) *Young citizens and new media. Learning for democratic participation*. New York, London: Routledge: 41–57.
- Zubok Yu.A. (2023). The discursive speech. In: Zubok Yu.A. (ed.) *Scientific notes of the FCTAS RAS*. Iss.12. *Image of the future of Russia in the context of global risks*. Moscow: FNISC RAN: 43–49. (In Russ.)

Received: 25.01.23. Final version: 26.04.23. Accepted: 15.06.23.

А.С. АНДРЕЕВА

ТРИ ИЗМЕРЕНИЯ ВЗРОСЛОСТИ В XXI ВЕКЕ: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, СВОБОДА И ЗАБОТА

АНДРЕЕВА Анастасия Сергеевна – аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург, стажер-исследователь Центра молодежных исследований того же университета (as.andreeva@hse.ru).

Аннотация. В фокусе статьи специфика перехода к взрослости современной российской молодежи. Транзиция во взрослость как теоретической конструкт активно обсуждается, однако специфика взросления российской молодежи остается недостаточно изученной. В статье уделяется внимание индивидуальному и коллективному аспекту взросления. На основе глубоких полуструктурированных интервью с 30 жителями Санкт-Петербурга от 18 до 43 лет демонстрируются ключевые субъективизированные маркеры взросления при конструировании молодежью образа взрослого. Выделенные на материалах эмпирического исследования категории свободы, ответственности и заботы и их конфигурации в традиционном и альтернативном образах взрослости представляют интерес для понимания специфики эмоционально насыщенного процесса взросления современной российской молодежи.

Ключевые слова: молодежь • транзиция во взрослость • взросление • маркеры взрослости • прекарность

DOI: 10.31857/S013216250023698-0

Введение. Взросление, классически понимаемое как транзиция (переход) к взрослому этапу жизни, в XXI в. приобретает новые черты: траектории взросления становятся комплексными и нелинейными и больше не могут быть объяснены старыми схемами [Митрофанова, 2019: 54]. Дискуссия складывается вокруг ключевых характеристик взросления: каково культурное понимание взрослости молодежью, можно ли говорить о формировании нового стандарта взросления, какие категории являются основными для понимания логики и практики организации транзиции во взрослость. В настоящей статье мы показываем рефлексии молодежи о процессе взросления.

Исследователи отмечают, что связь взрослости, стабильности и завершенного набора транзиций становится все менее актуальной для молодых людей [Woodman, Bennett, 2015]. Если ранее взросление осмыслялось через такие маркеры, как получение образования, выход на рынок труда, отъезд из родительского дома, основание совместного домохозяйства с партнером, брак и рождение детей, то в настоящее время на первый план выходят субъективные факторы – как правило, это умение контролировать себя и свою жизнь, принимать самостоятельные решения, брать ответственность за себя и других. Все чаще транзиция во взрослость концептуализируется не как событие, наступающее одномоментно, а как протяженный по темпоральной шкале процесс, причем эмоционально насыщенный [Hartmann, Swartz, 2007: 278]. В данном дискурсе особое место занимает категория агентности – способность к самостоятельному выбору и действию, которое инициируется субъектом.

Ряд западных ученых настаивает на необходимости критического переосмысления стандарта транзиции во взрослость. Вин, Вудман и Дуайер утверждают, что происходит не продление молодости, а появление «новой взрослости» [Dwyer, Wyn, 2001; Wyn, Woodman, 2006]. Арнетт предлагает назвать этот новый стандарт «нарастающей взрослостью» и признать, что период от 18 до 25 лет – это фаза жизненного курса, которая характеризуется отсрочкой обязательств «взрослой» жизни и «беспрецедентными возможностями» для

трансформации жизни (среди которых конструирование идентичности, перебирание возможностей в работе и в любви, фокус на себя, нестабильность и чувство пребывания между молодостью и взрослостью) [Arnett, 2004: 475]. У Коте иная позиция: идея «нарождающейся взрослости» подменяет механизмы приспособления к структурным изменениям свободно принятыми решениями отложить транзигцию во взрослость; принятие нового стандарта транзигции во взрослость приведет к нормализации маргинального положения молодежи и исключению ее из взрослой рабочей силы, включение в которую обеспечило бы молодым людям финансовую независимость [Côté, 2014: 186].

Что касается вектора развития транзигции во взрослость российской молодежи, исследователи в целом сходятся во мнении, что он сближается с глобальным трендом. Так, Кравченко замечает, что «молодость определяется одиночеством, тратой денег на социализацию, арендой жилья, учебой, путешествиями и наличием "rubbish job"» [Kravchenko, 2015: 314]. Для российской молодежи характерен тренд на пролонгацию транзигции во взрослость: взросление «начинается с получения образования и работы, в то время как брак и деторождение откладываются во времени, за пределы "молодого" возраста, выходя, вероятно, уже реализацией взрослого этапа жизни, нежели подготовкой к нему» [Нартова, Фатехов, 2021: 341]. Субъективные маркеры взросления, свойственные российской молодежи, также сближаются с теми, что характерны для западных сверстников: «среди основных интерпретаций: взрослость как определяемая средой иерархическая категория, взрослость как умение контролировать себя, как умение брать на себя ответственность и принимать самостоятельные решения, как финансовая независимость» [Павленко, Якубовская, 2020: 388]. Исследователи отмечают, что современная российская молодежь, чья транзигция во взрослость происходит в условиях глобализации и прекаризации, тем не менее, не приспособлена к этим условиям. Рыночная мотивация и предпринимательская ориентация не сформированы: «Люди, родившиеся и выросшие в условиях рыночной экономики, не хотят идти работать "в рынок"» [Андрианова и др., 2018: 335].

Для осмысления взросления современной российской молодежи наиболее перспективными представляются следующие концепции. Во-первых, для понимания индивидуального опыта взросления – модель терапевтической самости Силва, которая выходит на первое место в силу отсутствия доступа к традиционным маркерам взрослости в изменившемся социально-экономическом контексте [Silva, 2012: 517]. Эта модель позволяет молодым людям переопределить значение «компетентной взрослости»: альтернативная история взросления заканчивается не свадьбой, покупкой дома или построением карьеры, но реконструкцией независимого цельного «я». Во-вторых, для понимания коллективного аспекта транзигции во взрослость принцип Сеттерстена и его коллег: взрослые действуют не автономно, а в условиях, сформированных их связями с другими людьми, следовательно, состояние не независимости, но взаимозависимости – более адекватный маркер [Settersten et al., 2015: 12].

В фокусе данной статьи анализ представлений российской молодежи о процессе взросления. Внимание обращено к категориям, ключевым для понимания транзигции во взрослость молодых женщин и мужчин, проживающих этот процесс в условиях «общества риска», на примере 20-, 30- и 40-летних жителей Санкт-Петербурга.

Эмпирическая база исследования. Проект, материалы которого использованы в статье¹, посвящен социополитическому контексту взросления современной российской молодежи, ее представлениям о взрослении и взрослости, ценностным установкам по отношению к другим возрастным группам. В нарративах, полученных в ходе проведения полуструктурированных глубинных интервью, информанты делились восприятием этапов

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Взросление российской молодежи в XXI веке: поколенческий анализ» ЦМИ НИУ ВШЭ СПб в 2020–2022 гг. при поддержке НИУ «Высшая школа экономики».

своего взросления, начиная со школьного периода. Внимание уделялось вопросам, связанным как с объективными, так и с субъективными маркерами взросления.

Поиск информантов осуществлялся через личные сети исследователей и публикации в социальных сетях Центра молодежных исследований, после чего был продолжен методом снежного кома. Интервью проводились офлайн, все участники дали согласие на запись, а также проинформированы об их праве не делиться сенситивной информацией. Впоследствии все интервью были анонимизированы. Анализ проводился в логике обоснованной теории с применением процедур открытого и осевого кодирования.

Эмпирическую базу настоящей статьи составили 30 интервью с жителями Санкт-Петербурга по трем возрастным когортам: 18–23 года, 28–33 года, 38–43 года. Такое деление было принято исходя из поколенческой классификации, предложенной Радаевым, где «молодежи» соответствует поколение «миллениалов» – людей, рожденных с 1982 по 2000 г. [Радаев, 2019: 48]. Разделение опрошенных на подгруппы из десяти человек условно двадцатилетних, тридцатилетних и сорокалетних позволяет проанализировать разные этапы жизненных курсов и различные траектории транзycji во взрослость.

Для исследования привлекались молодые петербуржцы с разнообразным социально-экономическим бэкграундом, достатком, образовательными и трудовыми траекториями. Большая доля приезжих среди жителей города, а также разнородный состав населения Санкт-Петербурга позволили составить более полную картину разнообразия сценариев и контекстов транзycji во взрослость российской молодежи. В группе 20-летних никто не состоит в браке и не имеет детей. Кто-то уже имеет высшее образование или находится в процессе его получения, есть информанты со средним общим и средним специальным образованием; часть из них проживает с родителями, часть – отдельно. В выборку группы 30-летних вошли преимущественно люди с высшим образованием (за исключением двух). Все проживают отдельно от родителей: в съемной или своей квартире, взятой в ипотеку, или в квартире мужа. Брачный статус информантов(к) разнообразен: шестеро состоят в браке (из них двое не имеют детей), трое – нет, одна информантка разведена. В возрастной когорте 40-летних у половины информантов есть дети; два информанта не женаты, две информантки в разводе, остальные состоят в браке; большинство живет в своих квартирах (см. Приложение).

Необходимо также сказать об ограничениях исследования. В данном исследовании было принято решение сконцентрироваться на Санкт-Петербурге, но, даже учитывая богатый опыт миграции жителей и жительниц Санкт-Петербурга, в одном исследовании невозможно отразить все разнообразие опыта взросления российской молодежи. Интервью проводились в 2020–2021 гг., ввиду чего необходимо учитывать изменившийся социально-политический контекст.

Ключевые категории анализа. По результатам исследования эмпирического материала были выделены осевые категории «свобода», «ответственность» и «забота», которые позволяют уловить нюансы взросления современной российской молодежи. Эти три категории были определены нами как ключевые; далее они будут рассмотрены от наиболее к наименее раскрытым в нарративах. Следуя модели терапевтической самости, мы можем проследить, как молодежь формулирует маркеры взросления, руководствуясь категориями свободы, ответственности и заботы. Наблюдается влияние неолиберального дискурса на концептуализацию этих категорий в процессе взросления: смешиваются понятия прекарности и свободы, ответственность и забота воспринимаются в негативном ключе как недобровольные обязательства. Можно отметить особенности женских и мужских транзycji: женщины сообщают о более позднем наступлении свободы и взрослости в связи со вступлением в сексуальные отношения. В то же время категории ответственности и заботы ярко проявляются в женских нарративах, особенно в контексте материнства. Таким образом, женские представления о взрослости больше соответствуют принципу взрослости по Сеттерстону, нежели мужские.

«Акция (не)свободного выбора»: свобода как измерение взрослости. Категория свободы получает двойственное прочтение в нарративах о взрослости: с одной стороны, молодые люди убеждены, что свобода наступает со взрослостью и является лучшей ее частью, с другой – что взрослый человек сам себе не принадлежит и свободы во взрослости быть не может. Рассмотрим категорию свобода как измерение взрослости с трех позиций: нарративов о конфликте традиции и новации, о неолиберальной экономике и о гендерно специфичных траекториях взросления.

Как следует из нарративов информантов, транзикация во взрослость – это процесс обретения агентности. Линии напряжения, которые определяют транзикацию во взрослость российской молодежи, включают в себя следующие: (а) взрослость («забросить себя») – молодость (самореализация); (б) старшее поколение – молодое поколение; (в) «старые нравы» (консерватизм) – «новые нравы» (либеральные устои); (г) жесткий контроль со стороны старших – агентность, право выбора, свобода; (д) традиционные нормы феминности и маскулинности – свобода самовыражения; (е) объективные маркеры взросления (дом, машина, брак, дети) – субъективные маркеры взросления (ответственность, самостоятельность, взвешенность).

Нетрудно увидеть, что понятие свободы находится в семантическом поле молодости; свобода – это характеристика молодежи. Молодежь хочет повзрослеть в значении «обрести агентность», но не стремится к взрослости в традиционном понимании, а хочет создать новую версию. В нарративе 21-летней Д. возникают два образа взрослости: традиционный и альтернативный: *«Ну, для меня взрослый, это как-то... Тетя Аля, которая сидит где-нибудь, в каком-нибудь секретариате, в странном, в СССРовском офисе»* (№ 8).

Присутствие или отсутствие свободы в представлении о будущем определяет образ взрослости в нарративе информантов. Традиционный образ взрослости, базирующийся на нормативной трудовой биографии и формальных критериях успеха, не вызывает энтузиазма у молодого поколения: формула, которая работала для предыдущих поколений, не выдерживает критики в условиях современной России. Альтернативный же образ взрослости предполагает самостоятельный выбор биографической траектории и формулирование критериев успеха, что вызывает позитивный отклик у молодежи.

Традиционная взрослость трактуется большинством молодых людей через маркеры, имеющие негативную коннотацию. Признаки взрослости – оседлость, отягощенность ипотекой и кредитами – это признаки предыдущего поколения, с которым хочется избежать сходства. Так, единственный из когорты двадцатилетних, кто называет свой текущий период зрелостью (не молодостью), характеризует себя негативно, через ассоциацию со старым человеком: всем недоволен, постоянно встревожен. Традиционная взрослость в понимании информантов – это отсутствие новых привилегий и масса новых обязательств.

Напротив, альтернативная (она же желаемая) взрослость – это свобода проживать аутентичную по отношению к своей идентичности жизнь. Эта желаемая взрослость трактуется через субъективные маркеры, имеющие позитивные коннотации («Взрослый – это как состояние души» (№ 2, м., 22 г.). Как это определяют информанты, взрослость – это самостоятельное принятие решений о своей жизни; взрослый человек – это человек осознающий себя, сформулировавший желания, стремления и цели. В этом сценарии женщина чаще всего не замужем, не домохозяйка, не соответствует образу «хорошей девочки», что выражается визуально и через стиль жизни: *«И я буду той самой, той самой прикольной, сначала, тетушкой, которая такая (щелкает пальцами): “Тетя, ну купи сигарет”. – “Ну ладно, пойдите”. – “Теть Даш, тетя Даш, поехали куда-нибудь?” – “Ну ладно. Поехали”. А потом я буду такой же бабулей, которая будет, чумачечая, в татуировках... То есть лучше быть такой взрослой»* (№ 8, ж., 21 г.)

Понятию свободы также отводится важная роль, часто она понимается как отсутствие привязки к формальным институтам: возможность учиться, не будучи скованными сеткой пар, возможность работать, не будучи привязанными к офису и расписанию «с 9 до 5». Молодежь разнится в своем отношении к подобной трактовке свободы. Среди

молодых людей есть тенденция искать способы «подвернуть систему под себя», поскольку, по их мнению, проходить всю академическую, а за ней карьерную лестницу с низов – это напрасная трата времени и усилий. По мнению некоторых молодых людей, в формальных институтах их ждет то, что Грэбер называет бредовой работой; «вольные хлеба» будут лучшей альтернативной. Примеры из нарративов информантов подтверждают, что современный рынок труда предоставляет условия для «фаст-трека» в обход устоявшихся норм трудовой биографии. Подобный пример – случай А., который на собственном опыте узнал, что в сфере IT нет необходимости проходить через все ступени нормативной трудовой биографии: *«Вот, и, соответственно, я решил немножко хакнуть систему и... я вообще забил болт на все вакансии "джуниоров"-разработчиков, ну, то есть младших разработчиков. Я сразу уже подавал на таких матёрых, на "мидлов"... Вот, и так я вот попал как-то на стажировку, хитрыми путями»* (№ 5, м., 21 г.).

Молодые мужчины и женщины, в частности работники умственного труда, адаптируются к прекарной рыночной экономике и воспринимают нестабильность как поле свободы. Ар. (№ 4, м., 22 г.), к примеру, рад, что его не ограничивают традиционные установки вроде «одной работы на всю жизнь», возможность сменить профессию для него означает свободу проявления агентности. В нарративе 22-летнего А. (№ 5, м., 21 г.) прекарность выступает своеобразной «таблеткой от взрослости»: возможность сменить профессию означает для него возможность не стать «за*банным жизнью» взрослым. Даже Е. (№ 10, ж., 20 л.), которая максимально следует нормативной трудовой биографии, более того – учится на целевом отделении, держит в уме возможность быстрой смены профессии. В роли надежного «запасного аэродрома» выступает профессия мастера по маникюру, где вступительный ценз – курсы – достаточно низкий.

Во многих нарративах прослеживается идея, что необходимость приспособливаться к рыночной экономике и прекарности сформировала современную молодежь. Деловое рыночное мышление становится дефолтным; стремление монетизировать все стороны жизни воспринимается как признак взросления: *«Ну, то есть если я что-то придумал, я сразу: "Ага, как на этом заработать, куда это приткнуть, когда это делать" – типа, более практично как-то подхожу к желанию своему»* (А., м., 22 г.).

Прекарность не проблематизируется большинством молодых людей. Для нарративов молодежи характерна идея, что мир неустанно движется вперед и нужно развиваться в его темпе, остановиться – неизбежно отстанешь. Позволить себе остановиться – значит проявить лень, «застрять» в одной профессии – остановиться в развитии; необходимо развиваться во всех направлениях. Таков, к примеру, нарратив 21-летней Д., которая работает формально менеджером, а на деле – «за пятерых сотрудников», по собственному выражению. Эту ситуацию Браун называет «глобальным аукционом», где потенциальные молодые работники соревнуются, чтобы предложить самые лучшие навыки за самую низкую цену [Brown et al., 2011]. Исследователи предупреждают об опасности прекарного положения молодежи: гибкость труда может приводить к росту социальной уязвимости [Кученкова, 2019], из-за огромных масштабов смены профессий снижается интеллектуальный капитал [Тощенко, 2019], а прекаризация в сфере занятости приводит к прекаризации жизни [Шевченко, Шевченко, 2022].

Некоторыми прекарность воспринимается как поле свободы, но пугает других. К первым, как правило, относятся молодые мужчины, занятые в сферах умственного труда, ко вторым – женщины, представители старших когорт молодежи и работники физического труда (люди, обремененные обязательствами или желающие остепениться, а также те, кто мало востребован в высокооплачиваемых сферах цифровой экономики). Не всех прельщает риск и непредсказуемость жизни предпринимателя или фрилансера; среди молодежи немало и таких, которым внушает страх всеобъемлющая неопределенность. «Если наши родители там знали, нам дадут квартиру, пенсию и так далее, а тут вообще не пойми, что случится. То есть страшно просто», – так Э. (№ 18, ж., 29 л.) описывает транзитию во взрослость в современную эпоху.

Свобода как измерение взросления приобретает разные значения в зависимости от гендерных контекстов. Одно из наиболее значительных отличий в том, какой этап мужчины и женщины определяют как начало самостоятельной и свободной жизни. Многие информанты отмечают, что отъезд из родительского дома – это важнейшее событие на пути транзисии во взрослость, так как означает сепарацию от родительской семьи, а следовательно, дает свободу и возможность самостоятельно определять курс своего будущего. При этом женщины сталкиваются с пролонгированным контролем и дольше остаются в зависимой фазе жизни: родительский контроль может перетекать в контроль мужа и его семьи с началом самостоятельной (хотя в данном случае будет более корректной формулировка «отдельной от родителей») жизни молодой женщины. Информантки из когорт 30-летних и 40-летних часто отмечали следующий паттерн: их самостоятельная (?) жизнь начинается с переезда к мужчине-партнеру, перехода из-под покровительства одной семьи к покровительству другой. «Когда я съехала от мамы, я съехала от одной мамы к другой маме» (№ 17, ж., 32 г.).

Информантки сообщают о неравноправных отношениях с мужчинами, имеющими социальный и финансовый капитал, опыт, которых нет у молодых женщин: *«Но стало сложнее, у меня пропала свобода. К сожалению, то есть, если я вот ну говорила, то есть я всегда где-то что-то, тут я такая примерная жена, то есть это такие. Это были патриархальные совершенно отношения, ну вот моя жена, я тебя всем, всем обеспечу»* (№ 18, ж., 29 л.). Анализ нарративов информанток из когорт 30-летних и 40-летних показывает, что для многих женщин самостоятельная / свободная / взрослая жизнь начинается с развода. По мнению ряда информанток, финансовая независимость и свобода, которую он приносит, гораздо больше свидетельствуют о взрослении, чем статус замужней женщины.

Транзисия во взрослость может означать переход как к большей, так и к меньшей свободе, в том числе в вопросе следования гендерным нормам. В то время как некоторые молодые женщины и мужчины полагают, что с достижением статуса взрослого ужесточится требование соответствовать нормам фемининности/маскулинности («Женщинам и так толком не принадлежит их внешность. То есть наша внешность должна быть подобна некоторым стандартам. А когда ты взрослеешь, ты еще больше перестаешь себе принадлежать» (№ 8, ж., 21 г.)), есть и такие, которые отмечают, что раскрепощаются в процессе взросления. Среди молодых мужчин, в частности из когорты 20-летних, достаточно распространен нарратив отказа от традиционных норм маскулинности. Так, 21-летний И. положительно оценивает наблюдаемую им большую эмоциональность молодежи по сравнению с поколением родителей, эмоции связываются со свободой и сетями поддержки: *«...мы более свободны, чем наши родители, и, наверное, более становимся эмоциональными, потому что... А, и более связаны группой, у нас есть больше, допустим, навыков общения, чем у наших родителей, потому что наши родители совершенно оторваны от каких-то социальных групп, а сейчас появляется больше, ну, среди молодежи, по крайней мере, как мне кажется, таких всяких комьюнити и общего действия вот этого вот»* (№ 3).

«Ты можешь сказать “я за это отвечаю”»: ответственность как измерение взрослости. Молодежь часто говорит об ответственности как о первой ассоциации с понятием «взрослость»: «И.: “Что значит «быть взрослым человеком»?» Р.: “Ну, ответственность за свои поступки. Что ты её куда не можешь переложить, признаёшь свои ошибки и мисришься с ними”» (№ 4, м., 22 г.).

Трактовка ответственности неодинакова среди возрастных когорт: если двадцатилетние преимущественно полагают, что взрослыми их делает умение нести ответственность за себя, то тридцатилетние и сорокалетние считают, что таким показателем является умение нести ответственность за других. Это различие можно объяснить тем, что они находятся на разных этапах жизненного курса: в то время как большинство двадцатилетних только начинает самостоятельную жизнь, и забота о себе – их главная новая обязанность, у тридцатилетних и сорокалетних есть множество людей, которые на них полагаются (дети, старшие родственники, друзья и коллеги). Так, можно сравнить следующие

нарративы. 20-летняя А. полагает, что взрослой ее сделала новообетенная необходимость нести ответственность за себя, за поддержание своего тела и разума в хорошем состоянии: «И.: "Когда ты поняла, что ты, ну, стала зрелой?" Р.: "Когда первый раз съехала от родителей, я поняла, что надо саму себя заставлять вставать на учебу с утра, следить за тем, что я ем, сколько раз в день я ем. Из-за того, что я училась на переводчика, очень много заданий было, и я проводила в университете по 12 часов, плюс домашка, и я ела только один раз в день, но если был очень сильный завал, я могла есть один раз в неделю, я просто этого не замечала"» (№ 7, ж., 20 л.). 43-летняя Г. считает, что ее взрослость началась с появлением ответственности за ребенка: «И.: "В какой момент ты поняла, что ты из, например, молодости перешла во взрослость?" Р.: "Когда я дочку родила. Это уже все, ты уже несешь ответственность. Все, ты уже взрослый человек. То есть ты не просто так ла-ла-ла. Ответственность есть, ты уже взрослый. Все"» (№ 26).

Анализ нарратива Г. выявляет еще одно различие между представлениями об ответственности разных когорт. Если 20-летние и 30-летние, говоря об ответственности за других, особенно за своих детей, часто имеют в виду заботу, 40-летние подразумевают другое. Говоря об ответственности, Г. упоминает в первую очередь обеспечение материального благополучия, во вторую – дисциплинарный контроль (она употребляет два глагола со сходными значениями – «следить, контролировать», они занимают почти половину ассоциативного ряда со словом «ответственность»). Обеспечение психологической помощи стоит на последнем месте.

В нарративе информантки Т. из когорты 40-летних мы встречаем симбиоз понятий взрослости, свободы, ответственности и заботы: «Если говорить про сам вот этот менторский этап, который можно с 9-го года начать отсчитывать, то это еще и ощущение свободы, потому что для меня самое главное, свобода – это когда ты берешь всю ответственность на себя. Вот. Не когда ты от нее убегаешь, а когда ты учишь людей, когда ты отвечаешь за человека, за его успехи, за все происходящее, за... ну то есть это абсолютная свобода, потому что никто уже не властен над тобой. Ты можешь сказать "я за это отвечаю"» (№ 28, ж., 41 г.).

Свобода, вопреки распространенному мнению, не тождественна независимости, а сопряжена с ответственностью. Ответственность – признак власти, а с ней приходит и свобода, потому что индивид обретает возможность самостоятельно определять зону своей ответственности, невзирая на внешнее влияние. Свобода, взрослость и ответственность, в свою очередь, переплетаются с заботой, потому что ответственность информантка понимает с менторских позиций как поручительство за других людей, обучение нового поколения. Будучи единственной женщиной из когорты 40-летних в нашей выборке, чей нынешний жизненный этап определяется не разочарованием в браке, а наоборот, построением успешной семьи, Т. идет дальше всех, утверждая фундаментальную важность заботы. В ее нарративе забота не просто черта взрослого человека, а смысл жизни; она не только не стремится к независимости, но и считает ее бессмысленной. Напротив, забота о других (не только супругах и детях, но и друзьях и коллегах) – это то, что придает жизни смысл.

«Взрослый – это тот, кто испытывает удовольствие и потребность делиться вниманием»: забота как измерение взрослости. В нарративах многих опрошенных молодых людей забота является одним из центральных измерений взрослости. Такое понимание взрослости наиболее близко к тому, как определяют взросление Сеттерстен и коллеги. В частности, подобная позиция отражена в нарративе 32-летнего А.: «То есть взрослый – это тот, кто испытывает удовольствие и потребность делиться вниманием, временем, и он не может расти как личность дальше без этого. Он уже как один, идущий как бы в одиночку, уже не может дальше развиваться, то есть ему для развития требуется кто-то другой, чтобы ему что-то отдавать» (№ 15).

Наиболее ярко важность заботы звучит в нарративах женщин: они более эмоционально насыщены; ключевыми эпизодами в них являются события из приватной жизни.

Это утверждение можно проиллюстрировать цитатой 20-летней А., которая эксплицитно ставит помощь другим в центр своей трактовки взрослости: «И.: "Почему, как ты... почему ты ощущаешь себя взрослой?" Р.: "Я сейчас помогаю нескольким людям финансово, потому что ну у них такой период в жизни, я чувствую за них ответственность как таковую, я понимаю, что мне сейчас надо работать чуть больше, чтоб им помочь..."» (№ 7).

В нарративах молодых женщин появляется мысль, что забота – это обязанность взрослого человека, и наибольшего развития эта идея достигает в контексте материнства. Материнство реорганизует всю жизнь женщины; многие женщины отмечают, что для них взрослость начинается именно с материнства, и оно приобретает статус уникального проекта на стыке измерений свободы, ответственности и заботы.

В первую очередь материнство связано с ответственностью, которая может вызывать совершенно разный эмоциональный отклик. Так, О. (№ 18, ж., 29 л.) говорит, что с наступлением ответственности за другого у нее появилось больше страхов; с одной стороны, она чувствует гордость за то, что может отвечать за себя и ребенка, с другой – тоску по «утраченной свободе» из-за того, что уже не так легко на подъем, как раньше. Из последней цитаты очевидно, что для ряда женщин материнский проект может восприниматься как ограничивающий личную свободу, особенно если выполнение роли матери сокращает возможности вести образ жизни, популярный среди женщин их возрастной когорты. В то же время материнство может быть пространством для реализации свободы: «... мы в куколки ещё играли, ну, точнее, нам... нам давали их, да? Это потом уже стали спрашивать. Ну, и я свою дочку уже спрашивала: "Хочешь в куклу поиграть? Или в Лего". И она выбирала Лего. Окей, ну» (№ 29, ж., 40 л.).

Более того, многие женщины через опыт материнства переосмысливают свой детский опыт и находят в себе силы строить отношения с детьми, исходя из парадигмы заботливого, понимающего материнства. Молодые матери стремятся исправить ошибки своих родителей, не допустить повторения собственного детского опыта в жизни своего ребенка: «Когда у меня родился ребенок, я начала очень сильно сравнивать, ну, свое отношение к ребенку с отношением моих родителей ко мне. И я... первые годы на этот счет просто колбасило со страшной силой. До сих пор я это тяжело переживаю...» (№ 18, ж., 29 л.).

Наконец, отметим заботу, выраженную в формировании молодежью собственных сетей поддержки, формирования близких кругов и безопасных пространств, помогающих в ряде случаев адаптироваться и выжить в сложных рыночных условиях. Молодежь связывает эту включенность в сети прежде всего с надеждой на лучшее будущее. Сети поддержки предстают межпоколенными и кроссгендерными – таким образом молодежь выражает надежду на объединение всего общества. Так, информантка Е. называет ключевым событием в жизни рождение сестры, так как оно эмоционально сблизило ее с другими женщинами ее нуклеарной семьи («Нас это как-то сплотило что ли, ну то есть мы часто проводили время вместе с мамой, с сестрой». – № 10, ж., 20 л.), а информант И. полагает лучшими чертами молодежи навыки общения и чувство единения («... сейчас появляется больше, ну, среди молодежи, по крайней мере, как мне кажется, таких всяких комьюнити и общего действия вот этого вот, появляется больше, не знаю, демократии в каком-то плане...» – № 3, м., 21 г.).

Заключение. Мы полагаем, что выявленные нами эмпирические категории свободы, ответственности и заботы являются ключевыми для понимания специфики эмоционально насыщенного процесса взросления молодых жителей Санкт-Петербурга и обладают аналитическим потенциалом применительно к широкому кругу современной российской молодежи. Заимствуя категории Силва, мы можем сказать, что для построения «компетентной взрослости» нужно реконструировать цельное независимое «я» и определить это «я» в категориях свободы, ответственности и заботы. Какая категория выходит на первый план, приобретает она знак плюс или минус, зависит от многих факторов. Так, свобода может наступать для женщин позже, так как они сталкиваются с пролонгированным контролем со стороны родительской или собственной нуклеарной семьи; впрочем, этот

тренд нивелируется в самой молодой возрастной когорте. Понятие ответственности также претерпевает изменения на разных этапах транзycji во взрослость: если двадцатилетние преимущественно полагают, что взрослыми их делает умение нести ответственность за себя, то тридцатилетние и сорокалетние – умение нести ответственность за других.

Единое культурное понимание взрослости у молодежи выделить трудно; мы можем говорить о двух образах взрослости – традиционном и альтернативном. Традиционная взрослость трактуется через маркеры, несущие негативную коннотацию, ассоциируется со старшим поколением и его худшими чертами. Напротив, альтернативная (желаемая) взрослость трактуется через маркеры, которые имеют позитивную коннотацию, и ассоциируется с молодостью. Конфигурация трех ключевых измерений взрослости различается в этих двух образах взрослости. Свобода отсутствует в традиционном образе взрослости, но определяет образ альтернативный. Ответственность и забота присущи обоим образам взрослости, но если в традиционном они, как правило, воспринимаются как нежелательные, то в альтернативном, напротив, как добровольно выбранные и потому желательные.

В обществе с акцентом на индивидуализм может казаться, будто свобода, ответственность и забота не только не сочетаемы, но и противоречат друг другу. Нарративы информантов(к) обнаруживают обратное: свобода сопряжена с ответственностью, ответственность подразумевает заботу, а в той, в свою очередь, можно найти свободу.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Социально-демографические характеристики информантов (г. Санкт-Петербург)

№ интервью	Пол	Возраст	Образование	Брачный статус	Занятость	Проживание
1	м	19	Школа	Не женат, детей нет	Студент 2 курса вуза, подрабатывает хореографом	В родительской семье
2	м	22	Среднее специальное	Не женат, детей нет	Оператор станка, металлообработка	В родительской семье
3	м	21	Школа	Не женат, детей нет	Студент 4 курса вуза, работает в сети продуктовых магазинов в отделе документооборота	В родительской семье
4	м	22	Бакалавр, техническая специальность	Не женат, детей нет	Работает на заводе инженером, подрабатывает на звукозаписи	Независимое с друзьями и девушкой
5	м	21	Школа	Не женат, детей нет	Стажер, IT	Независимое
6	ж	19	Школа	Не замужем, детей нет	Студентка 2 курса, тату-мастер	В родительской семье
7	ж	20	Школа	Не замужем, детей нет	Студентка 2 курса, фрилансер	Независимое
8	ж	21	Незаконченное среднее специальное	Не замужем	Студентка, менеджер по продажам в логистике	Снимает комнату в квартире с другом
9	ж	20	Неоконченное высшее	Не замужем, детей нет	Студентка, менеджмент	Независимое
10	ж	20	Школа	Не замужем, детей нет	Студентка 3 курса мед. университета	В родительской семье

Окончание таблицы

№ интервью	Пол	Возраст	Образование	Брачный статус	Занятость	Проживание
11	м	28	Высшее	Женат, детей нет	Семейный бизнес	Ленобласть, квартира в ипотеке
12	м	32	Высшее	Не женат, детей нет	Владелец бизнеса, видео продакшн	С партнершей
13	м	32	Высшее	Женат, дочь, жена беременна вторым	Техник на заводе	С мамой, женой и дочерью
14	м	30	Среднее специальное	Не женат, детей нет	Студент педиатрического вуза, электрик	Снимает комнату
15	м	32	Высшее	Не женат, детей нет	Специалист, веб-технологии	Независимое
16	ж	29	Высшее	Разведена, детей нет	Event-менеджер в библиотеке	В квартире, купленной матерью
17	ж	32	Высшее	Замужем, двое детей, беременная третьим	В декрете	В квартире в ипотеке
18	ж	29	Высшее	Замужем, дочь	Преподаватель в университете	В квартире мужа
19	ж	30	Среднее специальное	Замужем, детей нет	Руководитель отдела продаж	В квартире мужа
20	ж	32	Высшее	Замужем, ребенок	В декрете	В квартире мужа
21	м	37, 38 в ноябре	Высшее	Не женат, детей нет	Бизнес – языковые школы	В хостеле
22	м	37, 38 в апреле	Высшее, кандидат технических наук	Женат, двое детей	Личные инвестиции, обучение на data-аналитика	Своя квартира
23	м	39	Среднее	Женат (2-й брак), двое детей	Свой бизнес	Своя квартира
24	м	39	Высшее	Не женат, детей нет	ИП и фриланс, переводы	Независимое
25	м	43	Высшее	Женат, трое детей	Моряк, наемный капитан на яхты и суда	Своя квартира
26	ж	43	Школа	В разводе, трое детей	Мерчендайзер	Квартира в ипотеке
27	ж	38	Высшее	В разводе, двое детей	Следователь-криминалист	В квартире бывшего мужа с ним и двумя детьми
28	ж	41	Школа	Замужем	Специалист, IT	С партнершей и двумя детьми
29	ж	40	Высшее	Замужем, 4 детей	Работает в некоммерческой благотворительной организации	Своя квартира с мужем и тремя детьми
30	ж	40	Среднее специальное	Замужем, детей нет	Работает агентом по недвижимости (на себя)	Своя квартира с мужем

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Андрианова Е.В., Тарасова А.Н., Печеркина И.Ф. Мотивы и трудовые ценности молодежи: парадоксы развития // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 324–343. [Andrianova E., Tarasova A., Pecherkina I. (2018) Motivation and labor values of youth: development paradoxes. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3: 324–343. (In Russ.)]
- Кученкова А.В. Вторичная занятость в контексте процессов прекаризации на российском рынке труда // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 73–83. [Kuchenkova A. (2019) Secondary employment in the context of precarization on the Russian labor market. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 73–83. (In Russ.)]
- Митрофанова Е.С. Модели взросления разных поколений россиян // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6. № 4. С. 53–82. [Mitrofanova E. (2019) Models of transition to adulthood of different Russian generations. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. Vol. 6. No. 4: 53–82. (In Russ.)]
- Нартова Н.А., Фатехов А.М. Переход во взрослость российских миллениалов: на пути от получения образования к обретению ответственности и потере оптимизма? // Мониторинг общественного мнения. 2021. № 4. С. 319–344. [Nartova N., Fatekhov A. (2021) The Transition into Adulthood of Russian Millennials: On the Way from Getting an Education to Gaining Responsibility and Losing Optimism? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4: 319–344. (In Russ.)]
- Павленко Е.С., Якубовская А.А. Интерпретации взросления и формирование образовательных траекторий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 376–390. [Pavlenko E., Jakubovskaja A. (2020) Interpretations of Adulthood and Formation of Educational Trajectories. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3: 376–390. (In Russ.)]
- Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2019. [Radaev V. (2019) *Millennials: How Russian society is changing*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)]
- Тощенко Ж.Т. Феномен прекариата: теоретические и методологические основания исследования // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 51–63. [Toshchenko Zh. (2019) The precariat phenomenon: theoretical and methodological premises of its study. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 51–63. (In Russ.)]
- Шевченко И.О., Шевченко П.В. От прекаризации занятости – к прекаризации жизни? // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 63–75. [Shevchenko I., Shevchenko P. (2022) From employment precarization to life precarization? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 63–75. (In Russ.)]
- Arnett J.J. (2004) *Emerging adulthood: The winding road from the late teens through the twenties*. New York: Oxford University Press.
- Brown P., Lauder H., Ashton D. (2011) *The Global Auction: The Broken Promises of Education, Jobs and Incomes*. New York: Oxford University Press.
- Côté J.E. (2014) The Dangerous Myth of Emerging Adulthood: An Evidence-Based Critique of a Flawed Developmental Theory. *Applied Developmental Science*. Vol. 18. Is. 4 (October): 177–188.
- Dwyer P., Wyn J. (2001) *Youth, Education and Risk: Facing the Future*. London: Routledge/Falmer.
- Kravchenko Zh. (2015) Transition into Adulthood and Inequalities: The Institutional Perspective. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 13. No. 2: 303–316.
- Settersten R.A. Jr., Ottusch T.M., Schneider B. (2015) Becoming Adult: Meanings of Markers to Adulthood. *Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences: An Interdisciplinary, Searchable, and Linkable Resource*. Hoboken, N.J.: John Wiley & Sons: 1–16.
- Silva J.M. (2012) Constructing Adulthood in an Age of Uncertainty. *American Sociological Review*. Vol. 77. No. 4 (June): 505–522.
- Woodman D., Bennett A. (2015) Cultures, transitions and generations: The case for a new youth studies. *Youth cultures, transitions and generations: Bridging the gap in youth research*. London: Palgrave: 1–15.
- Wyn J., Woodman D. (2006) Generations, Youth and Social Change in Australia. *Journal of Youth Studies*. Vol. 9. No. 5: 495–514.

Статья поступила: 12.12.22. Финальная версия: 16.06.23. Принята к публикации: 17.06.23.

THREE DIMENSIONS OF ADULTHOOD: FREEDOM, RESPONSIBILITY, AND CARE

ANDREEVA A.S.

HSE University – St. Petersburg, Russia

Anastasiia S. ANDREEVA, PhD Student, HSE University – St. Petersburg, Research Assistant, Centre for Youth Studies HSE University, St. Petersburg, Russia (as.andreeva@hse.ru).

Acknowledgements. This research paper uses the results of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2020–2022. We express our deep appreciation and gratitude to our colleagues from the Centre for Youth Studies and our informants who took part in this research.

Abstract. This paper focuses on the specifics of Russian youth' transition to adulthood. Transition to adulthood is a theoretical construct at the heart of the relevant discussion, however, its specifics in the Russian context remain underresearched. Through critically reflecting on neoliberal and gender perspectives of contextualizing the transition to adulthood, we pay attention to both individual and collective aspects of it. Based on 30 in-depth semi-structured interviews with residents of St. Petersburg aged 18–43, we demonstrate which subjective markers of adulthood are the key to constructing an image of an adult. The analysis was done on the results of the project "Transition to adulthood among Russian youth in the 21st century: generational analysis" carried out within the HSE Program of Fundamental Research in 2020–2022. Our empirically developed categories of freedom, responsibility, and care as well as their configurations in traditional and alternative images of adulthood pose an interest for understanding the specifics of Russian youth' emotionally saturated transition to adulthood.

Keywords: youth, transition to adulthood, markers of adulthood, precarity.

Received: 12.12.22. Final version: 16.06.23. Accepted: 17.06.23.

© 2023 г.

С.В. РЯЗАНОВА, А.В. МИТРОФАНОВА

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВАЯ КОЛОНИЯ «ПЕРМЬ-36» В ПАМЯТИ ЖИТЕЛЕЙ ОКРЕСТНЫХ ДЕРЕВЕНЬ

РЯЗАНОВА Светлана Владимировна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала ПФИЦ УрО РАН, профессор кафедры истории и философии Пермского государственного аграрно-технологического университета им. акад. Д.Н. Прянишникова, Пермь, Россия (svet-ryazanova@yandex.ru); МИТРОФАНОВА Анастасия Владимировна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия (avmitrofanova@fa.ru).

Аннотация. Качественное исследование выявляет специфику коллективной памяти жителей деревень Пермского края об исправительно-трудовой колонии, на месте которой открыт музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36». Местные жители отказываются выступать в качестве свидетелей жизни колонии, формируя взамен образ собственной жизни, полной подневольного труда, бытовых трудностей и нехваток. Колония в их памяти – это чуждый, непроницаемый объект или место сосредоточения новых технологий и материального достатка, контрастирующее с жизнью колхозников. Мемориальный музей, в экспозиции которого их точка зрения не представлена, в их глазах – это посягательство на их собственную историю. Рассмотренный случай демонстрирует, что из национальной исторической памяти исключены воспоминания социальных групп, вынужденно свидетельствующих о своем травмирующем опыте косвенным путем. Пока эти группы лишены возможности осознать и сконструировать собственную версию культурной травмы, авторы считают невозможным создание национального объяснительного нарратива XX века.

Ключевые слова: исправительно-трудовая колония (ИТК) • политические репрессии • Пермь-36 • культурная травма • коллективная память • свидетельство • политика памяти

DOI: 10.31857/S013216250026589-0

Введение. Травмы политических репрессий XX в. до настоящего момента не осмыслены полностью российским обществом. Теория культурной травмы, как основа нашего исследования, предполагает, что придание смысла пережитым страданиям является необходимым условием сохранения идентичности сообщества и его консолидации [Alexander et al., 2004]. Проблемность конструирования консолидирующей культурной травмы на основе совместно пережитых трагических событий делает невозможным создание единого национального объясняющего нарратива [Митрофанова и др., 2022; Богатова и др., 2022]. Конкурирующие варианты культурной травмы отражают представления о смысле репрессий, присущие разным мнемоническим акторам («ленинская гвардия», «верующие», «интеллигенция», «предприниматели» и т.д.); каждый из них при этом

стремится вытеснить чужие интерпретации прошлого. Стихийная конкуренция вне рамок единой политики памяти ведет к тому, что сильные акторы подавляют версии слабых. Крестьянство можно считать наиболее слабой группой. Его возможности самопрезентации изначально ограничены: крестьяне, за редкими исключениями, не оставляют мемуаров и дневников. О советских лагерях почти нет воспоминаний крестьян, поскольку основная масса авторов, оставивших свои версии прошлого, это «партийные и советские работники среднего звена или представители городской советской интеллигенции» [Щербакова, 2013: 38]. Мало внимания уделялось и уделяется тому, как крестьянство – уже коллективизированное – воспринимало советскую репрессивную систему послевоенного периода. Исключение – работа И.Е. Козновой о преломлении коллективной памяти в индивидуальной применительно к населению «староевропейской» России, где в качестве источника использованы интервью с сельскими жителями, позволяющие делать выводы о позиции крестьянства по тем или иным вопросам; автор отмечает, что эго-документы другого рода часто публицистичны и идеологизированы [Кознова, 2000: 33]. Исследования логики взаимодействия власти и крестьянства в разные периоды советской истории посвящены только внутренней жизни села [Бабашкин, 2011; Гончарова, 2011; Кознова, 2011]. Ценный эмпирический материал содержится в сборнике интервью В.Е. Прохорова [2009]. К сожалению, в нем практически неохваченными исследованиями оказались социальные феномены за пределами обыденной крестьянской жизни, но иногда попадавшие в сферу внимания и социального взаимодействия селян. До настоящего времени «крестьянство остается безмолвствующим» [Кознова, 2000: 32].

В данной статье проблема рассмотрена на примере памяти жителей близлежащих деревень об исправительно-трудовой колонии (ИТК), функционировавшей на одном месте (поселок Кучино, Пермский край) с 1946 по 1988 г. В 1946–1953 гг. колония не имела политического профиля. В ней содержались, в основном, осужденные за административные и уголовные преступления; специализацией была заготовка леса [Обухов, 2010]. Затем колонию перепрофилировали для содержания бывших сотрудников правоохранительных органов, в этом качестве ИТК функционировала до 1972 г. [Обухов, 2016], после чего стала местом содержания осужденных за разные виды антисоветской деятельности. Новые колонии политического профиля должны были разгрузить исправительные учреждения в Мордовии. В колониях Пермского края (ИТК-35, -36 и -37) содержались диссиденты и противники советской власти. На базе этих колоний в середине 1990-х гг. был создан музей, в настоящее время – государственное бюджетное учреждение культуры Пермского края «Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий “Пермь-36”». Как место травмирующих событий данная ИТК неоднократно становилась основой конструирования образов, с помощью которых происходившее здесь наделялось смыслами и исторической ролью. Пространство памяти в Пермском крае представляет собой поле битвы вариантов прошлого, устойчивость которых зависит от того, какая из продвигающих их групп более активна и стабильна.

Основным мнемоническим актором стали бывшие политические заключенные и сочувствующие им постсоветские правозащитники. Противовесом им относительно успешно выступили ранее работавшие сотрудники охраны, один из которых создал альтернативный музей [Рязанова, Митрофанова, 2022]. Другие активно давали интервью, представляя травмированной группой скорее себя, чем заключенных¹. Лишь жители окрестных деревень не представили обществу свой образ колонии, хотя они – единственная социальная группа, чья коллективная память охватывает весь период ее существования. Современные классификации [Boltanski, 1999] выделяют в травмирующих событиях три основные группы: жертвы, исполнители, свидетели. Местные жители относятся

¹ Волгина О. Бывший надзиратель «Перми-36» уличил «Пилораму» в фальсификации истории // АиФ-Прикамье, 25 июля 2012 г. URL: <https://perm.aif.ru/culture/details/122423> (дата обращения: 22.02.2022).

к последней (некоторые и ко второй, так как работали в ИТК) категории. Как «свидетели» большинство из них внесены в опросные листы. Но так ли это?

Целью данной публикации является выявление специфики коллективной памяти о конкретной ИТК местным сельским населением, что, на наш взгляд, может пролить свет на восприятие послевоенным крестьянством институтов репрессивной системы. Авторы ставят проблему обеспечения равных возможностей социальным группам представить собственные варианты трактовок травматизирующего прошлого.

Методология исследования. Основой исследования является корпус из 40 интервью с жителями деревень Пермского края (Кучино, Борисово, Копально, Мохнутино), собранных в 1990-х – середине 2000-х гг. сотрудниками музея «Пермь-36» по собственному гайду, хранящихся в его архиве. Задачей интервью был поиск исторических фактов об ИТК и о заключенных в формате устной истории. Вопросы о личных биографиях крестьян носили ограниченную цель установления их надежности как источников. Данные населенные пункты были выбраны, так как находились в непосредственной близости от колонии, что повышало вероятность информированности колхозников о лагере и вовлеченности в его жизнь. Интервьюирование предполагало сбор личных впечатлений и информации о колонии от непосредственных свидетелей/участников событий без указания конкретного исторического периода. Выборка формировалась по методу «снежного кома»: следующего участника опроса указывали респонденты. В ходе интервьюирования не учитывался возраст или гендер: требовалось только желание общаться с интервьюером и наличие знаний о любом аспекте жизни лагеря. Длительность интервью составляла от 15 минут до двух часов. В присутствии двух и более респондентов (обычно – супругов, редко – соседей) интервьюеры не находили возможности опрашивать каждого участника беседы по отдельности, что, с одной стороны, дает возможность анализа сторонних комментариев, с другой – ограничивает высказывания респондента. Интервью были полуструктурированы, допускался отход от фабулы повествования, если такое желание высказывал респондент.

Интервью не были анонимными, почти во всех случаях фиксировались имя, пол и приблизительный возраст респондента (в данной публикации, из соображений этики, авторы анонимизировали интервью с использованием кодирования на основе инвентарных номеров в аудиоархиве музея). Достоверно фиксируются место проживания, занятость, уровень информированности по поводу ИТК. Большинство участников опроса – пожилые люди, прожившие в данной местности всю жизнь. Поскольку специально вопросов, касающихся времени событий, интервьюеры не задавали, установить, о каком периоде существования колонии идет речь, можно по косвенным признакам (например, если респондент упоминает женщин-заключенных, дело, вероятно, происходит в 1946–1953 гг., когда в лагере содержались заключенные обоих полов). Интервью транскрибированы дословно с сохранением диалектных слов, речевых ошибок, повторов; нецензурные выражения замаскированы; отмечены паузы, эмоциональные реакции и невербализованные звуки.

Работа с интервью заключалась в качественном анализе контента с выделением смысловых блоков и отдельных предложений, которые затем распределялись по ряду категорий, в совокупности отражавших восприятие лагеря и колонии в коллективной памяти местного сельского населения. Использование качественных методов предполагало элементы герменевтического живания в информацию, получаемую от респондента. Интерпретация каждого конкретного случая осуществлялась через структурирование и оценивание содержащейся информации [Mayring, 1983]. Помимо анализа содержания интервью, осуществлялась рефлексия по поводу процесса интервьюирования, характера задаваемых вопросов и полученных ответов. Учитывался тот факт, что опросы производились в период обостренного общественного внимания к теме политических репрессий, на фоне создаваемого СМИ безусловно положительного образа заключенных и отрицательного – советской пенитенциарной системы, что не могло не влиять на содержание ответов респондентов. Для более объемного представления о затронутых проблемах дополнительно проведены в 2022–2023 гг. интервью с экспертами, имевшими отношение

к сбору интервью с деревенскими жителями, а также к созданию (функционированию) музея «Пермь-36». Эти интервью также анонимизированы. Исследование не предполагало сбора и анализа количественных данных.

Отказ от свидетельства. Специфика жителей деревень, точнее – жительниц, так как, по словам одного из экспертов, *«дедушки-то не дожили до того времени, как мы до них доехали»* (BX-74), как мнемонических акторов заключается, прежде всего, в отказе от какого-либо свидетельства об ИТК, несмотря на жизнь, проведенную в непосредственной близости к ней, и на то, что многие жители деревень или их родственники работали в колонии: *«Не интересовало нас. Были там заключенные. На лесозаготовках работали... Зона и зона. Сидели и сидели»* (BX-19) или *«Знали, что колония, там сидят, ну мало ли у нас в Пермской области колоний... не знаю, не интересовалась»* (BX-6). Любопытство атрофируется под напором жизненных обстоятельств: *«Мы работали – некогда было узнавать»* (BX-21). Смерть заключенных казалась в той же мере неинтересной: *«Я знала, что они на кладбище были, все знали... а где они останавливались, я не знаю, не слыхала»* (BX-1). Это безразличие оборачивается безымянностью пострадавших от репрессий, поскольку память фиксирует место захоронения, но не наделяет его значением: *«А черт его знает... что раньше... Не знаю, даже внимания ведь не обращали, куда они их ложили, кто-то помнит... то ли заключенный, то ли какой...»* (BX-1). Отсутствие интереса в сочетании с незнанием формирует у «свидетелей» лапидарные формулировки по отношению к ИТК: *«Откуда, черт знает... разве разберешься...»* (BX-1).

Под нажимом интервьюеров, формально говоря о заключенных, местные жители рассказывают о себе. Лично их ИТК интересовала только как потенциальный источник угроз: *«сначала боялись, конечно. Заключенные, что-нибудь сделают. Но охрана была сильная...»* (BX-33). При этом страх не является ведущим чувством: *«Шибко-то не боялись. Они ведь не делали здесь нарушений»* (BX-7). Самым ярким в интервью оказывается ощущение собственной защищенности: *«Нас они даже никого не грабили, ничего... Попросят поесть, сами добровольно не брали ничего... они были очень миролюбивые, дружелюбные люди... Их мы не боялись»* (BX-2). Поскольку вреда от заключенных не было, последние наделялись и положительными чертами: *«Я работала в школе в Мохнутино, они меня даже возили... околицей... вот они увидят, по дороге идет, сразу садят»* (BX-2) или *«Я вот когда ходила в магазин, ни одного плохого слова от них не слышала... Очень даже хорошие люди были. Всегда по-хорошему. Не знают – а всегда здоровались»* (BX-5). Мы полагаем, что положительный образ заключенных, контрастирующий с доминирующим полным равнодушием, является результатом воздействия общественной атмосферы 1990-х гг., когда последние все больше становились объектом сочувствия: «знание прошлого и настоящего продуцируется современной жизнью» [Кознова, 2000: 21]. Это нашло отражение в рассказах: *«и со мной трое сели, сидели уже, я вижу, что заключенные... расслабились... и милиция взялась за них там же железнодорожная. Я... за них заступился...»* (BX-2). Такого рода позитивные воспоминания, появившиеся после массированного информационного воздействия начала 1990-х гг., описывает болгарская исследовательница Д. Колева [2020], анализируя воспоминания об исправительном лагере «Белене».

Островок цивилизации. Уклоняясь от описания известных им реалий жизни ИТК, рассказчики делают акцент на материальном благосостоянии: *«Дома были построены хорошие ... квартиры были хорошие ... в поселке, было чисто, хорошо. Был свой магазин, была своя столовая, бухгалтерия была большая... Клуб там у них был, хороший клуб был, дорога была хорошая»* (BX-4); или *«А когда там колония была, поселок был богатый, хороший такой. Там и солдаты были, и заключенные, солдаты охраняли. Они ставили концерты такие хорошие»* (BX-38). Многократное повторение слова «хорошо» в отношении благоустройства указывает больные точки деревенского быта с домами без удобств и дорогами без асфальта: *«...ничего такого страшного-то не слышали... там были даже какие-то прогулочные дорожки... там, цеха, какие-то корпуса... не знаю, не интересовалась»* (BX-6). В таком ракурсе колония превращается в островок цивилизации и технологий,

недоступных селянам: «Там были очень хорошие машины, трактора, машины очень хорошие были, сильные такие» (ВХ-2).

В некоторых рассказах жизнь заключенных предстает достойной зависти: «У них все удовольствия были, наши люди это так не едали и не сыпали. У них все полированные коечки были, столики» (ВХ-1). Быт заключенных описывается в позитивном ключе: «Там с большими сроками сидели... их силой не заставляли [работать], а попробуй не накорми их, они бы такой шум подняли... Так кто работает-то, там у них паек был. Не обижались они» (ВХ-9). Пребывание в таком месте комфортно: «они спокойно там работают, делают все, пилорама пилит, они там лес таскают, пилят» (ВХ-7). Кульминацией счастливой жизни в ИТК звучит: «Политзаключенные не работали» (ВХ-2). Лагерная жизнь наделяется элементами нормальности: «Они даже учились, они выписывали, очень много газет приходило» (ВХ-2); «они там как у Христа за пазухой жили, у них там все удовольствия были» (ВХ-9). За этим высказываниями проступает идеал жизни простого человека – высыпаться, нормально питаться и не ходить на тяжелые принудительные работы.

Подневольный труд. Специфический образ сформировался не на пустом месте. Невзирая на расспросы интервьюеров об ИТК, местные жители продолжают демонстрировать картину собственной жизни, где бытовые трудности полностью уничтожают способность обращать внимание на других: «Я девчонкой была, нам лагеря-то не нужны... Я на торфу да везде работала, меня везде гоняли на работы-то, так не до этого было. Придешь с работы-то, поесть тебе надо, да не хочешь, устанешь так. Всего пережито. Когда и хлеб есть, да не хочется, уставали» (ВХ-11). Они настойчиво переводят разговор с лагеря на себя: «Мне 16 лет стало, лагерь убрали, как меня поставили чернорабочей, дома лагерные были, бараки, стали ставить квартиры. Которые постарше были меня женщины, тогда известкой все белили потолок, эти женщины, я как сейчас помню все, я была маленькая, бравая, красивенькая, руки изъедало известью, там известка была крепкая, в керосине вымоем. Проедало все» (ВХ-55). В большинстве рассказов подчеркивается тяжесть и недобровольный характер внелагерного труда: «Сюда пришла дояркой, больше двадцати годов проработала. Шестнадцать исполнилось, на лесозаготовки угнали. В лаптях пять зим ходила» (ВХ-21); «Выходных не было, девочки. Если надо что-то, отпрашиваешься у бригадира. Без выходных работали, особенно летом...» (ВХ-5); «На лошади я работала. Три зимы, зиму я ходила, пилили, заставляли, это сейчас так, а тогда заставляли работать. А много ли было мне годов-то? Мало было мне годов-то. Меня отправили, а что я там» (ВХ-29). Никто из опрошенных жителей деревень не солидаризовался с позицией одного из экспертов, признавшего, что «мне было очень стыдно тогда, что я безмятежно жил в Советском Союзе в то время, когда другие... за свои убеждения страдали» (ВХ-77). Другой эксперт обратил внимание на различия в историческом опыте: «Когда я смотрю, как питался заключенный в сорок третьем году, для меня это шок и у меня куча эмоций, как это плохо. Но если вольный человек точно так же питался, это как-то перебивает суть моего рассказа» (ВХ-78).

Лагерь, колония возникают в жизненных историях колхозников не в том качестве, в каком (вероятно) этого ожидали интервьюеры, ориентированные, как подчеркнуто ранее, на сбор исторических фактов, дополняющих отрицательный образ. С работой в ИТК местные жители, особенно женщины, связывают возможность улучшения условий труда и некоторого продвижения вверх по социальной лестнице: «Выгоднее там было работать? – Конечно выгоднее, чем в колхозе... В штабе я техничкой пол мыла... Я уходила полпятого утром и до двенадцати дня» (ВХ-8); «В школе я работала года четыре, потом по болезни вынуждена была уйти в Ныроблаг, в лагерь. Сначала я работала корректором в типографии, потом заведующей типографией, потом управление у нас здесь было закрыто, передано Соликамску, и я работала завбиблиотекой в Ныробе и одновременно завклубом» (ВХ-40). Другие исследователи отмечали позитивную оценку жизни в лагере заключенными крестьянами: одна из сельских жительниц говорила, что ее память о тюрьме осталась светлой: «Поправилась, стала белая. Гладкая» [Кознова, 2000: 135–136]. В одном рассказе о конкретном человеке поднят вопрос, что для мужчин работа надзирателя часто

рассматривалась в качестве социального лифта, хотя довольно специфического: «Деревенский парень, который еще в пятидесятые годы пошел служить по призыву, и потом ему совсем не хотелось возвращаться в деревню, и ему сказали: а хочешь, иди контролером, будешь в городе... и он согласился, подписал какие-то бумаги и оказался охранником в колонии, в такой же деревне примерно, из какой он хотел сбежать» (BX-78).

Бродячие сюжеты. Незначительное число респондентов делилось воспоминаниями о лагере в несколько неожиданном ключе. Интерес к теме проявляется только, если репрессии стали частью семейной истории, но не на уровне фактов, а через использование «страшилок» – без имен, адресов и мест: «Было собрание, помню. Стоял бюст Сталина, по-моему. Народу всегда собиралось в клуб очень много, какой-то мужчина толкнул этот бюст, он, видимо, упал, да и разбился. Ночью приехали и уже его забрали, и с концами. Бывает, что слово какое-то скажешь, ведь, вы знаете, тяготы жизни на каждом отражаются, а раньше было – вот что-то скажешь против, хоть одно слово... даже брат мог донести на брата» (BX-2). Распространены рассказы о единственном слове, ставшем основанием для репрессий: «сказал слово – его туда... конечно, ни за что» (BX-5). Вполне возможно, что источником подобного рода историй стало услышанное по телевизору в начале 1990-х гг. Напомним, что политической данная ИТК стала в 1972 г., когда тема ареста «за анекдот», «за одно слово» была неактуальна.

Узкий сегмент интервью повествует об отрицательных моментах жизни лагеря, о насилии: «Наши охранники их тоже здорово избивали... Рассказывали они вот... Например, сегодня вызывали солдат, положили заключенных в снег, заставили какое-то время лежать, потом бегать, потом снова положили... кормить там не кормили... за малейшую провинность можно было обратно вернуть в лагерь... Он придет на освобождение, там же комиссия, бывает, что подстригся не так... и как-то маленько расслабился...» (BX-2). Такие нарративы включают в себя как представления о справедливом наказании: «мы-то думали, раз колония, ну, так преступники там» (BX-13), так и популярные постсоветские политизированные сюжеты: «мы думали, что это делается как-то помимо воли Сталина... И почему-то к тем людям, которых забирали, относились уже как к врагам народа... Даже детей считали. Вот так мы были воспитаны... Закон есть закон» (BX-2). К жизни конкретной ИТК все это вряд ли имело прямое отношение, но вполне вероятно, респонденты, основываясь на общем подходе СМИ к политическим репрессиям, приблизительно понимали, что хотят услышать от них интервьюеры.

Отношение к мемориальному музею. Большинство жителей окрестных деревень видят в музеификации бывшей ИТК пустую трату денег: «Не знаю, кому это надо, неужели кто-то поедет смотреть на это... ну зачем... что там создавать, кроме этих бараков, и кто их будет охранять, только лишние деньги на ветер бросать» (BX-6); «А у нас никто и не бывал там... некоторые говорят: зачем это, не нужно вроде... Когда в живых нет никого... дак конечно... это... разобраться..., зачем такие деньги бухают, когда люди с голоду вот умирают» (BX-1). Эксперт, присутствовавший при строительстве музейных зданий, вспоминает, что местные жители «над нами посмеивались, честно говоря, что сумасшедшая молодежь зачем-то приехала сюда, копаются в этом» (BX-72). Другой эксперт рассказал, что на стадии формирования экспозиции музея один из сельских жителей принес портрет Сталина, который после закрытия колонии «стащил» из клуба, и был радостно удивлен, получив за артефакт, лишенный в его глазах какой-либо потребительской ценности, «целую бутылку» (BX-74). Колония для местных не была «сверхъестественным» (BX-6) и вообще достойным внимания объектом.

Вердикт местного населения однозначен: «Это лишнее... на колонии музей делать – это лишнее» (BX-2) или «сделали сейчас там показуху» (BX-9). Создателям музея респонденты приписывали и корыстные намерения, и отсутствие истинного исторического чувства: «У нас, знаете, как про это говорят, только вы об этом не сообщайте никому. Это опять, видать, какому-то большому начальнику надо дачу там построить, так, чтобы это было неофициально, приедут, попируют, да в бане попарятся, да охотой позанимаются, чтоб было место, где привал устроить, есть возможность, вот и поют, мол, место для себя... а как на самом

деле... кто его знает» (ВХ-6); «А для нас он хоть будь, хоть нет, чо он толку, музей. Это просто в карман деньги идут кому-то, вот и музей сделали. А нам он ноль внимания, нам он не нужен. Музей бы делали, как люди воевали да погибали, вот это музей, а это что делают? Кому неохота на войну идти, дезертиры, да и сиди он тут» (ВХ-9). Мемориальный музей иногда воспринимается не как реконструкция реальности, а как мистификация. Свидетельства тех, кому местные жители безусловно доверяют, опровергают заложенное в экспозицию послание: «У меня там сноха работала все время секретарем у начальника отдела кадров, и она говорит, что тот, кто там пишет это все, совсем этого не было» (ВХ-9).

Симптоматично, что позиция жителей окрестностей, их «травма» никак не представлена в экспозиции. Место нашлось позиции охраны – восстановлено рабочее место контролера. Более того, один из бывших надзирателей² активно участвовал в создании музея – по воспоминаниям экспертов, «над нами насмехался всячески, что мы такие романтические идиоты приехали... был главным по пилораме, обеспечивал технику безопасности» (ВХ-72), но при этом «рассказал, что он много что охранял... от него всё узнали [о жизни колонии]» (ВХ-70). Один из экспертов высказался в пользу экспозиции, созданной бывшим надзирателем на частной квартире, как более репрезентативной, чем официальный музей: «Там быт людей; и быт заключенных, и быт простых людей, которые жили в этом поселке... он собирал все, что можно собрать, показывающее, как жили и в лагере, и вне лагеря» (ВХ-79)³. Другой эксперт, согласившись, в принципе, что «если я говорю о заключенных, а как жили на воле в это же время? Если жили плохо в зоне, хорошо ли жили на воле... и мы это не учитываем», добавил, что «надо этот контекст как-то обязательно приносить, хотя бы в экскурсии, пока этого нет в выставках» (ВХ-78).

Выводы. «Могут ли угнетенные говорить?» – вопрос, поставленный Г. Спивак [2001], сохраняет актуальность. Анализ нарративов, собранных среди жителей деревень, окружающих ИТК, показывает, что могут, но особым способом, так как сторонами диалога являются не те, кто предстает ими на первый взгляд. И содержание бесед становится другим. В диалоге между рассказывающим и слушающим предстают не сотрудники музея с диктофонами, а современная респондентам власть, которой адресуются скрытые упреки и претензии. Местные жители, побуждаемые рассказывать о маловажной для них ИТК, пытаются говорить о себе – своих проблемах, болезненных точках, недостатках. Они – включая тех, кто работал в лагере или колонии по временному найму, – отрицают, что являются/являлись «свидетелями» чего-либо. В их воспоминаниях колония предстает либо непроницаемым объектом, который не обладает лично для них никаким смыслом, либо как упорядоченное место, жизнь которого респонденты противопоставляют собственным материальным трудностям. Такое восприятие не зависит от уровня осведомленности о реальной истории ИТК, собрать факты о которой были заинтересованы интервьюеры. Возникающий нарратив формируется как мифологический, что подразумевает прекрасную сохранность памяти об отдаленных событиях [Кознова, 2000: 33, 110] и исключает то, что не определяет жизнь крестьян. Устная история, в данном случае, формирует не столько память о месте, сколько мифообраз. Коллективная память не маркер принадлежности именно к крестьянству, так как зависит от условий жизни в конкретной местности. Сельское здесь проявляется в многослойности сознания респондентов и его способности совмещать несовместимое [там же: 29].

Если колония представляла для местных жителей чуждый **пространственный** объект, то музей они воспринимали как посягательство на собственную историю, на **время**. Экспозиция исключает их, подчеркивает неважность пережитых ими страданий. В данном случае можно провести параллель с современным глобальным процессом трансформации музеев через введение в экспозицию не просто информации о ранее исключенных группах, но такой информации, которую они сами желали бы о себе сообщить

² Иван Кукушкин.

³ После смерти основателя музей труднодоступен для осмотра.

[Lonetree, 2021]. На наш взгляд, назрела необходимость в пересмотре сложившегося подхода к мемориализации тематики травмирующих событий XX в. и в нашей стране. Эксперт, ранее работавший экскурсоводом, приводит случай из своей практики: «Я там живописую как плохо живут заключенные в годы войны, привожу им... сколько они ели... а группа у меня была – ветераны войны из Чусового... посмотрели и говорят: мы работали, были двенадцати-тринадцатилетними детьми, и меньше ели» (ВХ-78). Речь, разумеется, не о конкретных музеях, а в целом о подходе к национальной исторической памяти, из которой случайно или намеренно исключены целые пласты групповых воспоминаний.

Парадокс: отказываясь от свидетельства, местные жители все же его приносят. Они свидетельствуют о собственной жизни, которая в определенные исторические периоды мало отличалась от жизни в лагере (тяжелый подневольный труд на лесозаготовках и других опасных производствах), а иногда была – в их субъективном восприятии – даже хуже, а лагерь выступал чем-то вроде индустриально-потребительской утопии. Но травмирующий опыт, пережитый ими, никому не интересен, и они вынуждены говорить о нем окольным путем, превращая интервью в «неудачные», так как ничего нового о лагере там не сообщается. В отношении данной ИТК не сложилось системы коллективной памяти, которая определяла бы принципы и границы восприятия. Зато сообщается другое – существует целый социальный слой, обозначенный внешними наблюдателями в качестве «свидетелей», у которого нет возможностей для осознания и конструирования собственной версии культурной травмы. Соответственно, вклад этого слоя будет постоянно отсутствовать, образуя лакуну в национальном осмыслении трагических событий прошлого, препятствующую выработке концепции общенациональной судьбы. По нашему мнению, эффективная политика памяти не может быть разработана без учета данной лакуны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабашкин В.В. Крестьяне, посткрестьяне и власть в XX веке: приспособительные стратегии с обеих сторон // Крестьянство и власть в истории России XX века: сб. науч. ст. Междунар. кр. ст. (12 ноября 2010 г., Москва) / Под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М.: АПР, 2011. С. 70–79.
- Богатова О.А., Митрофанова А.В., Рязанова С.В. Мордовский поселок как место и сообщество исторической памяти: коллективные нарративы и репрезентации // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14. № 4. С. 402–417. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.04.402-417.
- Гончарова И.В. Власть и крестьянство в конце 1920-х гг. (по материалам Центрального Черноземья) // Крестьянство и власть в истории России XX века: сб. науч. ст. Междунар. кр. ст. (12 ноября 2010 г., Москва) / Под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М.: АПР, 2011. С. 153–163.
- История сталинизма: крестьянство и власть: Мат. Междунар. науч. конф. (29 сентября – 2 октября 2010 г., Екатеринбург). М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.
- Кознова И.Е. Крестьянская память о власти в современной России // Крестьянство и власть в истории России XX века: сб. науч. ст. Междунар. кр. ст. (12 ноября 2010 г., Москва) / Под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М.: АПР, 2011. С. 213–222.
- Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М.: ИФ РАН, 2000.
- Колева Д. Памет и справедливост: лични спомени и публични разкази за комунизма. София: CIELA, 2020. (На болг. яз.)
- Митрофанова А.В., Рязанова С.В., Пляйс Я.А. Место как палимпсест событий и интерпретаций в политике памяти (на примере музея «Следственная тюрьма НКВД») // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 3–16. DOI: 10.24412/2071-6141-2022-2-3-16.
- Обухов Л.А. «...Есть генералы, полковники и подполковники». История колонии для работников правоохранительных органов в пос. Кучино Молотовской (Пермской) области // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории: Мат. VIII междунар. науч. конф. (15–17 октября 2015 г., Екатеринбург). М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2016. С. 178–186.
- Обухов Л.А. История одной колонии (Лесная ИТК-6. Первый кучинский период, 1946–1953) // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2010. Вып. 1(13). С. 40–47.
- Прохоров В.Е. Сермяжные истории жителей бывшей Комарицкой волости. Брянск: Белобережье: Гр. комп. «Десяточка», 2009.

Рязанова С.В., Митрофанова А.В. Палитра мест памяти о политических репрессиях: монументы и контр-монументы // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 3(58). С. 152–162. DOI: 10.17072/2219-3111-2022-3-152-162.

Спивак Г. Ч. Могут ли угнетённые говорить? // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Хрестоматия. СПб.: Алетейя, 2001. С. 649–670.

Щербакова И. Л. Память о сталинизме в культуре 1950–1970-х гг. // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: Мат. Междунар. науч. конф. (18–20 октября 2012 г., Санкт-Петербург). М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2013. С. 21–40.

Alexander J. C., Eyerman R., Giesen B. et al. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley, CA: University of California Press, 2004.

Boltanski L. Distant Suffering: Morality, Media and Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. Lonetree A. Decolonizing Museums, Memorials, and Monuments // The Public Historian. 2021. No. 4(43). P. 21–27. DOI: 10.1525/tp.h.2021.43.4.21.

Mayring Ph. Qualitative Inhaltsanalyse. Grundlagen und Techniken. Weinheim und Basel: Beltz Verlag, 1983.

Статья поступила: 09.03.23. Принята к публикации: 23.05.23.

CORRECTIVE LABOR COLONY 'PERM-36' IN THE MEMORY OF NEIGHBOURING VILLAGES RESIDENTS

RIAZANOVA S.V.^{***}, MITROFANOVA A.V.^{****}, ^{****}

^{*}Institute for Humanitarian Studies of PFRC UB RAS, Russia; ^{**}Perm State Agro-Technological University, ^{***}Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia; ^{****}Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Svetlana V. RIAZANOVA, Dr. Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute for Humanitarian Studies of PFRC UB RAS, Prof., Perm State Agro-Technological University, Perm, Russia (svet-ryazanova@yandex.ru); Anastasia V. MITROFANOVA, Dr. Sci. (Pol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Prof., Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (avmitrofanova@fa.ru).

Acknowledgements. The research was funded by the RSF, project № 22-28-00836.

Abstract. Conceptually the article is built upon cultural trauma theory. The study, based on a qualitative analysis of interviews conducted in the late 1990s, reveals specific distinctions of the collective memory of villagers in the proximity of a former corrective labor colony for political detainees in Perm Krai, on the site of which the Memorial Museum and Reserve of the Political Repression History "Perm-36" currently works. The interviewers found out that the locals refuse to play the role of witnesses to the colony's life, and that it exists in their memory rather as an alien and non-transparent object. Therefore, formally speaking about detainees, local residents actually talk about themselves, creating an image of their own life with forced labor, everyday hardships and shortages, which, in some historical periods, did not differ much from life in the labor camps. By contrast, the colony is represented in their collective memory as a well-organized and rich enterprise, and the life of detainees looks like deserving envy. Working there in the eyes of the local residents is sometimes associated with the possibility to improve one's labor conditions and to move up the social ladder. The few relatively detailed narratives, most likely, originate from mass media of the early 1990s, when the topic of Soviet repression was broadly discussed. Most of the collective farmers view the museumification of the colony as meaningless, considering it a fraud and a waste of money. Exhibits of the memorial museum, where their vision is not presented, are seen by the locals as an encroachment on their own history. Encouraged by the interviewers to talk about the colony that is unimportant for them, villagers try to narrate about themselves, denying that they are "witnesses" to anything. These particular cases discussed in the article demonstrate that entire social groups (for example, the peasantry) are excluded from the national historical memory, and that such groups have to bear testimony of their traumatizing experience in an indirect way. The authors conclude that the routine approach to commemorating political repressions needs to be reconsidered in order to work out a comprehensive memory politics, because as long as the above-mentioned groups remain deprived of the opportunity to theorize and to construct their own version of cultural trauma, it remains impossible to create a common national narrative that makes sense of the XX century repressions.

Keywords: political repression, Perm-36, cultural trauma, collective memory, testimony, memory politics.

REFERENCES

- Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. (2004) *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Babashkin V.V. (2011) Peasants, postpeasants and power in the 20th century: mutual strategies of adjustment. In: *Peasantry and power in Russian history of the 20th century*. Coll. of art. of the Intern. roundtable (November 12, 2010, Moscow). Ed. by P.P. Marchen', S.Yu. Razin. Moscow: APR: 70–79. (In Russ.)
- Bogatova O.A., Mitrofanova A.V., Riazanova S.V. (2022) A Mordovian settlement as a site and community of historical memory: collective narratives and representations. *Finno-ugorskii mir* [Finno-Ugric World]. Vol. 14. No. 4: 402–417. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.04.402-417. (In Russ.)
- Boltanski L. (2020) *Distant Suffering: Morality, Media and Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Goncharova I.V. (2011) Power and peasantry in the end of the 1920s (based on materials from the Central Chernozem region). In: *Peasantry and power in Russian history of the 20th century*. Coll. of art. of the Intern. roundtable (November 12, 2010, Moscow). Ed. by P.P. Marchen', S.Yu. Razin. Moscow: APR: 153–163. (In Russ.)
- Koleva D. (2020) *Memory and Justice: Private Memories and Public Narratives about Communism*. Sofia: CIELA. (In Bulgar.)
- Koznova I.E. (2000) *XXth century in the social memory of Russian peasantry*. Moscow: IF RAN. (In Russ.)
- Koznova I.E. (2011) Peasant memory about power in contemporary Russia. In: *Peasantry and power in Russian history of the 20th century*. Coll. of art. of the Intern. roundtable (November 12, 2010, Moscow). Ed. by P.P. Marchen', S.Yu. Razin. Moscow: APR: 213–222. (In Russ.)
- Lonetree A. (2021) Decolonizing Museums, Memorials, and Monuments. *The Public Historian*. Vol. 43. No. 4: 21–27. DOI: 10.1525/tpb.2021.43.4.21.
- Mayring Ph. (1983) *Qualitative Inhaltsanalyse. Grundlagen und Techniken*. Weinheim und Basel: Beltz Verlag.
- Mitrofanova A.V., Ryzanova S.V., Plais Ya. A. (2022) Place as a Palimpsest of Events and Interpretations in the Politics of Memory (On the Example of the NKVD Investigative Prison Museum). *Izvestia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Herald of Tula State University]. No. 2: 3–16. DOI: 10.24412/2071-6141-2022-2-3-16. (In Russ.)
- Obukhov L.A. (2010) The History of One Colony (Lesnaya ITK-6. The First Kouchino Period, 1946–1953). *Vestnik Permskogo Universiteta. Ser.: Istoriya* [Bulletin Perm University. History]. Vol. 1. No. 13: 40–47. (In Russ.)
- Obukhov L.A. (2016) «...There are Generals, Colonels, and Subcolonels». The History of a Colony for Employees of Law-protecting Bodies in the Settlement of Kouchino, Molotov (Perm) Oblast. In: *After Stalin. The Reforms of the 1950s in the Context of Soviet and Post-Soviet History*: Mat. of the 8th Inter. Scienif. Conf. (Yekaterinburg, October 15–17, 2015). Moscow: ROSSPEN; Fond «Prezidentskii tsentr B.N. Eltsina». (In Russ.)
- Prokhorov V.E. (2009) *Authentic stories of the inhabitants of the former Komaritskaya volost*. Briansk: Be-loberezhie: Desiatochka. (In Russ.)
- Riazanova S.V., Mitrofanova A.V. (2022) The Palette of Memory Sites of Political Repressions: Monuments and Counter-Monuments. *Vestnik Permskogo Universiteta. Ser.: Istoriya* [Perm University Herald. History]. Vol. 3. No. 58: 152–162. DOI: 10.17072/2219-3111-2022-3-152-162. (In Russ.)
- Scherbakova I.L. (2013) Memory about Stalinism in the Culture of the 1950s–1970s. In: *The History of Stalinism: Living in Terror*. Mat. of the International Academic Conference. (St. Petersburg, October 18–20, 2012). Moscow: ROSSPEN; Fond «Prezidentskii tsentr B.N. Eltsina»: 21–40. (In Russ.)
- Spivak G.Ch. (2001) Can the Subaltern Speak? In: *Introduction into Gender Studies*. P. II. A Reader. St. Petersburg: Aleteiya: 649–670. (In Russ.)
- The History of Stalinism: Peasantry and Power*. (2011) Mat. of the Intern. Scientif. Conf. (Yekaterinburg, September 29 – October 2, 2010). Moscow: ROSSPEN; Fond «Prezidentskii tsentr B.N. Eltsina». (In Russ.)

Received: 09.03.23. Accepted: 23.05.23.

© 2023 г.

ЖЭНЬ ЖАНЬ

«БОЕВАЯ НАЦИЯ» – НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ РОССИИ В КИТАЕ

ЖЭНЬ ЖАНЬ – кандидат наук по межкультурной коммуникации, преподаватель Северо-Китайского университета водных ресурсов и электроэнергетики, Чжэнчжоу, Китай (renran@ncwu.edu.cn).

Аннотация. С позиции коммуникативной социологии проводится многоаспектный анализ имиджевой маркировки России в глазах китайцев как «боевой нации». На основе количественного анализа интернет-данных объясняется сущность сложившегося у китайской медиа-аудитории образа России: в ироническом меме «боевой нации» соединились восхищение мужественным характером россиян, зависть к их физической силе, подшучивание над безрассудством русских и ряд иных неоднозначных чувств. Этот мем, который в первой половине 2010-х стал стереотипным образом России у современных китайцев, особенно широко тиражируется молодежью. Хотя он демонстрирует в целом положительное восприятие России, его распространенность отражает относительную слабость национального имиджа России в современном Китае.

Ключевые слова: «боевая нация» • национальный образ • ярлык • стереотип

DOI: 10.31857/S013216250026590-2

Национальный образ – восприятие какой-либо нации представителями другой нации – является многомерной и целостной конструкцией [Fan Hong, 2013]. Для понимания того, как в современном Китае воспринимают россиян, важно проанализировать термин «боевая нация», активно используемый в КНР с начала 2010-х гг. для обозначения России. Он быстро завоевал популярность и стал широко использоваться в качестве мема среди интернет-пользователей. Использование наиболее важной в современном китайском интернет-пространстве поисковой системы Baidu (www.baidu.com) для поиска веб-страниц, заголовки которых содержат ключевые слова «intitle: 战斗民族, 俄罗斯» («боевая нация, Россия»), дало около 5,6 млн результатов. В Weibo (www.weibo.com), самом важном тематическом сообществе КНР, есть более 6 тыс. обсуждений и 12,7 млн просмотров на тему «боевая нация, Россия». За пределами Интернета дискурсы, обращающиеся к образу России как «боевой нации», часто появляются во многих китайских кино- и телепрограммах, в рекламных роликах. Образ России как «боевой нации» проник во многие аспекты повседневной жизни китайцев, этот национальный стереотип стал уникальным элементом имиджа России в Китае. В то же время сами россияне чаще не одобряют этот мем: так, в репортаже на российском новостном сайте ИноСМИ.ру прямо указывалось, что большинству опрошенных россиян ярлык «боевая нация» не нравится, что образ России в восприятии китайцев далек от российских реалий¹.

¹ Русские: мы не понимаем, почему китайцы называют нас «боевой нацией» // ИноСМИ. 29 июня 2018 г. URL: <https://inosmi.ru/20180629/242611359.html> (дата обращения: 16.05.2023).

Рассмотрим далее с позиций коммуникативной социологии конкретные проявления и причины формирования «боевого» национального образа России в глазах китайцев. Основным источником информации станут сообщения в социальных сетях², статистический анализ интернет-данных может в полной мере отразить восприятие китайцами образа России как «боевой нации».

Образ России в китайских интернет-СМИ. Вопросы, почему Россия воспринимается как «боевая нация», получили широкое внимание на 知乎 (Чжиху)³: об этом было 226 вопросов и 4926 ответов. На обсуждении самого популярного вопроса «Почему русская нация является “боевой нацией?”» по состоянию на май 2022 г. было 44 403 подписчика, 1360 ответов, 71 113 013 просмотров. Анализ этого обсуждения является подходящим для понимания характеристик распространенного в КНР образа России как «боевой нации». Открытые онлайн-сообщения стали выборочными данными: после того как с помощью программы веб-сканера «Octopus» (<https://www.bazhuayu.com>) были удалены некорректно сформулированные и повторяющиеся ответы, осталось 1097 содержательных ответов.

Анализ показал, что среди 1097 ответов в 1039 (95,6%) выражено согласие с образом России как «боевой нации». Это свидетельствует о доминирующем согласии китайцев с определением образа России как «боевой нации». В ответах тех, кто соглашался с мемом «боевая нация», приводились разъяснения в виде конкретных примеров из самых разных источников. В табл. 1 эти утвердительные ответы классифицированы по девяти типам, имеющим различные частоты. Каждому типу присвоены баллы – от сугубо положительной оценки (5 баллов) до сугубо отрицательной (1 балл). По данным таблицы можно подсчитать, что средняя оценка китайцами России как «боевой нации» составляет 3,39 балла. Это значит, что данный образ отличается от традиционных негативных оценок и предубеждений, что современные китайцы склонны в целом к положительной оценке россиян.

Из табл. 1 видно, что стереотипы китайцев в отношении образа России как «боевой нации» выражаются в следующих чувствах:

- восхищении мужественным боевым характером россиян перед лицом суровой среды, болезней, преступников и врагов;
- зависти к физической силе россиян, легко преодолевающих многие трудности;
- подшучивании над безудержным безрассудством некоторых русских;
- глубоком впечатлении от простых, прямых и откровенных черт характера русских;
- признании, что русские уважают силу, имеют культурную традицию патриотизма и поклонения героям;
- неприятии некоторых популярных в России незаконных действий – таких как насилие, драки, уличные гонки;
- любопытстве в отношении того, как в России приручают и укрощают диких животных (особенно медведей);
- плохом впечатлении от алкоголизма некоторых русских.

Встречаются (очень редко) случаи, когда русских считают «боевыми» за их успехи в литературе, искусстве и технике.

Как показано в таблице 2, классифицируя 1039 ответов по социальным группам россиян, о которых шла речь, можно увидеть, что в ответах на вопросы чаще всего описывались простые (обычные) русские люди (61,3%), поэтому мем «боевая нация» относится обычно к большинству россиян. Часто (26,2%) называли также людей или организации, обладающих властью и силой, – членов правительства и сотрудников влиятельных учреждений

² По состоянию на июнь 2022 г. коэффициент распространения Интернета в Китае составлял 74,4%, количество пользователей достигло 1,05 млрд, среди них посетителями страниц интернет-новостей были около 75%. URL: <https://www.cnnic.net.cn/NMediaFile/2022/0926/MAIN1664183425619U2M5433V3V.pdf>

³ «Чжиху» (Zhihu, www.zhihu.com) – китайский сайт вопросов и ответов, на котором пользователи могут задать любой вопрос и обсудить его.

Таблица 1

Стереотипы восприятия русских глазами китайцев

Сущность стереотипов	Количество ответов	Доля, %	Оценка
Храбрая борьба (с суровыми условиями, болезнями, преступниками, врагами)	247	23,8	5
Физически крепкое телосложение	207	19,9	4
Насилие/драки/преступность/уличные гонки	119	11,5	1
Безрассудное поведение	113	10,9	2
Простота (прямота мышления, открытый характер)	105	10,1	3
Героизм/патриотизм/любовь к силе	104	10,0	4
Приручение опасных зверей	70	6,7	3
Пьянство	66	6,4	1
Другое (литература/искусство/наука)	8	0,8	5
Всего	1039	100,0	

Таблица 2

Классификация групп россиян, упоминаемых в связи с обсуждением мема о «боевой нации»

Группы людей	Количество ответов	Доля, %
Простые русские люди	637	61,3
Чиновники/военные/солдаты/полиция	182	17,5
Пилоты/космонавты	91	8,8
Русские женщины	79	7,6
Футбольные хулиганы/преступники	50	4,8
Всего	1039	100,0

(государственные служащие, солдаты, полиция), а также пилотов и космонавтов. Особо следует отметить, что было множество примеров, в которых с мемом «боевой нации» ассоциируется русский женский образ. На конкретных примерах видно, что речь идет о таких положительных характеристиках русских женщин, как здоровье, крепкость и смелость. Это сильно отличается от доминирующего в китайской эстетике женского образа, с которым ассоциируется в первую очередь нежность. Интересно, что помимо сугубо негативных отзывов по поводу российских преступников и водителей у китайцев было немало относительно положительных отзывов о российских футбольных хулиганах (например, в сообщениях, как 200 российских футбольных хулиганов победили 3000 британских).

Образ России в китайских кино- и телепередачах, в коммерческой рекламе. Поскольку мем «Боевая нация» вызывает у китайцев скорее положительное впечатление от образа России, он часто появляется в кино- и телепрограммах, в рекламных роликах по российской тематике, что также в определенной степени усиливает его популярность и влияние среди китайской публики.

Например, при выводе на китайский рынок российского комедийного сериала «Как я стал русским» для привлечения интереса китайской аудитории его название было заменено на «Историю возвращения боевой нации». После такой добавки чисто китайского юмора эта картина стала классическим российским сериалом в КНР, который пользуется популярностью и любовью. В диалогах вышедшего в 2020 г. китайского новогоднего

фильма «Смущенная мама» («Затерянные в России») выражение «боевая нация» тоже звучит множество раз, когда речь идет о России.

Благодаря простоте, легкости узнавания и довольно положительным ассоциациям мем «боевая нация» используется во многих коммерческих акциях, особенно в рекламе туристических фирм о маршрутах путешествий по России. В КНР на эту тему есть множество рекламных слоганов – таких как «Почувствуйте жизнь боевой нации в Санкт-Петербурге» (<https://gs.ctrip.com/html5/you/article/detail/991661.html>) или «Поедем группой в Россию и посмотрим, как выглядит родная земля боевой нации» (<https://bbs.qyer.com/thread-2738820-1.html>).

Роль СМИ в распространении мема о «боевой нации». Поисковый запрос индекса Baidu для выяснения динамики внимания китайских интернет-пользователей к словосочетанию «боевой нации» с января 2011 г. по май 2022 г. показал (рис. 1), что этот мем пережил взрыв популярности на рубеже 2013–2014 гг., хотя использовался и раньше.

Открытое взаимодействие Интернет-пользователей позволяет мему «боевой нации» постоянно воспроизводиться. Тем самым углубляется связанное с этим мемом восприятие пользователями сети образа России.

Мем «боевой нации» распространен не только в чисто сетевых, но и в традиционных китайских медиа. Для доказательства сошлемся на «The People's Daily» и CCTV, которые являются самыми влиятельными и представительными официальными традиционными СМИ в Китае. Поиск ключевых словосочетаний «боевая нация» и «Россия» на их новостных веб-страницах позволил обнаружить 270 информационных сообщений (93 для «The People's Daily» с ноября 2014 г. по май 2022 г., 177 для CCTV с ноября 2013 г. по апрель 2021 г.). Распространение мема в этих СМИ начинается с 2013–2014 гг., совпадая со временем распространения понятия «боевой нации» в интернет-медиа. Возможно, что интернет-СМИ оказали сильное влияние на традиционные СМИ, которые вынуждены обращать внимание на выражения, модные на сетевых платформах, включая «боевую нацию».

Для понимания, почему мем о «боевой нации» (который, конечно, не вполне соответствует реалиям жизни россиян) редко оспаривают, есть смысл обратиться к теории

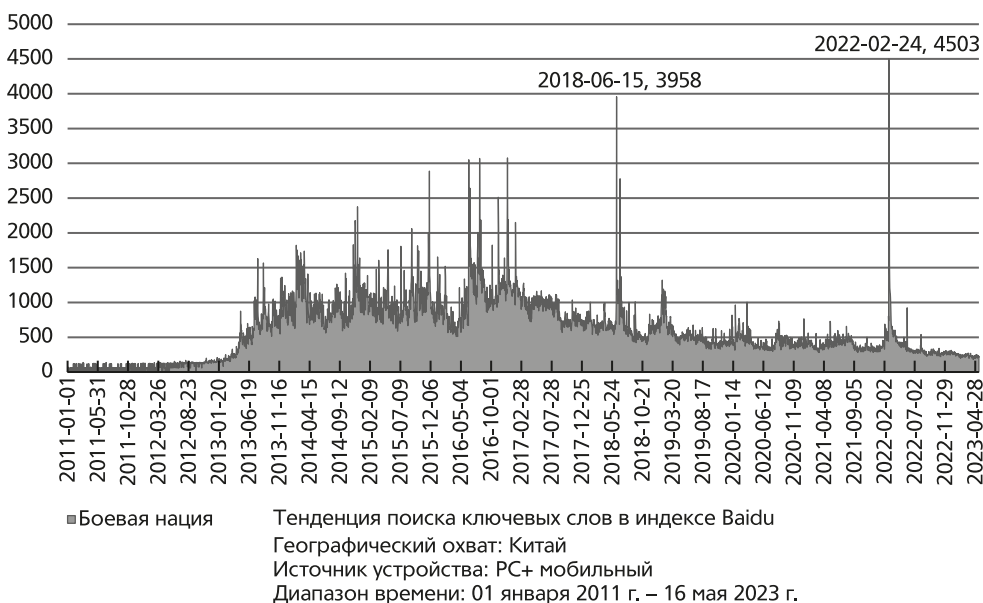

Рис. 1. Поисковый индекс Baidu для мема «боевая нация», 2011–2022 гг.

«спирали молчания», предложенной немецким социологом Э. Нозль-Нойман. Суть ее в том, что перед тем как люди в обществе хотят выразить свое мнение, они наблюдают за окружающей средой, и когда их собственное мнение противоречит мнению большинства, они оказываются под некоторым социальным давлением и сохраняют молчание. Только при условии хотя бы относительного совпадения своего личного и доминирующего мнения осуществляется прямое выражение собственного мнения [Noelle-Neumann, 1993]. Так, на китайском сайте «Чжиху» было 1360 ответов на вопрос «Почему российская нация называется “боевой нацией”», но среди них только в 43-х ответах (3%) этот мем отрицался и предлагалось более объективно оценивать Россию. Такие аутсайдерские мнения получали мало поддержки: общее количество лайков, полученных этими 43-мя ответами, составило 121, что намного ниже, чем среднее количество лайков на каждый ответ на сайте «Чжиху» (318). Когда мнение, что Россия является «боевой нацией», становится доминирующим в онлайн-общении, то голоса неодобрения будут проигнорированы, а их авторы превратятся в «молчаливую группу».

Субъекты распространения мема о «боевой нации». Из возрастного распределения населения по индексу Baidu на основе ключевых слов «боевой нации» видно (рис. 2), что, хотя молодежь (20–29 лет) составляет самую большую долю пользователей Baidu, индекс предпочтений TGI (Target Group Index) идет по убыванию от самого молодого (до 19 лет включительно) до самого пожилого (старше 50 лет) возраста. Причины этого можно объяснить тем, что подростки чаще всего пользуются Интернетом, поэтому именно молодежные группы являются основным «двигателем» новых мемов, включая использование термина «боевая нация». Восприятие России их глазами фактически стало главным трендом формирования имиджа этой страны в китайском обществе.

Выражение «боевая нация» произошло от образа народа «сайян» в популярных среди китайской молодежи японских фантастических аниме-сериалах 1980–2020-х гг. «Жемчуг дракона» (Dragon Ball). Сайян – народ нападающих на чужие планеты воинов, парадоксально совмещающих полупервобытный образ жизни с продвинутыми космическими и военными технологиями. Боевая мощь воинов-сайян усиливается после каждого их ранения, особенно если они находятся на грани смерти. Такая ассоциация тесно связана с восприятием китайцами истории русского народа как череды завоеваний и обороны от завоеваний. Выражение «боевая нация» имеет определенную степень подшучивания, оно очень простое для понимания, лишено глубоких смыслов, лаконично, его легко запоминать.

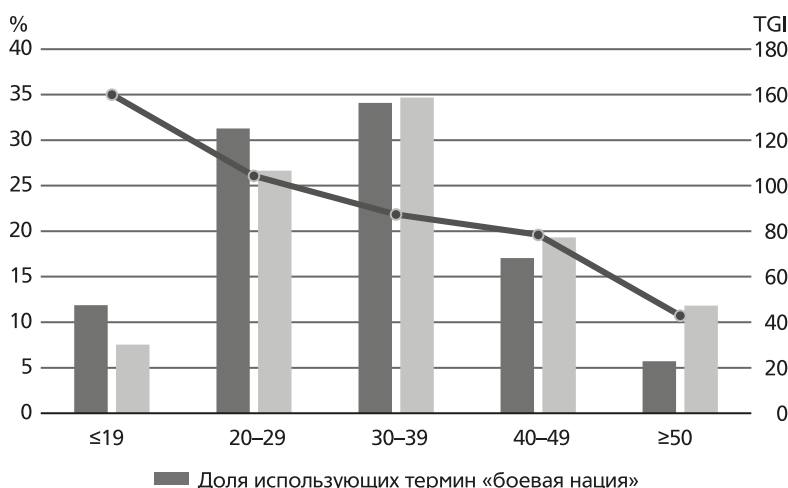

Рис. 2. Распределение людей, интересующихся ключевым словосочетанием «боевая нация» в индексе Baidu, по возрастным группам, лет

Выводы. Распространенность в китайской медиакommunikации мема о России как «боевой нации» во многом связана с тем, что российская культура во всем ее многообразии мало влияет на современный Китай, особенно на молодое поколение. Хотя этот мем отражает в целом положительное восприятие России, его распространенность отражает относительную слабость «национального имиджа» России в Китае.

Впечатление, формируемое человеком о какой-либо стране в молодости, может сопровождать его всю последующую жизнь, став стереотипом восприятия [Ильюшкин, 2015]. Высокое признание китайской молодежью стереотипа «Россия – боевая нация», вероятно, приведет к закреплению такого национального образа России в китайском обществе на долгое время. Между тем придание важного значения мощной культуре России, активное устранение стереотипов и создание правильного (более комплексного) образа России могло бы не только помочь китайцам лучше ее понимать, принося пользу для китайско-российского межкультурного обмена, но и расширить культурное влияние России, что имеет важное практическое значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Ильюшкин В.В. Роль и значение национальных стереотипов как разновидности стереотипов социальных // Вестник науки и образования. 2015. № 4(6). С. 193–197. [Ilyushkin V.V. (2015) The role and significance of national stereotypes as a variety of social stereotypes. *Vestnik nauki i obrazovaniya* [Bulletin of science and education]. No. 4(6): 193–197. (In Russ.)]
- Noelle-Neumann E. (1993) *The Spiral of Silence: Public Opinion-Our Social Skin*. Chicago: The University of Chicago Press.
- 范红. 国家形象的多维塑造与传播策略 // 清华大学学报 (哲学社会科学版) – 2013.28 (02) [Fan Hong. (2013) Multi-dimensional Shaping and Communication Strategy of National Image. *Journal of Tsinghua University (Philosophy and Social Sciences Edition)*. 2013.28 (02): 141–152. (In Chin.)]

Статья поступила: 27.03.23. Финальная версия: 16.05.23. Принята к публикации: 17.05.23.

“FIGHTING NATION” – NATIONAL IMAGE OF RUSSIA IN CHINA

REN RAN

North China University of Water Resources and Electricity, Zhengzhou, China

REN Ran, Ph.D. in intercultural communication, Senior Lecturer, North China University of Water Resources and Electricity, Zhengzhou, China (renran@ncwu.edu.cn).

Abstract. The national image is a multidimensional and integral construction. In this study, using the method of quantitative analysis of Internet data, the image of the “fighting nation” of Russia in Chinese media communication is demonstrated indicating that “fighting nation” is a stereotypical image of Russia, especially this image is widely accepted by young people. From the position of communicative sociology, a multidimensional analysis of the reasons for the image marking of Russia as a “fighting nation” in the eyes of the Chinese is carried out, which will help to avoid stigmatization, as well as develop strategies aimed at dispelling people’s misconceptions about specific nations and groups.

Key words: fighting nation, Russia, national image, label, stereotype.

Received: 27.03.23. Final version: 16.05.23. Accepted: 17.05.23.

Ж.В. ВАССАЛАТИЙ, С.В. ВЕРХОТУРОВА, С.Г. ЛОСЕВ

ПРАВОСОЗНАНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (на примере Тюмени)

ВАССАЛАТИЙ Жанна Васильевна – кандидат юридических наук, доцент (z.v.vassalatij@utmn.ru);
ВЕРХОТУРОВА Светлана Владимировна – кандидат юридических наук, доцент (verxoturova00@mail.ru);
ЛОСЕВ Сергей Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент (losev.73@internet.ru). Все – кафедра
уголовно-правовых дисциплин, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия.

Аннотация. Рассматривается правовая грамотность – комплекс когнитивных, деятельностных и мотивационных компонентов сознания студенческой молодежи на основе проведенного в 2022 г. анкетного опроса ($N = 405$), результаты которого сопоставляются с данными общероссийского опроса «Правовая грамотность россиян» (2020), а также фокус-групп в двух крупнейших вузах Тюмени. Выявлено, что у студентов Тюмени по сравнению с населением России в целом более полно сформированы когнитивный компонент и правовые установки, но в меньшей степени – правовые навыки. Среди молодых, как и среди взрослых россиян, при определенных ситуациях порядка половины респондентов считают нарушение закона допустимым. Главными институтами формирования правовой грамотности оказались семья и сфера образования, в меньшей степени СМИ. Кластерный анализ позволил выявить шесть типов студентов с очень различной степенью сформированности правовой грамотности, причем характеризующиеся ее высоким уровнем составили лишь четверть выборки.

Ключевые слова: правовая грамотность • правосознание • студенческая молодежь • социальные институты

DOI: 10.31857/S013216250024236-2

В научной литературе есть ряд синонимичных терминов, обозначающих осознание и понимание гражданами ценности права: «правовая грамотность», «правосознание», «правовая культура» и т.д. [Воронин и др., 2021]. Чаще всего правовая грамотность (правосознание) определяется как комплекс юридических знаний, а также социально-правовых установок и ценностей, регулирующих поведение людей в юридически значимых ситуациях.

Правовая грамотность россиян неоднородна и противоречива [Покида, Зыбуновская, 2020]. Считается, что наибольшим позитивным потенциалом обладает студенческая молодежь – будущие специалисты. От преобладания в их мировоззрении тех или иных правовых установок зависит облик социума будущего. Поэтому изучение правовой грамотности студентов высокоактуально для понимания перспектив социального развития России.

Авторами проверялись две исследовательские гипотезы. Первая заключалась в том, что студенты по ряду характеристик обладают более высоким уровнем сформированности правовой грамотности в сравнении с населением страны в целом. Вторая гипотеза – наибольшее влияние на правовую грамотность молодых оказывают СМИ как один из ключевых социализирующих институтов и главных источников любой информации.

Сбор эмпирических данных осуществлялся авторами в октябре 2022 г. методами анкетного опроса ($N = 405$)¹ и фокус-групп ($N = 20$)² в двух крупнейших вузах Тюмени

¹ Опрос осуществлялся в интерактивной форме посредством сервиса «Google forms». Анкета включала ряд вопросов, аналогичных проекту «Правовая грамотность россиян», реализованного аналитическим центром НАФИ совместно с юридическим сервисом Амулекс в 2018 и 2020 гг. (Правовая грамотность россиян 2020 // НАФИ. URL: <https://nafi.ru/projects/sotsialnoe-razvitiye/pravovaya-gramotnost-rossiyan-na-puti-k-grazhdanskomu-obshchestvu-2020/> (дата обращения: 02.05.2023); Правовая грамотность россиян: на пути к гражданскому обществу 2018 // НАФИ. URL: <https://nafi.ru/projects/sotsialnoe-razvitiye/pravovaya-gramotnost-rossiyan-na-puti-k-grazhdanskomu-obshchestvu/> (дата обращения: 02.05.2023)). Использование целевого типа выборки обусловило равную представленность респондентов мужского и женского пола, а также студентов технических и социально-гуманитарных специальностей.

² Проведено две фокус-группы со студентами-геологами (преимущественно мужского пола) и студентами-менеджерами (в основном девушками).

(Тюменском государственном и Тюменском индустриальном университетах). Поскольку эта выборка нерепрезентативна для студентов России и даже Тюменской области, представленные данные и сделанные на их основе выводы позволяют лишь в самом первом приближении обозначить тенденции, которые требуют проверки на более репрезентативных исследованиях. Для сравнения использовались данные общероссийского опроса, проведенного аналитическим центром НАФИ в 2020 г.³

Правовые знания. В оценке собственного уровня правовых знаний более половины тюменских респондентов-студентов посчитали его «средним» (52%), в то время как варианты «высокий» и «выше среднего» в совокупности отметили 29%, а «ниже среднего» и «низкий» – 15%. Это заметно превышает общий уровень самооценки в ответах россиян в 2020 г., среди которых средними свои правовые знания считали 51%, выше среднего 13%, а ниже среднего 34%. Впрочем, такой высокий уровень можно объяснить не столько действительно более высокими правовыми знаниями студентов, сколько их более завышенной, по сравнению со взрослыми, самооценкой в целом.

На фокус-группах студенты при обсуждении значимости правовых знаний указывали на неочевидность нарушения прав во многих жизненных ситуациях и необходимость наличия, наряду со знаниями, жизненного опыта. Вот один из примеров комментария: *«Мне кажется, очень сложно распознать, нарушают твои права или нет. Зачастую люди этого просто не замечают. Допустим, мне всегда казалось, что арендодатель квартиры может в любой момент изменить цену. На самом деле если есть договор, то там должны быть прописаны права и обязанности обеих сторон»* (Д., студентка специальности «менеджмент»).

У студентов высок интерес к повышению правовой грамотности: на вопрос о желании узнать больше о своих правах и их защите утвердительно ответили 83%, отрицательно – 8%, остальные затруднились с ответом. В общероссийской же выборке доля желающих расширить свои знания оказалась почти вдвое ниже (45%), а чаще всего (48%) высказывалось мнение, что имеющихся знаний достаточно.

Другие данные, полученные в ходе исследования, также демонстрируют в когнитивном блоке вопросов более высокие показатели студентов по сравнению с населением России в целом. В частности, это проявляется в более выраженных представлениях об устройстве и функционировании правовой системы, в лучшем понимании алгоритма действий для их защиты и лучшей информированности о структурах и организациях, способствующих этому. В сочетании с более высоким стремлением к знаниям о своих правах и их защите это позволяет предположить объективное наличие у студентов более высоких правовых знаний, а не только свойственной молодежи пониженной самокритичности в оценке их наличия.

Правовые навыки. С нарушением своих прав за последний год сталкивались, по самооценке, 21% студентов, это мало отличается от данных по россиянам в целом (25%).

Вопросы, направленные на выявление реакции респондентов в случае предполагаемого нарушения их прав, позволили определить структуру мнений тех, кто ещё лично не сталкивался с подобными ситуациями (рис. 1). Как видим, большинство респондентов в обеих рассматриваемых группах считают, что при необходимости защитить свои права они попытаются решить проблему самостоятельно, но проконсультировавшись с другими людьми. Важно отметить очень низкую долю студентов, выражающих готовность действовать полностью самостоятельно.

Респонденты, ранее уже столкнувшиеся с реальным нарушением своих прав, чаще всего пытались решить проблему самостоятельно, лично обратившись к нарушителям, а треть не предприняли вообще никаких действий. Это касается как студентов Тюмени, так и россиян в целом (рис. 2).

³ Всероссийская выборка (N = 1600 чел.), репрезентирующая население России старше 18 лет по полу, возрасту, образованию и типу населенного пункта.

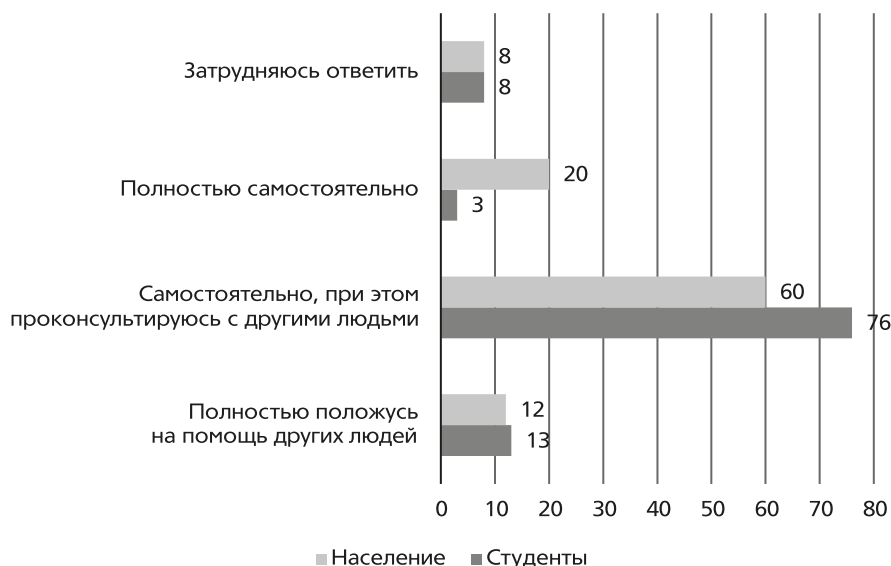

Рис. 1. Мнения студентов Тюмени и россиян, ранее не сталкивавшихся с нарушениями их прав, о предполагаемых действиях в случае необходимости защиты своих прав, %

Рис. 2. Действия студентов Тюмени и населения России при нарушении их прав, %

Среди причин, по которым респонденты не стали защищать свои законные интересы, у студентов преобладает нежелание прилагать дополнительные усилия, а у россиян в целом – отсутствие веры в эффективность своих действий (рис. 3).

Что касается частоты возникновения жизненных ситуаций, способствующих формированию правовых навыков, то за профессиональной юридической помощью уже обращался каждый седьмой студент-тюмонец (15%), опыт участия в судебном разбирательстве есть более чем у каждого девятого (12%), а в обсуждении правовых вопросов в интернете (в сообществах, форумах, блогах) принимали участие 19%.

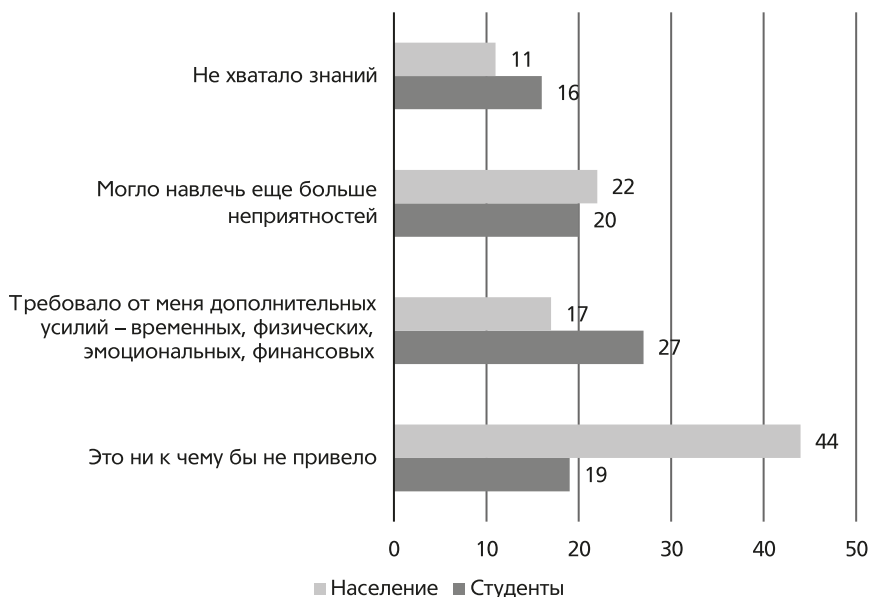

Рис. 3. Объяснения студентами Тюмени и населением России причин, по которым они не стали защищать свои законные интересы, %

В фокус-групповых интервью студенты приводили личные примеры ситуаций, способствовавших формированию их правовой культуры. Обычно это происходит в результате нарушения их прав, вот типичный пример: «У меня на съемной квартире сломался холодильник не по моей вине. Оказывается, в договоре я не досмотрела, что все неполадки устраняются за мой счет. В итоге мне пришлось за свой счет чинить, хотя я даже не виновата» (Д., студентка специальности «менеджмент»). Иногда правовая грамотность осваивается молодыми людьми после откровенно стрессовых событий: «Меня высадили из автобуса, потому что моя транспортная карта не сработала, хотя там были деньги. Дело было зимой, пришлось идти очень долго пешком. Была вся в слезах... Мы обратились в компанию перевозчика, очень долго всё расследовали. В итоге они назначили моральную компенсацию в тысячу рублей, очень извинились» (А., студентка специальности «менеджмент»).

Как видим, приведенные результаты демонстрируют невысокий уровень правовых навыков у опрошенной студенческой молодежи в сравнении с общероссийской выборкой. Это связано с неполной включенностью студентов в социально-экономические отношения в силу их возраста и характера основной деятельности.

Правовые установки. Правовые установки – это готовность личности проявлять активность в сфере познания и реализации права, «настройка» действовать в соответствии с требованиями правовой нормы [Бондаренко, Строева, 2018]. Их интенсивность и содержательная наполненность характеризуют правовой аспект нормативно-ценностной структуры сознания студентов.

Когда респондентам-тюменцам было предложено по 10-балльной шкале оценить, насколько соблюдение собственных прав зависит от них самих, то респондентов с высокими оценками (8–10 баллов) оказалось 41%, со средними (4–7 баллов) – 55%, с низкими (1–3 балла) – всего лишь 4%. Это значительно выше, чем в общероссийской выборке (соответственно 19, 54 и 27%), свидетельствуя о более высоком уровне декларируемой личной ответственности студентов за соблюдение своих прав. Установка на необходимость отстаивать свои права у студентов также выражена несколько сильнее: доля тех,

кто считает, что свои права нужно стараться отстаивать всегда (61%), была чуть выше, чем у населения в целом (55%), а бесполезность отстаивания своих прав, наоборот, отмечалась студентами заметно реже (3% в сравнении с 9%). В ходе фокус-групп студенты неоднократно демонстрировали «боевитость»: «Кто-то говорит, что качать права бесполезно, но ситуацию нужно как-то менять, ведь если больше людей будут разбираться в правах, то, может, что-то изменится» (Л., студентка специальности «менеджмент»).

В то же время доверие к юристам у студентов и населения отличается не существенно. Если среди студентов лишь каждый третий (34%) полностью доверял юристам, а каждый второй выражал средний уровень доверия (56%), то среди россиян соответствующие значения составляли по 42%. Фокус-групповое обсуждение показало, что недоверие к юристам связано с недоверием россиян к отечественной правовой системе в целом. Студенты аргументировали своё мнение на примере полиции: «За рубежом абсолютно нормальное отношение к тому, что на тебя вызвали полицию, ты с ними решаешь вопросы, а не с соседями» (Д., студентка специальности «менеджмент»); «У нас говорят, что “если русский видит полицию – то он прячется, даже если он сам ее вызвал”, потому что...Ну мало ли что...» (Л., студентка специальности «менеджмент»). Более конкретное объяснение недоверия звучало так: «Я не особо доверяю юристам. Наверное, потому что я думаю, что юристы могут обмануть, чтобы заработать больше» (Л., студентка специальности «менеджмент»). Отсутствие доверия юристам находит отражение и в том, что для поиска необходимого специалиста чаще используют неформальные каналы: «Мы обращаемся только к знакомым юристам, потому что они проверены» (А., студентка специальности «менеджмент»); «Поиск начинается через сарафанное радио: ты у всех поспрашивал, кто с какими работал, кто с какими ситуациями сталкивался, и так ты выходишь на специалиста, который сможет помочь» (М., студентка специальности «геология»).

Специальный «провокационный» вопрос анкеты был направлен на выявление мнений о допустимости нарушения закона в отдельных случаях: распределения ответов тюменских студентов и россиян оказались схожими (рис. 4). Значимые различия наблюдаются только в долях затруднившихся с ответом (среди студентов таких втрое больше), а также среди считающих, что закон не должен нарушаться ни в каких случаях (таких «максималистов» среди студентов несколько больше) и что незнание является уважительной причиной нарушения (среди студентов это мнение встречается вдвое реже).

Рис. 4. Структура мнений студентов Тюмени и россиян о допустимости нарушения закона, %

Таким образом, правовые установки («измеренные» как доли декларирующих личную ответственность за соблюдение своих прав и необходимость отстаивать свои права, а также стремящихся повышать свою правовую грамотность) выражены у попавших в выборку студентов Тюмени сильнее, чем у россиян в целом. Отношение к юристам и к допустимости нарушения закона у студентов-тюменцев мало отличается от мнений россиян.

Кластеризация студентов. Для выявления дифференциации студентов по характеристикам их правовой культуры был осуществлен кластерный анализ. Сначала для всех респондентов по каждому из блоков («Знания», «Навыки» и «Установки») вычислен суммарный балл путем сложения значений соответствующих вариантов ответов. Наибольший балл соответствовал максимальному проявлению у респондента изучаемого свойства, наименьший – минимальному. Таким образом, были созданы три переменные, которые на втором этапе подверглись иерархической кластеризации методом Варда с мерой «квадрат расстояния Евклида» для интервальных шкал. Оптимальной признана шестикластерная модель, где респонденты, с одной стороны, распределены относительно равномерно, с другой – границы классов оказались очерчены достаточно четко (табл. 1).

Таблица 1

Кластеризация опрошенных студентов Тюмени по характеристикам правовой культуры
(штриховкой выделены характеристики, доминирующие в кластере)

Уровень	Доля имеющих такие характеристики в кластере, %					
	1	2	3	4	5	6
Знания						
Низкий	0	12	0	0	18	100
Средний	14	88	12	0	82	0
Высокий	87	0	88	100	0	0
Навыки						
Низкий	0	64	92	37	57	93
Средний	75	36	8	64	43	7
Высокий	25	0	0	0	0	0
Установки						
Низкий	4	0	29	0	0	33
Средний	92	100	71	0	0	67
Высокий	4	0	0	100	100	0
Доля в выборке	13	27	18	13	18	11

Каждому кластеру присвоено название, отражающее ключевые характеристики составляющих его респондентов.

1. «Опытные» – обладающие высоким уровнем правовых знаний, чаще остальных имеющие практические правовые навыки и в подавляющем большинстве имеющие средний уровень правовых установок.

2. «Середняки» – самая объемная группа, где по всем критериям у большинства респондентов значения близки к средним.

3. «Неопытные» – обладающие высоким уровнем знаний и средним уровнем сформированности правовых установок, но почти не имеющие практических навыков.

4. «Продвинутые» – обладающие высоким уровнем знаний и максимальной сформированностью установок, но средним уровнем навыков.

5. «Энтузиасты» – для них также характерна высокая сформированность установок на фоне низкого уровня навыков и среднего уровня знаний.

6. «Аутсайдеры» – студенты с самыми низкими значениями по всем критериям правовой грамотности.

Влияние СМИ. Статистически значимыми факторами правовой грамотности оказалось влияние таких институтов, как семья, система образования и СМИ.

Современная информационно-новостная повестка формируется не только официальными СМИ и крупными медиакомпаниями, но и социальными медиа, которые самостоятельно конструируют тематические приоритеты и участвуют в создании новостного контента, превращая трансляцию новостей в социально-политическую коммуникацию [Черевко и др., 2018]. Социально-политическая повестка, транслируемая СМИ, формируется как совокупность актуальных социальных проблем, на которые власти готовы обратить внимание и способны реагировать. Новости социально-политического характера представляют собой «жанр», неизбежно сопровождающийся информацией правового характера, и их регулярный просмотр повышает правовую информированность. Не случайно чаще всего интерес к новостям проявляли респонденты категорий «Продвинутые» и «Опытные»: среди них в совокупности ответы «постоянно» и «время от времени» выбрали по 83% ответивших. Меньше всего этот показатель был у «Аутсайдеров» (48%), остальные категории оказались в промежуточном интервале 60–70%.

В ходе изучения влияния на правовую грамотность со стороны СМИ на фокус-группах выяснилось, что студенты практически не смотрят телевизор, основным источником информации являются социальные сети и мессенджеры (наиболее распространены «Ютуб» и различные телеграм-каналы). Информация при этом в основном воспринимается пассивно: студенты не склонны комментировать новости, ограничиваясь быстрыми реакциями на пост в виде лайков или анимированных эмодзи. Причиной, почему студенты не стремятся активно участвовать в дискуссиях, является низкая содержательность и гипервысокая эмоциональная насыщенность комментариев других пользователей: *«Там начинают прямо хейтить, не хочется с такими людьми разговаривать»* (Е., студент специальности «геология»); *«Зачем устраивать какие-то разборки, если ты все равно никому ничего не докажешь?»* (Ю., студентка специальности «менеджмент»). В ряде случаев респонденты не рискуют комментировать, опасаясь репрессий: *«Много историй, как тебя могут вычислить. У нас многие вещи контролируются. Вроде как и можно, у нас же демократическое государство, мы можем высказываться, а вроде как ты выскажешься, и тебя посадят. Диссонанс!»* (Т., студент специальности «геология»).

Влияние семьи. Различия между выделенными кластерами наблюдаются и в ответах о существовании в семье родителей практики обсуждения социально-политических и экономических тем. Такие обсуждения чаще происходили в группе «Опытных» (совокупность ответов «Да» и «Скорее да» – 71%). Примерно в равной степени аналогичные варианты выбирали «Средняки» (57%), «Продвинутые» (56%) и «Энтузиасты» (54%), значительно реже – «Неопытные» (45%) и «Аутсайдеры» (33%).

Ожидаемо наибольшее влияние испытывают студенты из семей, профессиональная деятельность членов которых связана с правом: *«У меня семья юристов: папа, сестра. Бабушка – нотариус. И всю мою жизнь моя семья отстаивала свои права, потому что она их знает. Я этому тоже училась, а теперь представляю, как это работает. Друзья постоянно обращаются ко мне за советом»* (В., студентка специальности «менеджмент»). Аналогичная ситуация и с семьями, где профессия родителей непосредственно не связана с правом, но способствует формированию правовой грамотности: *«Моя бабушка всю жизнь была заведующей магазина, и сейчас ее очень сложно в магазине обмануть. Она своим авторитетом и знанием в этой области может добиться того, чтобы ей вернули деньги или поменяли товар»* (В., студент специальности «геология»). В то же время семья способна формировать правовую грамотность не только позитивно, но и резко негативно: *«У меня в семье принято, если это касается финансовых каких-то нарушений, допустим, на рынке мама увидела, что подкладывают грузы, чтобы больше веса было. Она всегда говорит: ну кому-то нужнее, ну вот у них работа тяжелая, то есть у нее отношение такое...»*. На уточняющий вопрос модератора «это как в христианской заповеди: ударили по одной щеке – подставь другую?» студентка ответила: *«Да, теперь у меня тоже схожие представления, что не всегда нужно противодействовать»* (Д., студентка специальности «менеджмент»).

Влияние сферы образования. Положительные ответы об участии в обсуждении правовых вопросов в университете (на дисциплинах, не связанных с правом) выявили шестикратное превышение доли «Опытных» (64%) над «Аутсайдерами» (10%). У «Продвинутых» соответствующее значение составило 39%, у «Энтузиастов» – 31%, у «Середняков» – 30%, а у «Неопытных» – только 16%. Таким образом, систему образования можно считать весьма существенным фактором формирования правовой грамотности.

Фокус-групповые дискуссии показали, правда, что школьное образование практически не способствует формированию правовой грамотности. Все знания, связанные с правом, которые дают будущим студентам в школе, носят сугубо теоретический характер: «Просто на уровне терминов, чтобы знать, чтоб потом экзамен сдать» (Д., студентка специальности «менеджмент»); «У нас даже был предмет правоведение, но там разбирается только то, что пригодится на ЕГЭ. А о таких правах, которые бы намгодились в бытовой жизни, – этого нет или редко» (В., студент специальности «геология»). В вузе же у молодых появляется гораздо больше возможности получить правовые знания, чему во многом способствует включение элективных курсов в систему высшего образования: «Я вот на трудовое право ходила: очень интересно, там рассказывали, как устроиться на работу, как обманывают работодатели, документы составляли разные...» (В., студентка специальности «менеджмент»).

Выводы. Подводя итоги, отметим неполное подтверждение выдвинутых гипотез. Первое предположение – о более полной сформированной правовой грамотности у студентов по сравнению с населением – оказалось справедливо в основном для когнитивного компонента и правовых установок. В то же время правовые навыки у студенческой молодёжи оказались, как и следовало ожидать, менее развитыми в силу их возраста и низкой включённости в социально-экономические отношения. Есть и аспекты, «размывающие» различия между обследованными студентами и населением в целом: среди тех и других 40–50% оправдывают нарушение закона при определенных условиях (в частности, если его считают несправедливым).

Вторая гипотеза также подтвердилась только частично: воздействие СМИ оказалось менее значимым, чем предполагалось первоначально, – оно влияет на обследованных студентов слабее, чем семья и образовательная система. Отметим также неожиданную способность семьи формировать «отрицательную» правовую грамотность, когда студент, зная о нарушении своих прав, сознательно не противодействует этому.

Еще один предварительный вывод, который можно сделать по результатам исследования, – о высокой неоднородности студенчества с точки зрения их правовой грамотности. Кластеризация по шести группам с различной степенью выраженности компонентов правовой грамотности показала, что студенты с ее высоким уровнем («Опытные» и «Продвинутые») составили только четверть (26%) выборки.

Проведенный анализ необходимо рассматривать как поисковое исследование, результаты которого играют роль пилотажного проекта, подсказывая нетривиальные подходы для более репрезентативного изучения правовой культуры российского студенчества и общества в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондаренко М.В., Строева О.А. Правовые установки как детерминирующий фактор правомерного поведения субъектов права // Юридическая наука. 2018. № 3. С. 36–42.
- Воронин М.Ю., Моисеенко Л.В., Ускова Т.В., Викулина М.А. Некоторые особенности правосознания и правовой грамотности в России и за рубежом // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 4(92). С. 18–26.
- Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Правовые ценности современных россиян: приоритеты и противоречия // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 92–99.
- Черевко Т.С., Дунас Д.В., Толоконникова А.В. Новости в условиях интернетизации: анализ новостного потребления студентов // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2018. № 1. С. 3–25.

Статья поступила: 23.01.23. Финальная версия: 16.05.23. Принята к публикации: 10.06.23.

LEGAL CONSCIOUSNESS OF YOUTH STUDENTS (on the example of the Tyumen city)

VASSALATIY Zh.V.*, VERKHOTUROVA S.V.*, LOSEV S.G.*

*Tyumen State University, Russia

Zhanna V. VASSALATIY, *Cand. Sci. (Legal.), Assoc. Prof.* (z.v.vassalatij@utmn.ru); Svetlana V. VERKHOTUROVA, *Cand. Sci. (Legal.), Assoc. Prof.* (verxoturova00@mail.ru); Sergei G. LOSEV, *Cand. Sci. (Legal.), Assoc. Prof.* (losev.73@internet.ru). All – Tyumen State University, Tyumen, Russia.

Abstract. Legal literacy is considered as a complex of cognitive, activity and motivational components of the consciousness of student youth. Data is based on a questionnaire survey conducted in 2022 (N = 405). These results are compared with the data of the all-Russian survey “Legal Literacy of Russians” (2020), and supplemented by focus groups in the two largest universities in Tyumen. It was revealed that the students-respondents, in comparison with the population of Russia as a whole, have a more fully formed cognitive component and legal attitudes, but to a lesser extent – legal skills. Both among young and adult Russians, in certain situations, about half of the respondents consider breaking the law acceptable. The main institutions for the formation of legal literacy were the family and the education system, and to a lesser extent the media. Cluster analysis revealed six types of students with very different degrees of legal literacy. Types characterized by its high level accounted for only a quarter of the sample.

Keywords: legal literacy, legal awareness, student youth, social institutions.

REFERENCES

- Bondarenko M.V., Stroeve O.A. (2018) Legal attitudes as a determining factor in the lawful behavior of subjects of law. *Juridicheskaja nauka* [Legal Science]. No. 3: 36–42. (In Russ.)
- Cherevko T.S., Dunas D.V., Tolokonnikova A.V. (2018) News in the conditions of Internetization: analysis of students' news consumption. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika* [Bulletin of Moscow University. Ser. 10. Journalism]. No. 1: 3–25. (In Russ.)
- Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. (2020) Legal values of modern Russians: priorities and contradictions. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 92–99. (In Russ.)
- Voronin M.Yu. Moiseenko L.V., Uskova T.V., Vikulina M.A. (2021) Some features of legal consciousness and legal literacy in Russia and abroad. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. No. 4(92): 18–26. (In Russ.)

Received: 23.01.23. Final version: 16.05.23. Accepted: 10.06.23.

О.О. СЕКИЦКИ-ПАВЛЕНКО

ОЦЕНКА РОССИЯНАМИ МЕР ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ РОЖДАЕМОСТИ

СЕКИЦКИ-ПАВЛЕНКО Ольга Олеговна – младший научный сотрудник Института экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия (sekitski.pavlenko.oo@uiec.ru).

Аннотация. Анализируются мнения россиян о возможности влияния государства на число детей в семьях и оценки действенности мер государственной помощи на принятие решения семьями о рождении детей разной очередности. Сопоставление данных двух выборочных наблюдений репродуктивных планов россиян, проведенных Росстатом в 2017 и 2022 гг., демонстрирует стабильно высокий уровень социальных ожиданий помощи со стороны государства в вопросах рождаемости. Сравнение ответов мужчин и женщин в целом не позволяет указать на значимые различия в восприятии мер государственной демографической политики по полу. Также установлено, что дополнительные меры государственной помощи оказывают лишь незначительное влияние на принятие семьями решения о рождении первенца, но их роль усиливается при повышении очередности рождений.

Ключевые слова: демографическая политика • репродуктивные планы • рождаемость • помощь семьям с детьми • очередность рождений

DOI: 10.31857/S013216250026591-3

Постановка проблемы. Активная демографическая политика, проводимая РФ в последние десятилетия, поставила перед научным сообществом задачу оценки ее эффективности и результативности, особенно в части мер пронаталистской направленности. Эффективность реализации мер, направленных на увеличение рождаемости, зачастую оценивается уровнем достижения целевых показателей [Елизаров, 2018]. Для демографической политики, претендующей на успех, крайне важно, чтобы оценка эффективности не ограничивалась только набором формальных показателей, но и дополнялась учетом экспертного мнения и данными о реакции населения на реализуемые меры [Гончарова, 2021; Филоненко и др., 2015]. Рождаемость, как большинство демографических процессов, носит инертный характер, и любые трансформации в настоящем закладывают основу будущего демографического развития. По этой причине учет настроений общества представляет собой действенный инструмент в оценке эффективности проводимой демографической политики, позволяющий своевременно реагировать на изменения и производить корректировку задач. Поиск оптимальных рычагов управления общественными процессами, в том числе и демографическими, невозможен без социально-ориентированной направленности и учета общественного мнения [Ростовская, Золотарева, 2021].

Общественная оценка действенности мер пронаталистской направленности, принимаемых государством, может отражать как ожидания населения относительно помощи со стороны власти, так и косвенно свидетельствовать об уровне доверия к государству [Архангельский и др., 2017]. Оценка населением мер демографической политики в области рождаемости позволяет выявить барьеры в увеличении числа рождений, объясняет причины откладывания рождения детей разной очередности, и в целом показывает действенность пронаталистских усилий со стороны государства.

Эмпирическая база и метод исследования. Представленный анализ основан на материалах Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения (далее – РПН-2017¹ и РПН-2022²), проводимого Федеральной службой государственной статистики в рамках Федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам³. Дата проведения РПН-2017 – с 21.09.2017 г. по 06.10.2017 г., РПН-2022 – с 06.06.2022 г. по 23.06.2022 г. Единицей наблюдения являлось частное домашнее хозяйство и члены домохозяйств. Выборочное наблюдение в 2017 г. проводилось во всех субъектах Российской Федерации, в 2022 г. во всех субъектах, за исключением Чукотского и Ненецкого автономных округов. Охват выборки как в 2017, так и в 2022 г. составил 15 тыс. домохозяйств. Каждый респондент представлял одно домохозяйство. Опрашивались женщины в возрасте 18–44 года или мужчины в возрасте 18–60 лет. Сбор данных по Выборочному наблюдению осуществлялся на основании личного опроса интервьюером члена домохозяйства. Индивидуальный вопросник включал в себя 81 вопрос, результаты РПН были представлены Росстатом в виде пятидесяти двух итоговых таблиц.

Для целей нашего исследования мы воспользовались данными двух итоговых таблиц № 28 и № 52 (отдельно по РПН-2017 и по РПН-2022). Данные из итоговых таблиц представлены в двух сводных таблицах под № 1 и № 2. Основным методом исследования является сравнительный анализ удельного веса ответов респондентов. Автор сравнивала долю отдельных ответов между полами и изменение доли с 2017 по 2022 г.

Оценка возможности влияния государства на рождение детей в семьях. Подавляющее большинство российских семей как в 2017 г., так и в 2022 г. было уверено в том, что государство должно оказывать влияние на уровень рождаемости, и предъявляло государству

Таблица 1

Мнение о возможном влиянии государства на рождение детей в семьях в 2017 и 2022 годах, РПН-2017, РПН-2022, в %

С каким из трех мнений вы согласны в наибольшей степени?	2017	2022	Разница 2017/2022	2017	2022	Разница 2017/2022
	женщины			мужчины		
Государство должно помочь семье иметь столько детей, сколько она сама хочет	41	40,2	–0,8	39,0	38,8	–0,2
Если число детей в семьях слишком мало, то государство должно попытаться заинтересовать семьи иметь большее число детей, создав, естественно, и необходимые условия для этого	46,1	41,6	–4,5	45,6	39,5	–6,1
Государство ни в коей степени и никаким образом не должно влиять на рождение в семьях того или иного числа детей	12,9	18,2	5,3	15,4	21,7	6,3

¹ Федеральная служба государственной статистики. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения 2017. URL.: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html (дата обращения: 16.04.2023).

² Федеральная служба государственной статистики. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения 2022. URL.: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html (дата обращения: 16.04.2023).

³ Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения проведено во исполнение постановления Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2010 г. № 946 «Об организации в Российской Федерации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения», а также плана мероприятий по реализации в 2016–2020 гг. Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.

запрос на поддержку семей с детьми. Участники РПН либо разделяли идею о том, что «государство должно помочь семье иметь столько детей, сколько она сама хочет», либо были уверены в том, что «государство должно попытаться заинтересовать семьи иметь большее число детей» (табл. 1).

В 2022 г. суммарно такой позиции придерживалось 81,8% женщин и 78,3% мужчин. Сравнение с результатами РПН-2017 демонстрирует стабильно высокий уровень социального запроса российских семей на помощь со стороны государства при некотором, достаточно небольшом сокращении доли тех, кто уверен, что государство не только должно помочь семьям реализовать свои репродуктивные планы, но и делать все, чтобы заинтересовать их иметь большее число детей.

В то же время в 2022 г. актуализируется и тенденция противоположной направленности: более многочисленной становится доля тех, кто считает, что «государство ни в коей степени и никаким образом не должно влиять на рождение в семьях того или иного числа детей». В 2022 г. такой точки зрения придерживалось 18,2% женщин и 21,7% мужчин, по сравнению с 2017 г. рост удельного веса этой подгруппы среди женщин составил 5,3% и 6,3% – среди мужчин. Можно отметить, что мужчины в несколько большей степени ориентированы на независимость и автономность от государства в сфере планирования семьи.

Влияние дополнительных мер государственной помощи на решение о рождении детей разной очередности. Еще одним вопросом, характеризующим оценку респондентами демографической политики, стал вопрос о «влиянии дополнительных мер государственной помощи семьям с детьми на решение о рождении ребенка после 1 января 2007 г.» (табл. 2). Необходимо уточнить, что с 1 января 2020 г. материнский капитал стал предоставляться семьям, родившим первого ребенка, что актуализирует вопрос о том, насколько данная мера оказалась способна стимулировать рождение первенца.

Можно предполагать, что наименее существенное воздействие меры дополнительной помощи оказывают на решение о рождении в семьях первого ребенка. Так, и в 2017, и в 2022 гг. более половины опрошенных женщин (55,8 и 53,9% соответственно) высказали мнение, что дополнительные меры не помогли им принять решение о рождении первенца. Подобная ситуация прослеживается в ответах мужчин. Нельзя не обратить внимания на тот факт, что удельный вес подгруппы, указывающей, что дополнительные меры государственной поддержки оказали решающее воздействие на принятие решение о рождении первого ребенка, «которого до этого семья не могла себе позволить», незначителен и практически не меняется по отношению к 2017 г. В 2022 г. он составлял 12,7% среди женщин и 13,8% среди мужчин.

Относительно невелик удельный вес подгруппы, представителям которой дополнительные меры помогли в реализации отложенного рождения первого ребенка, – в 2022 г. он составлял 24,6% среди женщин и 24,4% среди мужчин. Однако именно в этой подгруппе прослеживается максимальный рост по сравнению с 2017 г. – на 8,3% как среди женщин, так и среди мужчин.

В случае со вторым и третьим детьми относительное большинство участников РПН также утверждает, что дополнительные меры государственной поддержки «никак не помогли» им принять решение о рождении ребенка, однако доля этой подгруппы по сравнению с решением о рождении первенца существенно снижается при увеличении удельных весов двух других подгрупп – тех, кто указывал на отложенные рождения, и тех, кто признавал, что такие меры сделали рождение очередного ребенка в принципе возможным. Указание на отложенные рождения второго и третьего ребенка под влиянием дополнительных мер государственной поддержки – вторая по удельному весу позиция, ее по результатам РПН-2022 придерживается каждый третий – как среди женщин, так и среди мужчин. Сравнение с результатами РПН-2017 указывает на заметный рост оценок, связанных с отложенными рождениями, такой рост фиксируется как по первым, так и по вторым и по третьим детям и наблюдается как в ответах женщин, так и в ответах мужчин.

Таблица 2

Самооценка респондентами влияния дополнительных мер государственной помощи семьям с детьми на решение о рождении ребенка после 1 января 2007 г., РПН-2017, РПН-2022, в %

Помогло ли вам принять решение о рождении ребенка то, что начали реализовываться дополнительные меры государственной помощи семьям с детьми?								
Очередность рождения ребенка	2017				2022			
	Помогло, появился ребенок, рождение которого до этого откладывали	Эти меры помогли принять решение о рождении ребенка, которого без этого не могли себе позволить	Не помогло	Трудно сказать	Помогло, появился ребенок, рождение которого до этого откладывали	Эти меры помогли принять решение о рождении ребенка, которого без этого не могли себе позволить	Не помогло	Трудно сказать
Женщины								
Первый	16,3	11,5	55,8	16,4	24,6	12,7	53,9	8,8
Второй	28,7	15,6	44,0	11,7	32,5	16,1	43,5	7,9
Третий	29,3	19,5	39,3	11,9	34,0	17,4	39,3	9,3
Мужчины								
Первый	16,1	12,7	54,6	16,6	24,4	13,8	52,9	8,9
Второй	25,2	14,3	46,3	14,2	31,2	18,2	43,3	7,3
Третий	25,3	14,3	45,3	15,1	32,1	16,6	46,4	4,9

Примечание. На вопрос отвечали только те респонденты, у кого после 1 января 2007 г. родился ребенок (дети). Респондентам предлагалось четыре варианта ответа.

Прямое стимулирующее воздействие дополнительных мер государственной поддержки на решение о рождении второго или третьего ребенка в случае своей семьи готова признать относительно небольшая доля участников РПН – в пределах 16,1–18,2% по данным 2022 г. Значимых различий в распределении ответов женщин и мужчин нет. Сравнение с 2017 г. указывает на незначительный рост данной подгруппы среди мужчин.

Важно отметить также, что в 2022 г. по сравнению с 2017 г. существенно, по некоторым позициям в два раза, сократилась доля россиян, испытывающих затруднения с ответом на вопрос о влиянии дополнительных мер государственной поддержки на принятие ими решения о рождении ребенка. Можно предположить, что данная тенденция указывает на то, что помощь государства к настоящему времени стала существенным фактором формирования репродуктивных планов россиян и принимается ими в расчет как привычная, определенная, гарантированная преференция.

Выводы. По итогам РПН-2017 и РПН-2022 можно отметить определенную кристаллизацию мнений россиян по вопросам государственной политики по стимулированию рождаемости. На это указывает устойчивость позиций при сокращении удельного веса неопределенных оценок.

Доминирующая позиция россиян стоит в том, что уровень рождаемости и помощь семьям с детьми – это сфера непосредственной ответственности государства. Устойчива

и имеет определенную тенденцию к росту и противоположная позиция – «государство ни в коей степени и никаким образом не должно влиять на рождение в семьях того или иного числа детей» – ее разделяют около 20% участников РПН-2022.

Реализация дополнительных мер государственной помощи семьям с детьми почти не оказывает влияния на решение о рождении первого ребенка, но в то же время может ускорить отложенное рождение как первенца, так и второго, и третьего ребенка. С увеличением очередности рождения возрастает необходимость государственной помощи семьям с детьми, особенно в части стимулирования рождений вторых и третьих детей.

Сравнение удельных весов ответов женщин и мужчин по результатам РПН-2017 и РПН-2022 не выявило существенных различий в их оценках – как в части содержания социального запроса по отношению к государству, так и в части самооценки влияния дополнительных мер государственной поддержки на принятие решения о рождении ребенка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архангельский В.Н., Зинькина Ю.В., Коротаев А.В., Шульгин С.Г. Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 43–50.
- Гончарова Н.П. Проблемы результативности российской демографической политики в оценках экспертов // Ученые записки Алтайского филиала РАНХиГС. 2021. № 19. С. 14–19.
- Елизаров В.В. Целевые показатели демографического развития России на 2024 год: поможет ли опыт недавнего прошлого в их достижении? // Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. Т. 211. № 3. С. 322–350.
- Ростовская Т.К., Золотарева О.А. Оценка значимости мер демографической политики в области рождаемости: мнения мужчин и женщин России (по результатам социологического исследования) // Женщина в российском обществе. 2021. № 3. С. 47–52. DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.4.
- Филоненко В.И., Магранов А.С., Понеделков А.В. Демографическая политика России в оценках населения и экспертов Ростовской области // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 74–79.

Статья поступила: 18.05.23. Принята к публикации: 14.06.23.

RUSSIANS' ASSESSMENT OF DEMOGRAPHIC POLICY MEASURES IN THE FIELD OF FERTILITY

SEKICKI-PAVLENKO O.O.

Institute of Economics of UB RAS, Russia

Olga O. Sekicki-Pavlenko, Junior Researcher, Institute of Economics of UB RAS, Ekaterinburg, Russia (sekitski.pavlenko.oo@uiec.ru).

Acknowledgements. The article was carried out as part of the research work on the state assignment of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2021–2023.

Abstract. This article presents a comparative analysis of the opinion of Russians on fertility issues for 2017 and 2022. In particular, the issues of the influence of the state on the number of children in families and the effectiveness of state support when families decide on the birth of a child (children) are considered. According to the results of the study, it was found that the level of expectation of assistance by the population from the state is quite high. At the same time, there is an increase in the proportion of respondents who consider any state influence on the number of children in families unacceptable. It was also found that state assistance measures do not have a great influence on the decision to have the first child, but their role increases with the growth of the birth order.

Keywords: demographic policy, fertility, reproductive plans, support for families with children, birth order.

REFERENCES

- Arkhangelsky V.N., Zinkina Yu.V., Korotaev A.V., Shulgin S.G. (2017) Modern fertility trends in Russia and the impact of state support measures. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 43–50. (In Russ.)
- Elizarov V.V. (2018) Target indicators for Russia's demographic development for 2024: will the experience of the recent past help in achieving them? *Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. Vol. 211. No. 3: 322–350. (In Russ.)
- Filonenko V.I., Magranov A.S., Ponedelkov A.V. (2015) Demographic policy of Russia in the assessments of the population and experts of the Rostov region. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 74–79. (In Russ.)
- Goncharova N.P. (2021) Problems of the effectiveness of Russian demographic policy in expert assessments. *Uchenye zapiski Altaiskogo filiala RANHiGS* [Scientific notes of the Altai branch of the RANEPa]. No. 19: 14–19. (In Russ.)
- Rostovskaya T.K., Zolotareva O.A. (2021) Assessment of the significance of demographic policy measures in the field of fertility: opinions of men and women in Russia (according to the results of a sociological study). *Zhenschcina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian society]. No. 3: 47–52. DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.4. (In Russ.)

Received: 18.05.23. Accepted: 14.06.23.

© 2023 г.

ОТ РЫНКА ТРУДА К РЫНКУ ЗАНЯТОСТИ: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

VII Санкт-Петербургский Международный форум труда, состоявшийся 15–17 марта 2023 г. в Санкт-Петербурге, акцентировал внимание на вопросах занятости, функционирования рынка труда и оптимизации трудовых отношений в новых реалиях. Центральными темами стали продвижение новых идей, механизмов и инструментов государственной политики в области занятости населения, выработка стратегии развития социально-трудовой сферы в условиях глобальной турбулентности. Мероприятия Форума проходили в форматах пленарных сессий, заседаний, конференций, панельных дискуссий, секций, круглых столов, постерных сессий, мастер-классов и практикумов, в которых участвовали более 5 тыс. человек. География участия – свыше 40 городов России и зарубежья.

Социальная проблематика традиционно доминировала в большинстве мероприятий. Так, на Международной научной конференции «Роль работодателя в подготовке квалифицированных кадров (X Пашковские чтения)», организованной СПбГУ в рамках Форума, ключевой идеей стало определение социально-правовой роли и ответственности работодателя в системе подготовки кадров РФ. На пленарном заседании выступили **А.М. Куренной** (МГУ им. М.В. Ломоносова), **М.Ю. Лаврикова** (СПбГУ), **Ю.С. Сергеев** (СЮА) и др., затронувшие вопросы оценки эффективности законодательства, регулирующего отношения по подготовке кадров и роли работодателей в формировании образовательных программ вузов.

Большой интерес вызвала Международная научно-практическая конференция «Регулирование международных миграционных процессов на территории государств-участников СНГ», в которой приняли участие представители профильных министерств и служб РФ, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана. Среди обсуждаемых вопросов были: социально-экономические и демографические тенденции неквалифицированной и низкоквалифицированной трудовой миграции; соответствие профессий и квалификации трудовых мигрантов требованиям рынка труда и запросам работодателей, а также организационно-правовое и социальное сопровождение участников трудовой миграции.

Наиболее остро обсуждаемыми на треке «Макро» стали вопросы качества трудовых ресурсов в условиях дестандартизации занятости, влияния дистанционной занятости на удовлетворенность работой. В частности, в рамках данного мероприятия прошла дискуссия «Дестандартизация занятости в условиях переформатирования экономики», на которой выступили **В.Н. Бобков** (ИЭ РАН, РЭУ им. Г.В. Плеханова), **Т.Н. Долинина** (БГТУ, Беларусь) **Л.И. Смирных** (НИУ ВШЭ), **И.В. Соболева** (ИЭ РАН) и др. В докладе **А.В. Попова** и **Т.С. Соловьевой** (оба – ВШЭ РАН), вызвавшем наибольший интерес у участников, акцентировалась проблема структурных изменений, происходящих в городской и сельской занятости России. Участники сконцентрировали свое внимание на глобальной трансформации, происходящей в экономике и обществе, определив ее как «Макрошоки 2022 года». Под их влиянием происходит преобразование самих трудовых отношений, с характерным для них трендом «сжатия» стандартной модели занятости.

Трек «HR-технологии и HR-практики» объединил несколько мероприятий, среди которых секция «Устойчивость персонала и развитие команд в турбулентной бизнес-среде», интерактивный круглый стол «Карьерные траектории женщин в условиях

неопределенности», круглый стол «Стратегическое управление человеческими ресурсами в условиях новых вызовов внешней среды», научный *standup* «HR-вызовы современности». Основными темами для обсуждения стали трансформация управления человеческими ресурсами с нацеленностью на устойчивость; внедрение показателей эффективности труда для концентрации командной работы в период неопределенности; связывание стратегий управления человеческими ресурсами и бизнес-моделей организаций и др. Были сделаны выводы о том, что нарушения коммуникации с иностранными партнерами, динамика рынка труда, изменение культуры организации, релокация сотрудников – наиболее острые проблемы, с которыми сталкивается HR в настоящий момент. В связи с этим необходимо формировать устойчивость команд и персонала, разрабатывать и внедрять инструменты адаптации к постоянно меняющейся организационной среде. Повышенный интерес участников вызвал доклад **Т.Ю. Базарова** (МГУ им. М.В. Ломоносова), в котором отмечалась смена парадигмы восприятия управленческой цели с формального описания идеализированного результата на процесс взаимного соотношения образа результата и действий по его достижению в условиях меняющейся среды и различие между неизвестностью и неопределенностью. Также оживленная дискуссия состоялась по теме выступления **Е.А. Матвеевой** (ООО «Газпром инвест» «Северо-Запад»), где докладчик предложила яркий и понятный пример интеграции сотрудников в корпоративную жизнь, создания среды для формирования традиций раскрытия и реализации их талантов, управления событиями, развития у персонала креативности и гибкости к изменениям.

Трек «Векторы и траектории развития образования» вообрал в себя проблематику, связанную с санкционной политикой в отношении российского образования. Обсуждались пути и способы преодоления влияния санкций; традиционные образовательные потенциалы и ресурсы университетского образования в современной ситуации; формирование мировоззренческих позиций студенчества и нацеленность подготовки на решение злободневных и перспективных социально-политических, социально-экономических и научно-технологических проблем. Трек был представлен такими мероприятиями, как: круглый стол «Компетентностная модель выпускника: анализ целей и результатов обучения», городской социологический семинар «Университетское образование в многополярном мире: ориентации, векторы и траектории развития», круглый стол «Проблемы и перспективы интеграции университетов новых российских регионов в систему образовательных институтов России», круглый стол «Человеческий капитал ИТ-специалистов: практики разрешения противоречий социальной и профессиональной зрелости» и др. Наиболее интересными докладами отметились **О.А. Никифорова** (СПбГУ), **М.Ю. Лаврикова** (СПбГУ), **В.В. Зырянов** (МГУ им. М.В. Ломоносова), **И.И. Елисеева** (СИ ФНИСЦ РАН) и др. Общим выводом, к которому пришли участники, стала необходимость стимулирования разработки и освоения новых принципов и подходов к образовательной и воспитательной деятельности университетов, пересмотр отживших моделей обучения.

На Форуме традиционно был представлен ряд социологических научных мероприятий. В первую очередь отметим научную сессию «Инновативные ресурсы и траектории работников в современных условиях деконверсии сферы труда», организованную ИК «Социология труда» РОС. Основным проблемным полем для обсуждения стали условия реализации интеллектуального потенциала трудоспособного населения. Было определено, что новая реальность предполагает поиск особых моделей инновационной политики в связи с накопившимися проблемами на рынке труда, в занятости и профессиональном образовании. Краеугольной проблемой является выявление соответствия ресурсов и стратегий населения потребности государства в устойчивом развитии трудовой сферы. На протяжении двух дней работы сессии 27 спикеров высказывали свою позицию по данному и другим вопросам. **Г.П. Бессокирная** (ИС ФНИСЦ РАН) на результатах исследований разных лет показала, что перспективы развития инновационного поведения рабочих определены условиями для их самореализации в сфере труда, обеспечением сбалансированности между их ожиданиями от работы и реальной производственной ситуацией.

С.Г. Климова (ИС ФНИСЦ РАН) обосновала необходимость совершенствовать законодательство, связанное с охраной прав автора при создании служебных произведений, патентного права и пр., создавать профессиональные сети для новаторов в условиях гибкой занятости и менять короткие трудовые отношения на бессрочные контракты с определением линий карьеры. В своем докладе **З.Х.-М. Саралиева** (ННГУ им. Н.И. Лобачевского) подчеркнула, что создание условий достойного труда и вовлечение сотрудников в активное участие в проектах должны стать приоритетными направлениями для компаний и организаций. Эта идея была поддержана докладом **А.Л. Темницкого** (МГИМО), в котором были выделены три фактора сохранения потенциала инновативности у российских работников: материальное благополучие; гарантии ценности индивидуальной свободы; уверенность в лучшем будущем. На сессии докладчики (**Т.В. Гаврилюк** (ТГУ), **Н.Д. Коленникова** (ИС ФНИСЦ РАН), **Е.М. Колесникова** (ИС ФНИСЦ РАН), **И.П. Попова** (ИС ФНИСЦ РАН) и др.) коснулись также тем, проблематизирующих современную инновационную стратегию в разных сферах: производстве, образовании, науке, управлении кадрами.

Не меньший интерес вызвал круглый стол «Социальные резервы производительности труда: стимулирование, приспособление, имитация», организаторами которого выступили СПбГУ, РГГУ, Институт экономики РАН, Институт социологии ФНИСЦ РАН, ЮФУ, ИНИОН РАН. На мероприятии обсуждались вопросы видов и методов стимулирования труда как в России, так и за рубежом, оценки производительности труда в российской статистике, роли образования в росте производительности труда. Наибольший интерес аудитории вызвали выступления **В.Н. Бобкова** (ИЭ РАН), **Е.В. Одинцовой** (РЭУ им. Г.В. Плеханова), **А.Н. Покиды** (РАНХиГС) и **В.В. Карачаровского** (НИУ ВШЭ), **М.Н. Гурулевой** (НИУ ВШЭ). Общим лейтмотивом выступлений стала идея осмысления традиционных и поиска новых инструментов для повышения производительности труда в современных условиях. В частности, в своем докладе чл.-корр. РАН **Ж.Т. Тощенко** (РГГУ) подчеркнул, что образование было и всегда останется важнейшим ресурсом роста производительности труда, особенно в условиях постиндустриального развития. Также обсуждение коснулось результатов многочисленных социологических исследований, проведенных участниками круглого стола, предметом которых стали производительность и мотивация труда в различных профессиональных группах.

Подводя итоги прошедших мероприятий, следует подчеркнуть, что Форум труда 2023 продолжил традиции междисциплинарного погружения в проблемы труда как общественного явления, привлекая внимание специалистов науки, бизнеса и представителей некоммерческого сектора. Социологическая тематика оказалась представленной в значительной части мероприятий Форума, была подтверждена востребованность социологических исследований в решении теоретических и практических проблем современной социально-трудовой сферы.

Р.В. КАРАПЕТЯН, Е.Е. ТАРАНДО

КАРАПЕТЯН Рубен Вартанович, к. экон. н., доц. (r.karapetyan@spbu.ru); ТАРАНДО Елена Евгеньевна, д. экон. н., доц., проф. (e.tarando@spbu.ru). Оба – кафедра экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

FROM THE LABOR MARKET TO THE EMPLOYMENT MARKET: A NEW REALITY

DOI: 10.31857/S013216250026592-4

Ruben V. KARAPETYAN, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. (r.karapetyan@spbu.ru); Elena E. TARANDO, Dr. Sci (Econ.), Assoc. Prof., Prof. (e.tarando@spbu.ru). Both – Department of Economic Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

© 2023 г.

ИННОВАТИВНЫЕ РЕСУРСЫ И ТРАЕКТОРИИ РОССИЙСКИХ РАБОТНИКОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В рамках VII Санкт-Петербургского Международного форума труда 16–17 марта 2023 г. состоялась научная сессия на тему: «Инновативные ресурсы и траектории российских работников в современных условиях деконверсии сферы труда». Подготовку программы сессии, как и в прежние годы, взяли на себя члены ИК «Социология труда» РОС: **В.Ю. Бочаров** (Самарский ун-т, СИ ФНИСЦ РАН), **Р.В. Карапетян** (СПбГУ), **С.Г. Климова** (ИС ФНИСЦ РАН), **А.В. Попов** (ВолНЦ РАН), **З.Х.-М. Саралиева** (ННГУ), **И.Л. Сизова** (СПбГУ), **А.Л. Темницкий** (ИС ФНИСЦ РАН, МГИМО), чл.-корр. РАН **Ж.Т. Тощенко** (РГГУ, ИС ФНИСЦ РАН). В работе сессии приняли участие исследователи, представляющие прикладную, академическую и университетскую науку из Кемерово, Москвы, Набережных Челнов, Нижнего Новгорода, Минска, Самары, Санкт-Петербурга, Тюмени, Ульяновска, Уфы.

Цель сессии: обсудить институциональные и контекстуальные условия для реализации интеллектуального потенциала трудоспособного населения России. Новая парадигма суверенного экономического развития страны делает необходимым поиск особых моделей инновационной политики в связи с научной и технологической изоляцией России от недружественных западных стран; накопившимися проблемами в сфере занятости и профессионального образования. Соответственно, важно выяснить, насколько и в каких аспектах ресурсы российских работников и их стратегии на рынке труда соответствуют запросу государства на инновативное развитие. Сейчас нужны не только значительные капиталовложения в инновационную инфраструктуру, но и стимулирование творческого труда как в элитном, так и в массовом сегменте занятости.

Анализ динамики параметров инновативного поведения на основе трех общероссийских исследований позволил **А.Л. Темницкому** (ИС ФНИСЦ РАН, МГИМО) оценить перемены в установках российских работников за последние 20 лет. Он обнаружил рост распространенности установок на проявление инициативы, предприимчивости, поиск нового в работе и жизни. Одновременно в группе инноваторов зафиксированы более явные и отличающие их от антиподов-«традиционалистов» уверенность в будущем и ценность индивидуальной свободы. Согласуются с этими данными результаты исследований, проведенные **С.Г. Климовой** (ИС ФНИСЦ РАН) за этот же период, но с помощью других методических инструментов. Ее выводы касаются не динамики ценностных установок, а изменений реального поведения. В докладе говорилось, что российские работники «приватизировали» не только свои знания и возможность выбора объекта приложения своих навыков, но и круг профессионального общения. Анализ и выводы С.Г. Климовой касаются необходимых изменений институциональных условий, которые сейчас стимулируют, а чаще вынуждают индивидуализированное трудовое поведение, в том числе и в группе инноваторов.

Приватизация собственных знаний и навыков – довольно типичная стратегия российских работников в ситуациях, когда они принуждены обстоятельствами или начальством делиться своими наработками. Однако, как свидетельствует доклад **Л.М. Чеглаковой** (НИУ ВШЭ), в последнее время усилия работодателей и чиновников корректируют ситуацию. Возрождается не только прежний опыт наставничества, но и институционализируется профессиональный статус наставников, что приводит, помимо роста квалификации молодых работников, и к ощущаемой корпоративной солидарности. Вместе с тем культура «свободного творчества» наставников встречает сопротивление «эффективных менеджеров» в стремлении последних к тотальной регламентации.

Особый аспект темы включенности профессионалов в процессы инноваций проанализирован в докладах **И.И. Фроловой** (Набережночелнинский ф-л КИУ), **А.П. Соловей** (ИС НАН Беларуси), **И.П. Поповой** (ИС ФНИСЦ РАН), посвященных труду ученых.

В частности, в докладе И.П. Поповой получила обстоятельную разработку тема карьеры ученого. При этом нетривиальным оказался исследовательский фокус анализа: на взаимодействии личностных особенностей ученых и социального контекста. Элемент контекста – формальные показатели эффективности работы ученого, которые часто не совпадают с сущностью научной деятельности.

Противоположная ученым группа по многим параметрам – рабочие. Но и в этой группе обнаружены похожие проблемы. **Ю.В. Андреева** и **Е.Л. Лукьянова** (УлГУ) использовали данные качественных исследований для концептуализации своих выводов. Авторы обнаружили паттерны трудового поведения молодых рабочих Ульяновска, характерные и для других групп наемных работников: индивидуализм, ориентация на образование, освоение инновационных стратегий и видов занятости. Препятствуют раскрытию потенциала этой социально-профессиональной группы, по мнению ульяновских ученых, неадекватные вызовы времени, архаичные нормы и управленческие практики, которые несут новые риски для молодых рабочих.

Г.П. Бессокирная (ИС ФНИСЦ РАН) продолжила тему инновативного поведения российских рабочих, представив результаты изучения их инновативных практик. Данные о том, что рабочие-инноваторы чаще других удовлетворены работой на предприятии, материальным положением и жизнью в целом, свидетельствуют, что стимулирование инновативной деятельности сказывается положительно не только на производстве, но и на качестве жизни людей.

Доклад **И.Л. Сизовой** и **Е.Д. Елагиной** (СПбГУ) был посвящен анализу компетенций работников в условиях социально-экономической неопределенности, характерной для современности. По мнению авторов, в таких условиях система профессиональной подготовки становится все более абстрактной, сосредоточенной на передаче выпускникам ключевых квалификаций. В то же время предполагается, что личностные качества работники должны развивать самостоятельно. Формируется рыночная модель «профессии», в которой акцентируются краткосрочные квалификации.

Н.С. Орлова (СПбГУ) на основе материалов глубинных интервью с работодателями представила доклад о цифровой компетентности современных городских работников. Она делает вывод, что, несмотря на всеобщую востребованность цифровых компетенций, важными остаются профессиональные знания работников.

Особенностям социально-профессионального положения самозанятых был посвящён доклад **Ю.В. Васькиной** (Самарский ун-т, СИ ФНИСЦ РАН). Специфика этой группы в том, что она образовалась благодаря совпадению интенций трех субъектов. Власть разработала и приняла Закон о налоге на профессиональный доход, который не противоречил желанию работодателей сэкономить на налогах. Работники тоже были не прочь более свободно распоряжаться своим рабочим временем. Но «получилось как всегда»: эта практика, наряду с плюсами, стала сопровождаться проблемами, которые анализировались в докладе.

Разные аспекты проблем образования, его связи с потребностями производства и инновативным поведением работников присутствовали в значительной части докладов, что неудивительно, если учитывать заявленную тему сессии и преобладание университетских ученых. Это тематическое направление оказалось воплощенным в наиболее законченном виде с точки зрения практической значимости, научной обоснованности и содержательной завершенности проекта в докладе **Н.Ф. Апаринной** (КемГУ), **К.И. Васильева** и **И.Н. Ковалевской** (КРИПО). Новаторским можно считать практическое описание профессиональной функции социолога как социального интегратора в решении задачи объединения интересов производственных отраслей и образования; выпускников учебных заведений разного уровня и профиля и предприятий; региональных властей и жителей. Авторы предъявили организационные и экономические алгоритмы решения этой задачи, которые воплощаются в жизнь на предприятиях девяти отраслей Кузбасса.

Спорная тема – сочетание совместного обучения студентов разных специальностей с обучением по индивидуальным образовательным траекториям (ИОТ) в соответствии с выбранной специальностью – нашла отражение в докладе **Т.В. Гаврилюк** (ТюмГУ). На основе анализа данных опроса студентов и преподавателей автор делает вывод о том, что «смешанное обучение» не только затрудняет профессиональную идентификацию, но и лишает преимуществ фундаментального образования по своей специальности, делает профессиональную подготовку «легковесной».

Е.Н. Колесникова (ИС ФНИСЦ РАН) представила доклад о похожих образовательных технологиях в школе. Поскольку школьники – это будущие студенты, доклад вызвал немалый интерес участников, тем более что исследование было международным, проведенным в 26 странах. STEM-образование – это обучение школьников не по предметам, а по предметным областям: естественные науки, технология, инженерия, математика, искусство, гуманитарные дисциплины. Исследование обнаружило большую готовность учащихся STEM-классов, по сравнению с обычными, связать свою будущую профессию с профориентационным профилем школьного обучения.

Проблемы студентов и их педагогов, работников и их наставников в городах и регионах России рассматривались в большинстве докладов, но некоторые обобщенные выводы о региональных различиях сделала только **Н.Д. Коленникова** (ИС ФНИСЦ РАН). Она использовала классификацию РМЭЗ НИУ ВШЭ, позволяющую рассматривать зоны «большой», «промежуточной» и «малой» России. Отмечены общие тенденции: деиндустриализация занятости; отсутствие перспектив роста производительности труда в производственном секторе; стабилизация занятости в сфере услуг; расширение сферы применения нефизического труда средней квалификации. Ключевые риски такого развития занятости для России, по ее мнению, это проблемность перспектив дальнейшего технологического развития России в целом. Тенденции для «промежуточной» и «малой» России – это стагнация, медленное обновление, перманентное отставание от центра, потеря работников в производственных секторах.

Тему институциональных условий, производственных регламентов и практик, влияющих на инновативную активность российских работников, запросов инноваторов к этим условиям в организациях анализировали **З.Х.-М. Саралиева** и **Л.Н. Захарова** (ННГУ). На основании анализа типов трудового поведения они предложили принципы организационной культуры инновативности, включающие в комплекс стимулов инновативного труда не только деньги, но и другие важные для инноваторов измерения: социально-коммуникативное, юридически-институциональное, статусное и смысловое. Важность этого вывода подтверждает и развивает и их коллега **С.Л. Ивановский** (ННГУ). Изучение инновативных ресурсов и потребностей современной сферы труда привело его к выводу о необходимости системной политики, принимающей во внимание различия ценностных установок и качеств молодежи с учётом национальных приоритетов.

Село не часто оказывается в сфере интересов социологов, входящих в ИК «Социология труда» РОС. Однако в сфере занятости жителей сельских поселений идут процессы, сходные с теми, которые мы фиксируем в городских сферах занятости. Этот факт продемонстрировала **М.Н. Муханова** (ИС ФНИСЦ РАН). Её доклад об инновационном потенциале работников сельского хозяйства свидетельствует, что эта отрасль в России стала не только самой производительной, но и самой капиталоемкой, наукоемкой, технически оснащенной и высокоиндустриальной в экономике России.

Единственным оказался и доклад, посвященный социологическим методам исследования инновативных процессов на производстве, представленный **В.Ю. Бочаровым** (Самарский ун-т, СИ ФНИСЦ РАН). Он вызвал большой интерес участников, что позволяет сделать вывод о том, что нашему сообществу следует посвятить методическим вопросам специальную конференцию.

Участники научной сессии пришли к выводу, что перемены в сфере труда и проблемы эффективного использования инновативного потенциала современных российских

работников требуют дальнейшего изучения не только на прикладном уровне эмпирических исследований, но и в плане разработки теоретико-методологических положений в рамках формирующейся новой концепции социологии труда в условиях информационного общества. При этом в практическом плане важно, что для восстановления утраченных производств и сфер деятельности в условиях суверенного развития России необходимы не только значительные инвестиции и мотивирование творческого труда во всех сегментах занятости, но и комплексное развитие профессиональных компетенций.

В.Ю. БОЧАРОВ, С.Г. КЛИМОВА

БОЧАРОВ Владислав Юрьевич, к. социол. н., доц., Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королёва; ассоц. науч. сотр., Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Самара, Россия (vlad.bocharov@gmail.com); КЛИМОВА Светлана Гавриловна, к. филос. н., вед. науч. сотр., Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (sgklimova@mail.ru).

INNOVATIVE RESOURCES AND TRAJECTORIES OF RUSSIAN EMPLOYEES IN MODERN CONDITIONS

DOI: 10.31857/S013216250026593-5

Vladislav Yu. BOCHAROV, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev; Assoc. Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS, Samara, Russia (vlad.bocharov@gmail.com); Svetlana G. KLIMOVA, Cand. Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (sgklimova@mail.ru).

© 2023 г.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ БАЗОВЫЙ ДОХОД КАК ИНСТРУМЕНТ БОРЬБЫ С НЕРАВЕНСТВОМ

Базовый доход – одна из тем, набирающая популярность в контексте социальных и технологических трансформаций. Основным аргументом концепции базового дохода являются предполагаемые массовая автоматизация и роботизация производств и сферы услуг, ликвидирующие, по прогнозам, в ближайшие годы значительное число рабочих мест и профессий, что неизбежно вызовет массовую безработицу. Помимо технологического прогресса сохраняются тренды постиндустриализации и глобальной массовой миграции. Актуализация исследовательского интереса к данной проблематике обусловлена и растущим социальным неравенством, несправедливостью распределения социальных и национальных благ, забвением интересов рядовых граждан и их стремления к благосостоянию и справедливости.

Научному осмыслению и обсуждению этой концепции было посвящено заседание Научного совета ООН РАН «Новые идеи в социологической теории и социальной практике», прошедшее 13 февраля 2023 г. в Институте социологии ФНИСЦ РАН. С докладом «Универсальный базовый доход (УБД): шанс для России?» выступил проф. **В.Н. Бобков** (ИЭ РАН, Москва). Основными дискуссантами были **А.В. Андрееenkova** (ЦЕССИ, Москва) и **А.В. Золотов** (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород). В заседании Совета приняли участие свыше 50 отечественных и зарубежных ученых из Екатеринбурга, Москвы, Новосибирска, Луганска, а также из Армении, Беларуси, Кыргызстана, Германии.

Представленный доклад – результат масштабного исследования возможностей применения в социальной политике специальной выплаты – УБД¹. Исследование включало

¹ Подробнее см.: Универсальный базовый доход: шанс для России? / Отв. ред. В.Н. Бобков; ред. Е.В. Одинцова. М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2022. 360 с.

опрос экспертов ($N = 52$), представляющих бизнес-сообщество, профсоюзные организации, органы государственного и муниципального управления, академических и вузовских исследователей, и массовый опрос ($N = 1210$) уязвимых категорий населения (малоимущие семьи, выпускники ссузов, неустойчиво занятые).

В.Н. Бобков подчеркнул, что начиная с 2010-х гг. отечественные исследователи начали заниматься изучением УБД, опираясь на имеющиеся зарубежные наработки. Основными критериями УБД являются *универсальность* – социальная выплата предназначена для всех граждан, без исключения, независимо от социального положения; *базовость*, т.е. выплата не привязана к уровню доходов граждан, скорее является базой формирования остальных источников доходов, при этом не исключая их. Также учитывается, что выплата может быть: а) денежной; б) регулярной; в) индивидуальной.

Докладчик указал причины, побуждающие к введению УБД. (1) Технологическая – замещение труда во многих сферах деятельности, у человека будут средства для жизни, а освободившееся время можно использовать на развитие или освоение новых профессиональных навыков. По мнению Бобкова, этот аспект пока для России не актуален, поскольку технологическая составляющая производства пока развита не в полной мере. (2) Распространение нестандартной занятости ведет к тому, что работники теряют часть социальных гарантий, повышается риск попадания человека в социальную изоляцию и утраты возможности обеспечивать себя и свою семью, поэтому возникает необходимость в поддержке людей, оказавшихся в сложной ситуации. За трансформацией занятости следует трансформация сферы социального страхования, поскольку именно стандартная занятость обеспечивала приток средств в эти фонды. (3) Высокий уровень социально-экономического неравенства в стране не только по доходам, но и имуществу порождает высокий уровень недоверия к власти и рост запроса на социальную справедливость. Введение УБД может стать одним из шагов по снижению неравенств. (4) Сложность систем социальной защиты, при которой многие не могут в ней разобраться и не знают, что могут претендовать на поддержку от государства. В качестве примера В.Н. Бобков привел данные опроса, направленного на выяснение отношения россиян к введению УБД, согласно которым большинство посчитало, что деньги нужно взять из средств, которые выделяются на содержание административного аппарата.

Согласно подсчетам докладчика, сделанным в 2020 г., для реализации этой программы потребовалось бы приблизительно 840 млрд руб. (0,7% от ВВП). В этом же году Фонд национального благосостояния имел бюджет 13 трлн рублей. Соответственно, при должной политической воле проблема монетарной бедности могла бы быть преодолена. Крупные собственники, на взгляд Бобкова, к УБД относятся как к некой форме, позволяющей «откупиться от людей», сохранив систему управления развитием общества, т.е. это лишь трансформация капитализма.

Ожидания общества видятся докладчику как реализация новой модели социализма с возрастанием роли социального государства, создание условий для кооперации общества по созданию общественных благ, преодоление отчуждения людей от национальных благ, достижение социальной справедливости и развитие человека.

Докладчик подчеркнул, что УБД – это возможность качественного изменения жизни и развития человека за счет более достойной работы, устранения нужды беспокоиться о средствах на жизнь, перспектива получения образования и/или его повышения, вплоть до смены специальности, увеличение времени, которое можно уделять семье. Поэтому, дискутируя об УБД, необходимо сосредоточиться не на денежной стороне, а именно на возможностях развития человека и человеческого капитала. Данные экспертного опроса, проведенного докладчиком и его коллегами, показали, что половина считает российское общество готовым в полной мере к его внедрению и/или его реализации возможно частично, через переходные формы, например, безусловного базового дохода (ББД) или базового дохода (БД), которые представляют собой выплаты, расширяющие охват

получателей трансфертов, но пока еще ограниченные и обеспечивающие удовлетворение потребностей на уровне, близком к базовым потребностям.

Открывая дискуссию, **А.В. Андрееenkova** согласилась с В.Н. Бобковым, что политическая составляющая в реализации УБД велика не только в России. Во многих странах мира, где проводились эксперименты или исследования по данной тематике, отмечается, что эта идея поддерживается практически всеми политическими элитами по разным основаниям. Но на данном этапе концепция порождает больше вопросов, чем ответов.

По ее мнению, в ближайшие 50 лет внедрение УБД в России невозможно. Однако введение в российский общественный дискурс обсуждения этой идеи, пусть утопической, и ее широкое обсуждение в т.ч. в научных и политических кругах будет иметь позитивный результат. В обществе должно присутствовать обсуждение не только вопросов выживания и финансового достатка, должно измениться целеполагание, которое в меньшей степени было бы связано с денежной стороной жизни. По мнению Андрееenkовой, высокая идея УБД заключается даже не в повсеместном уничтожении монетарной бедности, которую можно достичь различными способами. Идея БД дает возможность человеку стать более свободным на любом этапе своей жизни.

Она подчеркнула, что нужен плавный переход к любой новой системе, реализуясь в усеченном виде, как, например, пособие по безработице. При этом она подчеркнула, что вопрос адресной поддержки нуждающимся людям в российском обществе не стоит, большинство людей и так согласны с необходимостью помогать бедным слоям населения. Не получается ли, что при реализации переходной формы исчезнет сама универсальность выплаты? Готово ли российское общество к тому, что выплата будет гарантирована не только бедным и нуждающимся слоям населения, но всем гражданам без исключения, в том числе людям с высоким и очень высоким доходом? На ее взгляд, этот подход не так широко поддерживается в обществе, а сама концепция противоречива, поэтому она нигде не была реализована дальше эксперимента или общественного обсуждения.

По мнению **А.В. Золотова**, набирающее широту обсуждение данной концепции в общественном дискурсе является скорее реакцией на давно назревшие проблемы. «Что касается доступности социальных благ, таких как здравоохранение, образование и т.д., то нельзя отрицать, что доступ к ним у населения есть. А что касается гарантий государством всеобщего доступа к материальным благам, то этого нет. Дело не в размере безусловной выплаты, а в принципах, на которых она базируется, т.е. должна быть та база, которая гарантирована независимо от остальных жизненных случаев».

Вопрос об осуществимости тоже важен, по его мнению. Так, согласно расчетам В.Н. Бобкова для реализации концепции УБД в России потребовалось бы в пределах 1% от ВВП. Однако расчеты дискуссанта показали, что расходы могут составить около 20% от ВВП, что в свою очередь ведет к более существенной институциональной ломке, хотя и не такой кардинальной, как может показаться на первый взгляд. А.В. Золотов согласился, что реализация УБД не такая уж недостижимая цель в будущем. По мнению дискуссанта, не существует ни одного института или явления, который не был внутренне противоречив, УБД не исключение. С одной стороны, обсуждаются возможности свободы человека, который не заиклен на выживании, а с другой – не приведет ли это к праздности и деградации общества. Рассмотрение этих противоречий требует более широкой постановки вопроса об общественном развитии, о доминанте/векторе развития общества: движение к гуманизации или противоположная тенденция?

А.В. Золотов считает, что экспериментальное внедрение концепции не даст полной картины эффективности ее реализации в силу ограниченности эксперимента. Чтобы увидеть изменения, потребуется длительное время, в т.ч. перестройка социальных институтов.

Что касается решения проблем неравенства, то возникает вопрос: каким образом УБД условно в размере 14–15 тыс. руб. (сумма прожиточного минимума в целом по РФ) поможет ее решить. Для человека, чей доход равен этой сумме, данная выплата будет являться существенной прибавкой, а для человека, доходы которого превышают эту сумму

на 500–1000%, она не будет иметь никакого значения. В этом смысле А.В. Золотов согласен с докладчиком, что переходные формы будут иметь положительный эффект для общества и должны быть реализованы. Однако нужно учитывать, что перераспределения бюджетных средств не избежать, а это приведет к повышению налогового бремени, особенно для обладателей высоких доходов. Отсюда возникают препятствия как для распространения самой концепции, так и для ее реализации.

В продолжение дискуссии участниками заседания были заданы вопросы докладчику. **Д.А. Давыдов** (ИФП УрО РАН, Екатеринбург): «Так, согласно расчетам, если обеспечить всех россиян, включая детей, безусловным доходом в размере прожиточного минимума, это составит 100% расходной части бюджета страны. Однако как эти 15 тыс. руб., в связи с прозвучавшими тезисами о возможностях большей свободы и т.д., повысят эти возможности, и что будет подразумевать эта свобода? Какие материальные предпосылки должны быть для свободы? Рассматривается ли возможность реализации схожей, но другой модели развития государства благосостояния – универсальных базовых услуг (безусловные базовые услуги)², суть которых заключается в создании за счет бюджетных средств базовых социальных услуг, обеспечивающих возможность доступа к бесплатному образованию, здравоохранению, жилью, даже питанию и т.д., при этом ее реализация будет стоит дешевле ББД, но практически полностью его отменит. **Л.В. Макушина** (ИС ФНИСЦ РАН, Москва) уточнила, не является ли реализация этой концепции платой за изоляцию? Проф. **В.В. Щербина** (Москва) задал вопрос: в чем универсальность УБД, и в какой стране можно наблюдать эту программу, которая действительно универсальна? По его мнению, эта концепция – некая идеологема, с ней можно спорить или соглашаться, но редко, когда действие, связанное с идеологемой, заканчивалось тем, ради чего затевалось.

В продолжение дискуссии о переходных формах УБД проф. **В.Ф. Левичевой** (РГГУ, Москва) было высказано, что «если мы живем в ситуации несовершенного общества и, более того, нет движения к прогрессу, ставятся под сомнение другие сценарии, которые уже реализуются, например, увеличивается количество войн, природных катастроф, можно ли считать переходной формой распределение гуманитарной помощи в огромных масштабах, вынужденное переселение людей и предоставление им жилья не только у нас в стране? Как обеспечить обсуждение подобного вопроса на парламентских слушаниях в Думе, как обеспечить ветеранов военных действий: здесь тоже нужна какая-то переходная форма?

Н.А. Омуралиев (ИФПСПИ НАН РК, Кыргызстан): можно ли рассматривать УБД через призму индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП)? Т.е. вместо повышения уровня жизни повышать уровень покупательской способности, что позволило бы России сделать гигантский шаг вперед и показать, как реализация концепции УБД подтягивает за собой уровень образованности населения, продолжительности жизни, основанном на ЗОЖ.

А.В. Яковенко (ЛНУ им. В. Даля, Луганск) задался вопросом, а не помешает ли нынешняя система власти капитала возможному построению социализма?

Также высказывались сомнения, стоит ли с политической и практической точки зрения продолжить исследование этого вопроса в условиях СВО (**В.Г. Доброхлеб**, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва). Планируется ли продолжение эмпирических исследований по этой теме и какими методами (**А. Пилюс**, Фрайбургский ун-т, Германия)? Но можно ли доверять мнению респондентов, если большинство из них пока не в полной мере понимают суть этой концепции (**Ю.В. Попков**, ИФП СО РАН, Новосибирск)? В.Н. Бобков постарался коротко ответить на поставленные вопросы, подытожив: «Россия одна из немногих стран, которая смогла длительное время прожить при социализме, и это была объективная реальность, которая сохраняется в памяти людей. Исходя из этого, у России есть высокие шансы достигнуть гуманизации общества и преодоления существующих острых неравенств. Даже капиталистическая революция прошла незаметно, практически бескровно.

² От англ. UBS – universal basic services.

Значит есть вероятность, что и обратное движение может пройти спокойно. Все будет зависеть от обстоятельств, в которых будет находиться наша страна. В такой стране, как Россия, реализация этой концепции возможна, поскольку она самодостаточна с точки зрения ресурсов по всем параметрам и наличия опыта жизни при социализме».

Завершая заседание Научного совета, чл.-корр. РАН **Ж.Т. Тощенко** отметил, что эксперименты нужно проводить, невзирая на проблемы и негативные результаты. Но при этом необходимо учитывать национальную, региональную и религиозную специфику российского разнообразия. И помнить, что УБД не ограничивается его монетарной основой. Реализация УБД потребует меньше 1% от ВВП, сумма немаленькая, но и не настолько значительная, чтобы нанести существенный урон бюджету страны или финансированию существующих социальных гарантий. Идея достижения социальной справедливости выходит на первый план, и УБД в ней занимает не последнее место. Дискуссия показала, насколько в обществе назрело стремление к решению проблем неравенств через предложение конкретных инструментов, которые позволили бы повысить качество жизни населения, особенно бедных и малоимущих слоев населения.

Э.К. БИЙЖАНОВА

БИЙЖАНОВА Элиза Камчыбековна, науч. сотр., Центр изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (biyzhanova@isras.ru).

UNIVERSAL BASIC INCOME AS A TOOL TO COMBAT INEQUALITY IN MODERN RUSSIA

DOI: 10.31857/S013216250026594-6

Eliza K. BIYZHANOVA, Research Fellow, Center for the Study of Russia's Regions of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (biyzhanova@isras.ru).

© 2023 г.

ОБРАЗОВАНИЕ И РЫНОК ТРУДА

Пятнадцатое юбилейное заседание круглого стола «Российское образование сегодня» (КС), при традиционной поддержке ИК РОС «Социология образования», ИС ФНИСЦ РАН состоялось 6 февраля 2023 г. В нем приняли участие около 70 специалистов из Москвы, Нижнего Новгорода, Томска, Тюмени, Ростова-на-Дону, Волгограда, Вологды, Новосибирска, Белгорода, Читы и Самары и других городов. Открыл заседание проф. **Д.Л. Константиновский** (ИС ФНИСЦ РАН), отметив, что в нынешних условиях всестороннее рассмотрение проблемы подготовки кадров для рынка труда является архиважным. Изучения требуют новые вызовы, стоящие перед институтом образования, и соответствие им программ подготовки специалистов. Президент РОС **В.А. Мансуров** (ИС ФНИСЦ РАН) отметил важность многолетней работы КС, тематически объединяющего профессионалов, готовых делиться опытом. Сейчас российское образование находится в непонятной ситуации: оно должно работать на социальную потребность, которую задает общество. Какова она? Кто знает, кого формирует российская система образования? Вызывает тревогу и то, что при подготовке специалиста продолжается сужение проблемного поля для профессионала. При малейшем изменении он теряется, не готов к переменам.

И.А. Дядюнова (НИИ дошкольного образования) остановилась на кадровых проблемах дошкольного образования: в городских дошкольных учреждениях воспитатели работают в группах с превышением рекомендуемой численности детей, в сельских из-за недостатка узких специалистов подменяют руководителей других профилей. Неоднозначны результаты объединения детских садов и школ. Во главе комплекса часто становится менеджер или директор школы, а сильные заведующие дошкольным учреждением, получившие профильное образование, как правило, становятся методистами ДОО. Анализ кадровых проблем дошкольного образования продолжила **Н.П. Гришаева** (ИС ФНИСЦ РАН), обозначив, каких компетенций не хватает молодому воспитателю дошкольного учреждения. В вузах и педучилищах многие аспекты работы воспитателя с детьми изучаются теоретически, без практических тренингов и дискуссий, в программах отсутствует знакомство с современными эффективными технологиями социализации дошкольников. Поступающие на педагогические специальности не отбираются по критерию профпригодности, что становится проблемой в их профессиональной деятельности.

Роль семьи в профессиональной ориентации старшеклассников проанализировали **И.И. Харченко, Е.А. Мальнева, С.Ю. Дуткина** (ИЭОПП СО РАН). Они познакомили собравшихся с результатами исследования, проведенного среди родителей в городской и сельской местности Новосибирской области: 62% родителей рекомендуют детям поступать в вуз, 24% – в ссуз. При выборе профессии большинство родителей склоняется к тому, что дети должны делать выбор самостоятельно, опираясь на собственные способности и интересы. Почти половина опрошенных считают, что образовательные реформы снизили качество школьного образования. Две трети уверены, что в обществе сохраняются условия для интеллектуального развития, не связанные с материальным положением семьи.

Тема соотношения рынка педагогического труда и педагогического образования была предложена в выступлении **Г.И. Зимирева** (Комитет образования г. Читы; «ИРО Забайкальского края»). Он обозначил нарушение процессов кадрового воспроизводства в системе образования региона и причины отказа молодежи от учительской профессии. Только 13% выпускников школ ориентированы на получение педагогического образования. Учителя редко «наследуют» профессию своим детям: 39% не будут ее рекомендовать выпускникам. Причину докладчик видит в социально-экономических реформах деиндустриализации региона, вследствие которого появились более привлекательные варианты жизненной и профессиональной карьеры.

Н.А. Николенко (ВГУ) подняла проблему подготовки социологов и их реализацию в профессиональном плане, подчеркнув возможную ориентацию на работу и в государственных органах власти.

Тему преподавателей на рынке труда открыла **Г.С. Широкалова** (Приволжский ф-л ФНИСЦ РАН). Она обозначила ряд проблем, с которыми сталкиваются преподаватели вузов: низкая зарплата, сверхурочная работа, ведение занятий по нескольким дисциплинам и т.д. Многие вузы утратили право выбора ректора, а назначенный «по связям» не всегда имеет профильное образование, не зависит от трудового коллектива и Ученого совета.

Особый интерес вызывал доклад **Г.А. Чередниченко** (ИС ФНИСЦ РАН), в котором были проанализированы имманентные несоответствия рынка труда и образования. Среди них: непредсказуемые изменения запросов рынка труда на комплексы компетенций совместно с численностью специалистов и инерционность функционирования системы образования. На примере проекта «Передовые инженерные школы» были проанализированы различия организации подготовки инженерных кадров.

Образовательные траектории после окончания вуза обозначил **И.С. Кузнецов** (ИС ФНИСЦ РАН). На данных опроса студентов, которые не завершают образовательный трек после окончания вуза, докладчик показал ограниченность взаимосвязи доверия студентов к однокурсникам и преподавателям с их намерением продолжать обучение по полученной специальности. В большей степени намерения зависят от курса обучения,

селективности вуза, академического менеджмента и доверия к кому-либо из участников образовательного процесса – сформулировал вывод докладчик.

Продолжила тему образовательной и профессиональной траектории после окончания вуза **Г.В. Леонидова** (ВолНЦ РАН), отметив, что смена специальности за время трудовой деятельности объясняется рядом причин, среди них рост нестандартной занятости, усиление гибкости рынка труда. Докладчик обозначила плюсы и минусы выбора работы не по специальности. Из «плюсов» отмечено, что она может быть мотиватором для дальнейшего образования и самообразования работника. При выборе работы по специальности или близкой к ней отмечены преимущества: более высокий уровень заработной платы, высокая самооценка успешности, уровень качества и реализации трудового потенциала.

Обсуждение темы цифровизации в образовании открыл **Р.С. Кузнецов** (ИС ФНИСЦ РАН). Он представил данные исследования Центра социологии науки и образования ИС ФНИСЦ РАН и «Российского профессорского собрания». Анализ данных показал, что 40,9% студентов обучающихся аудиторно удовлетворены образованием, тогда как среди дистанционно обучающихся таких лишь 27,9%. Считающих, что для успешного трудоустройства по получаемой профессии у них достаточно знаний и навыков, среди аудиторно обучающихся 75,5%, дистанционно – 61,8%. Докладчик пришел к выводу, что разные форматы обучения формируют неравенство по принципу выстраивания коммуникативных связей. Дистанционное обучение снижает вероятность выстраивания вертикальных связей, сокращает возможности социализации в образовательной среде.

Я.У. Астафьев (ИС ФНИСЦ РАН, Москва) напомнил, что в связи с началом СВО значительная часть IT-специалистов уехала из страны, что заставило правительство принять меры для поддержки этой категории специалистов. В то же время в 2022 г. произошло падение спроса на работников IT-специальностей. Наихудшим на рынке труда оказалось положение выпускников СПО. Не могут трудоустроиться по специальности «Информатика и вычислительная техника» более половины специалистов среднего звена и почти две трети квалифицированных рабочих и служащих. Актуализируется вопрос, по каким специальностям и с помощью каких усилий они могут получить работу?

С планами студентов после получения образования познакомила **Е.И. Пронина** (ИС ФНИСЦ РАН). На данных исследования РОС-2022 она продемонстрировала, как фактор потенциального трудоустройства в России влияет на предпочтения студентов и советы их родителей жить и работать в своей стране. Так, среди студентов ЦФО по окончании образования планируют остаться в России 42%, планируют уехать за рубеж 8%, а 34% примут решение в зависимости от того, где будет предложена хорошая работа. Планы студентов на трудовую миграцию и советы их родителей практически совпадают.

В заключительном выступлении **Н.Д. Сорокиной** (ИК РОС) прозвучала назревшая проблема востребованности молодых специалистов. По данным Росстата, более трети выпускников российских вузов не работают по специальности. Закономерен вопрос: насколько образование в РФ отвечает изменениям на рынке труда? Еще одна тревожная тема – качество обучения не артикулируется как проблема, хотя квалифицированных кадров не хватает. Апеллируя к зарубежному опыту, докладчик привела пример доктрины гибкого рынка труда, что обеспечивает высокий уровень адаптации рабочей силы. При этом персонал не должен иметь барьеров между специальностями, чтобы соответствовать потребностям модернизации производства. Сделан вывод: России нужны кадры, которые могли бы мобильно перестраиваться. Для этого необходимо практико-ориентированное обучение, не отрицающее фундаментальных знаний и воспитательной составляющей.

Е.И. ПРОНИНА

EDUCATION AND LABOR MARKET

DOI: 10.31857/S013216250026595-7

Elena I. PRONINA, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Scientific Secretary of the RC "Sociology of Education" of RSS, Moscow, Russia (eipronina@yandex.ru).

© 2023 г.

XXVIII СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ РГСУ

26 апреля 2023 г. прошли очередные Социологические чтения РГСУ. События последних лет в России и в мире актуализировали необходимость исследования современного общества, социальных изменений, противоречий, возникающих между традициями и современностью, новыми и «старыми» концептами культуры, поэтому тема нынешних Чтений звучала как «Духовно-нравственные смыслы, идентичности и культура отмены: потребности, парадоксы, последствия».

В работе мероприятия приняли участие ученые, аспиранты и студенты из Вьетнама, Беларуси, Узбекистана, Таджикистана и 30 российских регионов.

Открыла научный форум проф. **Д.К. Танатова** (РГСУ), подчеркнув переломный момент в истории страны. Свое выступление она выстроила вокруг выделенных ею трех векторов: 1) возврат к своим истокам, к традиционным ценностям; 2) осознанная идентичность, когда российское общество стало глубже понимать, кто «мы»; 3) концепт культуры отмены (исключения). Отменяется не просто какой-то зафиксированный годами культурный конструкт, действие, а меняются их смыслы. Также было подчеркнуто, что отменить/исключить культуру никто не в силах, чем больше сопротивление, тем больше она крепнет.

С приветственными словами выступили: проректор по научной деятельности РГСУ **В.В. Уроженко**, президент РОС **В.А. Мансуров** (ИС ФНИСЦ РАН), проф. **Ю.А. Зубок** (ИС ФНИСЦ РАН) и др.

Чл.-корр. РАН **Ж.Т. Тощенко** (РГГУ, ИС ФНИСЦ РАН) обратил внимание участников, что западные санкции, введенные против России, запустили исторический процесс: культура и наука начали движение на восток, и социологи должны найти новые пути изучения предстоящих изменений. **С.А. Судьин** (ННГУ им. Н.И. Лобачевского), отмечая изменения, произошедшие за последний год, назвал Россию проводником традиционных ценностей, и куда бы ни двигалась культура – на запад или на восток, рано или поздно все вернется на свои места, и в этом процессе культуре и образованию отводится главная роль.

Совместный доклад проф. **В.А. Мансурова** и **Е.Ю. Ивановой** (оба – ИС ФНИСЦ РАН) дал представление о культурном коде России, традиционных ценностях и ценностях современного мира. Докладчики привели данные: сегодня только 36% россиян в той или иной мере представляют значение понятия культурный код. Три четверти россиян признались, что лично для них важно сохранение семейных традиций, две трети опрошенных – народного искусства, каждый второй – традиционной религии, народных песен и танцев, похоронного обряда. Авторы пришли к выводу, что изменения, происходящие в социуме, оказывают влияние и на изменение культурного кода.

Молодежная проблематика прозвучала в докладе проф. **Ю.А. Зубок** (ИС ФНИСЦ РАН), эмпирической базой для выводов в котором послужили результаты всероссийского опроса 1155 представителей молодежного возраста, проведенного в октябре 2020 г. Структурно-таксономическое моделирование смысловых оснований саморегуляции социальных взаимодействий молодежи позволило выстроить иерархическую кластеризацию.

Определяющую роль в саморегуляции играет смысловая структура гибридного (67% опрошенной молодежи выбирают и традиционное, и современное) и традиционного типа (44%).

Тематику трансляции культурного наследия России продолжила проф. **С.Н. Майорова-Щеглова** (МГППУ). Она выявила особенности передачи российской культуры детям дошкольного возраста. Результаты онлайн-опроса 3300 воспитателей в восьми федеральных округах и 54 субъектах РФ показали, что воспитатели детских садов формируют мировоззрение и образуют младшее поколение. Более половины опрошенных воспитателей считают, что дети дошкольного возраста при изучении культуры своего народа должны освоить народные обычаи, каждый второй – историю города или села, где живет, каждый третий – родной язык, народные песни, танцы и подвижные народные игры. Автор формулирует ключевой вывод: общество выдвигает запрос на участие воспитателей в формировании традиционных ценностей дошкольников, однако их деятельность не признается активной, стабильной и постоянной.

Н.А. Барышная (РГСУ) проанализировала процессы трансформации идентичности в моноэтнических поселениях Саратовской области. Исследования автора показали, что в области снижается численность русских, мордвы, чувашей, немцев. Одновременно в структуре населения появились представители ранее не проживавших на территории региона новых этнических групп: дунган и курдов, большинство из которых компактно расселяются в умирающих деревнях, развивают свои традиционные хозяйственные занятия (животноводство, земледелие) и формируют новую социальную реальность.

Е.Ю. Киреев (ИДИ ФНИСЦ РАН) осветил темы эмиграции в экономически слабые страны. На основе интервью, проведенных с россиянами, эмигрировавшими в Кыргызстан после начала СВО, автору удалось представить социально-демографический портрет эмигранта: это мужчина среднего возраста (26 лет), с высшим образованием, профессиональная деятельность которого связана не столько с IT-технологиями, сколько с медициной, финансами, образованием, юриспруденцией и др. В республике они работают в онлайн формате и не создают конкуренцию местным жителям.

Совместный доклад проф. **Г.И. Осадчей** и проф. **Т.Н. Юдиной** (обе – ИДИ ФНИСЦ РАН) дал представление о масштабах развития интеграционного взаимодействия государств ЕАЭС, начавшегося после распада Советского Союза и позволившего восстановить прерванные связи государств. Согласно опросам, проведенным среди граждан России, Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана, активными сторонниками интеграции выступают жители Казахстана и Кыргызстана: около восьмидесяти процентов из них поддерживают экономическую интеграцию, три четверти культурную и экономическую интеграцию, каждый второй – военную интеграцию.

В ходе Чтений участники смогли познакомиться не только с результатами исследований опытных социологов, но и молодых исследователей. Так, **И.А. Сикорский** (РГСУ) представил результаты исследования, посвященного локальной (соседской) идентичности в российском мегаполисе на примере Москвы. Ретроспективное кабинетное исследование выявило наиболее консолидированные локальные сообщества, позволившие определить характер института соседства в городе.

И.А. Караева («Ромир») обозначила необходимость изучения стационарности при проведении этносоциологических исследований. Автор обратила внимание, что каждый третий проживает не в том регионе, где родился. Опираясь на данные Росстата на 1 января 2022 г., самыми нестационарными российскими регионами являются Московская область, Санкт-Петербург и Краснодарский край.

О.А. Горелова («Ипсос Комкон») проанализировала состояние внутреннего туризма в России, драйверы и барьеры посещения Москвы. Докладчик подчеркнула, что внутренний туризм, пострадавший в 2020 г. из-за пандемии и в 2022 г. в связи с началом СВО и последовавшими санкциями, в текущем году возвращает утраченные позиции. По данным опроса, проведенного среди москвичей, несмотря на дороговизну турпакетов (59%) и общеполитическую напряженность (39%), большинство строят планы на путешествия.

За более чем четверть века Социологические чтения РГСУ стали традиционной и известной в социологическом сообществе площадкой, где можно обменяться полученными результатами, знаниями, укреплять и развивать научно-исследовательские связи.

Д.К. ТАНАТОВА, Н.Г. ХАЙРУЛЛИНА

ТАНАТОВА Дина Кабдуллиновна, д. социол. н., проф., Российский государственный социальный университет, Москва, Россия (dktanatova@mail.ru); ХАЙРУЛЛИНА Нурсафа Гафуровна, д. социол. н., проф., Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия (nutsafa@inbox.ru).

XXVIII SOCIOLOGICAL READINGS IN RSSU

DOI: 10.31857/S013216250026596-8

Dina K. TANATOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Russian State Social University, Moscow, Russia (dktanatova@mail.ru); Nursafa G. KHAIRULLINA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia (nutsafa@inbox.ru).

Размышления над новой книгой

© 2023 г.

А.А. РАЗУМОВ

УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: НОВЫЕ ПОВОРОТЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

РАЗУМОВ Александр Александрович – доктор экономических наук, профессор, советник генерального директора Всероссийского научно-исследовательского института труда Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, Москва, Россия (aarazumov@mail.ru).

Аннотация. Обсуждаются современные проблемы уровня и качества жизни населения, социального неравенства и бедности, занятости в России на основе рассмотрения основных положений и выводов, содержащихся в коллективной монографии, подготовленной под руководством В.Н. Бобкова (2022). Как в позитивном, так и в дискуссионном ключе рассматриваются многие поднимаемые в монографии вопросы, среди них действующие и предлагаемые подходы к определению и измерению бедности и социального неравенства. Большое внимание уделено качеству занятости и качеству трудовой жизни, государственной политике регулирования рынка труда в условиях современных информационно-технологических инноваций и цифровизации экономики. Показано, что государственная социальная политика (меры по содействию занятости, социальной защите населения, снижению уровня бедности и др.) все более осуществляется на уровне регионов России.

Ключевые слова: уровень и качество жизни • бедность • доходы населения • социальное неравенство • занятость • социальная защита • социальная политика

DOI: 10.31857/S013216250026599-1

Причин подготовить рецензию на коллективную монографию [Уровень и качество..., 2022] было несколько. Во-первых, монография посвящена памяти Натальи Михайловны Римашевской, одного из ведущих ученых, внесшего (еще в советские времена) огромный вклад в изучение проблем народного благосостояния, уровня и качества жизни различных типов домохозяйств, основателя и первого директора Института социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН) РАН. Проект «Таганрог», в рамках которого в течение почти 40 лет (с 1960-х гг.) с определенной периодичностью проводились выборочные социально-экономические обследования населения Таганрога [Женщина, мужчина..., 2001], сформировали уникальную базу: полученные результаты поначалу были закрытыми (или, по крайней мере, для служебного пользования) и во многом, как было принято говорить, «альтернативными» официальной статистике (тогдашнему Госкомстату СССР). И я искренне благодарен ей за научное сотрудничество и её согласие выступить оппонентом по моей докторской диссертации.

Во-вторых, непреходящая актуальность для нашей страны темы монографического исследования. Связь с практикой, количественно-качественные оценки всегда являлись и будут являться хорошим «мерилом», своего рода «испытательной площадкой» для любых теоретических воззрений и научных гипотез. И, в-третьих, авторский коллектив состоит из хорошо известных в научно-экспертном сообществе учёных, специалистов,

практиков, которые в ходе своих исследований всегда ищут новые срезы изучаемой проблематики, высказывают собственные оценки социально-экономической ситуации в России.

Выход в свет данной книги – знаковое событие для специалистов и широкой научной общественности, так как изложенный в ней материал следует рассматривать и как определенную важную веху в изучении проблем уровня и качества жизни населения на современном этапе развития России, и как авторскую попытку взгляда в будущее. В этой связи весьма уместно упомянуть и о предыдущем аналогичном издании со сходным названием и во многом того же коллектива авторов [Качество и уровень..., 2007]. Эта книга оказалась одной из наиболее востребованных и цитируемых в профильных российских и международных базах данных, поэтому высказываю надежду, что и настоящую монографию ждет счастливая научная судьба.

Рецензируемую монографию отличают фундаментальность, четкость и ясность постановки научной проблемы, органическое соединение теории и практики. Авторы опирались не только на официальные данные Росстата и материалы российских министерств и ведомств, но и на Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, социологические исследования. Широко представлены материалы международных экономических организаций и зарубежных ученых.

Монография начинается с рассмотрения теоретико-методологических основ изучения уровня и качества жизни населения (раздел I). Раскрываются категории «качество жизни населения» и «уровень жизни населения» в их единстве и различиях, рассматриваются их компоненты и характеристики во взаимосвязи с воспроизводственными процессами. Особое место отводится качеству трудовой жизни и качеству занятости, их определению, показателям, месту в формировании высокого качества и уровня жизни населения.

Раздел II посвящён современным вызовам и угрозам, обусловленным продолжающейся технологической революцией. Рассмотрены вопросы: изменение качества занятости и качества трудовой жизни под воздействием стремительного развития инноваций – робототехники, электронно-цифровых платформ, IT-технологий, искусственного интеллекта. Важное место занимает оценка влияния пандемии COVID-19 на сферу труда.

Большой интерес вызывают авторские разработки в области многокритериальной идентификации различных групп населения, в том числе экономически активного населения. Критериями такой идентификации выбраны образование, положение в сфере занятости, материально-имущественная обеспеченность (денежные доходы, сбережения, недвижимое имущество). Существенное внимание уделено необходимости повышения уровня экологической безопасности, сохранения природных систем и охраны окружающей среды как важным компонентам повышения качества жизни. Речь идет о качестве воды, воздуха и почвы, производственных отходах, состоянии флоры и фауны.

Вместе с тем данный раздел монографического исследования изложен несколько фрагментарно, ему не хватает более глубоких статистических и фактологических обоснований. Совсем обойдены вопросы изменения климата и глобального потепления и их влияния на экологию и условия проживания в различных природно-климатических зонах России. А это непосредственным образом влияет на общественное воспроизводство и качество жизни населения. В связи с глобальным потеплением здесь было бы уместно хотя бы обозначить такие вопросы, как продвижение зоны уверенного земледелия на Север России, начавшийся процесс таяния вечной мерзлоты и его плюсы и минусы для экономики страны и проживающего там населения, улучшение условий судоходства по Северному морскому пути в связи с уменьшением толщины ледового покрытия и другие. Не говоря о массовых лесных пожарах, наиболее сильные из которых за последние десятилетия пришлось на жаркие летние месяцы 2010 и 2022 гг.¹ Если медико-демографические

¹ Выход в свет монографии пришелся на 2022 г., поэтому авторы ограничили статистический горизонт исследования 2020–2021 гг.

последствия лесных пожаров 2022 г. еще предстоит оценить, то негативными последствиями лесных пожаров лета 2010 г. стали увеличение заболеваемости и рост по сравнению с «естественным» смертности населения за август-сентябрь 2010 г. в центральных регионах России, затронутых этими пожарами.

Комплексно и системно рассмотрены вопросы, связанные с проведением мониторинга дифференциации основных показателей уровня и качества жизни населения как по России в целом, так и по её регионам (раздел III). Такими мониторинговыми исследованиями коллектив авторов занимается более 25 лет, поэтому хорошо отработаны и методология, и методика проведения мониторинга, и индикаторы, по которым он проводится. Однако важным направлением развития сравнительных региональных исследований явился бы больший учёт характеристик и особенностей региональных экономик, отраслевой принадлежности расположенных в регионах предприятий и организаций, природно-климатических условий и стоимости жизни в рассматриваемых регионах.

Многие актуальные с позиции современного состояния экономики и рынка труда вопросы анализируются в разделе IV, посвященном новым инструментам государственной и корпоративной политики по регулированию уровня и качества жизни населения. Обстоятельно рассмотрены дистанционный (удаленный) труд, платформенная занятость и методы их регулирования.

Монография органично завершается Концепцией (среднесрочной) национальной Программы снижения абсолютной монетарной бедности (2021–2030) (раздел V). Базируясь на ряде методологических допущений при разработке Концепции, авторы рассматривают различные сферы проявления бедности, формулируют цели и задачи программы, обосновывают её индикаторы, формулируют предложения по направлениям и мероприятиям Программы.

В принципе поддерживая саму идею и многие авторские подходы о необходимости разработки такой концепции, хотелось бы, тем не менее, подискутировать по этому вопросу и высказать некоторые свои соображения.

Во-первых, данная концепция – далеко не первая подобная разработка, выполненная как зарубежными, так и российскими специалистами. Наверное, в монографии это обстоятельство стоило хотя бы упомянуть. Во многих странах мира в интересах более устойчивого социального, экономического и политического развития достаточно давно были разработаны и осуществлены «Национальные планы борьбы с бедностью», направленные к конечному счету на искоренение крайних форм бедности и существенное сокращение её масштабов. Вспомним, например, «Программу борьбы с бедностью», разработанную в США ещё в 1960-е гг.

В этой связи отметим, что некоторые страны СНГ в этом плане оказались более продвинутыми. Например, в Казахстане первой программой в данной области стала «Программа по борьбе с бедностью и безработицей на 2000–2002 годы», изначально придавшая задаче снижения бедности программно-целевой характер. В 2002 г. в этой стране была подготовлена и одобрена «Программа по снижению бедности в Республике Казахстан на 2003–2005 годы» [Бедность в Казахстане..., 2004].

Весьма примечательно, что некоторые субъекты РФ, не дожидаясь «указаний» из федерального центра, исходя из особенностей и приоритетов своего социально-экономического развития, разработали собственные региональные программы, направленные на преодоление бедности. Одним из примеров является разработка в Республике Северная Осетия – Алания «Республиканской комплексной программы на 2004–2006 годы по государственной поддержке групп населения с повышенным риском бедности и устранению причин низкого уровня жизни среди трудоспособного населения» [Разумов, Ягодкина, 2007].

К сожалению, на национальном уровне аналогичный, четко сфокусированный план (или соответствующая программа) в России до сих пор не принят, хотя в 2000-е и 2010-е гг. представителями экспертного сообщества и научной общественности России неоднократно инициировались попытки добиться официального правительственного

решения о разработке такого рода документа. Нами также неоднократно аргументировалось, что идеология существенного снижения бедности в России наиболее эффективно может быть реализована в рамках разработки национальной «Программы борьбы с бедностью в Российской Федерации» как с явлением, без существенного ограничения которого проводимые экономические преобразования реализовать будет намного сложнее [Разумов, Ягодкина, 2007]. Как известно, после финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. был разработан проект «Национального плана борьбы с бедностью в Российской Федерации на период 2010–2012 годов». Этот документ получил одобрение в Минздравсоцразвития России и опубликован в ряде изданий². Предложенный проект и проблема бедности стали предметом широких резонансных дискуссий.

Сказанное выше несколько не снижает значимости постановки авторским коллективом монографии вопроса, на новом витке исторического и социально-экономического развития России, о необходимости разработки среднесрочной Концепции национальной Программы снижения абсолютной монетарной бедности.

Второй дискуссионный вопрос: до какой степени необходимо снижать социальное неравенство, каковы критерии такого снижения? Авторы не уделили достаточно внимания этому вопросу. Хорошо известно, что излишнее равенство (я уже не говорю об «уравниловке») суживает стимулы к развитию страны и саморазвитию работников и управленцев всех уровней, является антистимулом для раскрытия человеческого потенциала и развития человеческого капитала. Так, согласно Росстату, коэффициент Джини в России в 2021 г. составлял 0,408 (коэффициент Джини показывает степень расслоения общества, и чем ближе он к 0, тем равномернее распределены доходы населения, и наоборот). В 1998 г. данный коэффициент был равен 0,394, в последующие годы он увеличился, достигнув в 2018 г. 0,413. Динамика этого показателя за последние годы показывает снижение разрыва между самыми богатыми и самыми бедными группами населения. Для сравнения: в США коэффициент Джини составляет 0,415, Китае – 0,382, Турции – 0,434, Великобритании – 0,351, т.е. значение коэффициента Джини в России показывает, что уровень неравенства в доходах находится в «умеренной зоне».

Для дальнейшего снижения социального неравенства и повышения доходов малообеспеченных слоев населения Правительством РФ в 2020–2023 гг. реализованы меры по увеличению пособий на детей различных возрастов, повышению ПМ и МРОТ, индексации пенсий неработающим пенсионерам. Кроме того, в регионах страны осуществляются мероприятия по ежегодной индексации заработных плат работников бюджетной сферы, содействию занятости наименее конкурентоспособных групп трудоспособного населения на рынке труда, дальнейшему развитию практики социального контракта.

Для более глубокого понимания того, каково «истинное» социально-экономическое неравенство в России, необходимо совершенствовать методы статистического учета социального расслоения населения и его распределения по доходным и социально-демографическим группам, в том числе увеличить охват населения страны соответствующими статистическими наблюдениями, главным образом расположенного на «хвостах» распределения по доходам – самых богатых (включая владельцев крупного бизнеса, топ-менеджмент корпораций, финансово-промышленных групп, банков и т.п.) и самых бедных (прежде всего не имеющих постоянного собственного жилища и регулярных источников доходов, лиц без определённого места жительства и бездомных). Особого внимания требует учет различных видов неформальной экономической деятельности (теневой экономики), степень их концентрации в регионах и отраслях.

Третий вопрос, который также остался в монографии без должного ответа: как переход к относительному методу измерения бедности в России отразится на содержащихся в книге методологических и методических подходах по измерению бедности и снижению ее уровня, соответствующих гипотезах и расчётах? Федеральным законом

² Газета «Ваше право», 2009, № 24.

«О прожиточном минимуме в Российской Федерации» от 24.10.1997 № 134-ФЗ (ред. от 29.12.2020) величина прожиточного минимума, начиная с 2021 г., исчисляется в размере 44,2% от величины медианного среднедушевого дохода за предыдущий год. Это означает, что при формировании и реализации государственной социальной политики абсолютная бедность, рассчитываемая, как известно, на основе минимальной потребительской корзины, постепенно будет «заменяться» на относительную бедность. Если до 2020 г. включительно величина прожиточного минимума рассчитывалась на основе стоимости потребительской корзины (в разные годы – нормативным или нормативно-статистическим методом по доходам или расходам, или располагаемым ресурсам домашних хозяйств), то начиная с 2021 г. для расчета числа и доли бедных используется показатель стоимости потребительской корзины за четвертый квартал 2020 г. с учетом накопленной инфляции и введено понятие «граница бедности».

Однако предложенная методика привела в условиях высокой инфляции в экономике на протяжении последних двух лет к занижению величины прожиточного минимума, и потому её использование искажает реальную ситуацию с бедностью в стране. В связи с этим было принято решение приостановить на 2023 и 2024 гг. применение новой методики расчета прожиточного минимума. Поэтому в настоящее время термины «граница бедности» и «прожиточный минимум» являются, по-существу, синонимами.

И, наконец, четвертый вопрос, на котором хотелось бы также остановиться, – это «передача», начиная с 2020 г., вопроса борьбы с бедностью из сферы ответственности федерального центра на уровень субъектов РФ, что означает дальнейшую регионализацию государственной социальной политики³. ВНИИ труда Минтруда России проводит с 2020 г. мониторинг уровня бедности в субъектах РФ и реализации региональных программ по снижению уровня бедности. Институтом разработаны методические рекомендации по разработке данных региональных программ, определяющие порядок и основные требования к содержанию программ. В этом же году институтом было начато проведение экспертизы утверждённых региональных программ снижения доли населения с доходами ниже прожиточного минимума⁴ и формирование базы мероприятий, направленных на снижение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума, содержащихся в этих региональных программах. Эта база мероприятий ежегодно дополняется и актуализируется [Разумов, Селиванова, 2021].

Подытоживая сказанное выше, в том числе с учетом дискуссионных вопросов, большинство из которых, как некогда говорила Наталья Михайловна Римашевская, носит факультативный характер, можно сделать однозначный вывод, что выход в свет данной коллективной монографии следует только приветствовать. Книга полезна не только студентам, преподавателям вузов, научно-экспертному сообществу, но и представителям законодательной и исполнительной власти, как на федеральном, так и на региональном уровне, для принятия более обоснованных решений в области социальной политики России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бедность в Казахстане: причины и пути преодоления. Алматы: UNDP Kazakhstan, 2004.
Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века. Проект «Таганрог» / Под ред. Н.М. Римашевской. М.: ИСЭПН, 2001.
Качество и уровень жизни населения в новой России (1991–2005 гг.). М.: ВЦУЖ, 2007.

³ Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

⁴ См., напр.: Распоряжение Правительства Алтайского края от 14.08.2020 г. № 261-р «Региональная программа снижения доли населения с доходами ниже прожиточного минимума на территории Алтайского края»; Постановление Правительства Мурманской области от 10.11.2020 № 770-ПП «Об утверждении региональной программы “Снижение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума в Мурманской области” на 2020–2030 годы» и другие.

Разумов А.А., Селиванова О.В. Бедность в России: региональные особенности и перспективные инструменты снижения ее уровня // Социально-трудовые исследования. 2021. № 4(45). С. 75–88. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-45-4-75-88.

Разумов А.А., Ягодкина М.А. Бедность в современной России. М.: Формула права, 2007.

Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего / Под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой. М.: ФНИСЦ РАН, 2022.

LIVING STANDARDS AND QUALITY OF LIFE OF POPULATION IN RUSSIA: THE NEW TURNS OF SCIENTIFIC RESEARCH

RAZUMOV A.A.

All-Russian Scientific Research Institute of Labor, Russia

Alexander A. RAZUMOV, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Advisor to the General Director of the Federal State Budgetary Institution "All-Russian Scientific Research Institute of Labor" of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation, Moscow, Russia (aarazumov@mail.ru).

Abstract. The article is devoted to the research in the current problems of living standards and quality of life, social inequality and poverty, employment in Russia basing on the consideration of the main findings and statements of the monograph [Living standards and quality of life of the Russia's population...] prepared under the editorship of V.N. Bobkov. A lot of the issues containing in the monograph are considered in both positive and discussion light. Among these are actual and feasible approaches towards defining and measuring poverty and social inequality. Attention is given to quality of employment and quality of working life, state policy in the field of labour market regulation under conditions of the modern technological changes, IT-development and digital economy. It is shown that the state social policy in Russia (employment promotion, social protection of population, poverty reduction, etc.) tends to be realized at the regional levels.

Keywords: living standards, quality of life, poverty, incomes of population, social inequality, employment, social protection of population, social policy

REFERENCES

- Bobkov V.N., ed. (2022) *Living Standards and Quality of Life of the Russia's Population: from the Reality to Designing the Future*. Moscow: FNISC RAN. (In Russ.)
- Living Standards and Quality of Life in New Russia (1991–2005 rr.)*. (2007) Moscow: VCYG. (In Russ.)
- Poverty in Kazakhstan: Courses and Directions of Overcoming*. (2004) Almaty: UNDP Kazakhstan. (In Russ.)
- Razumov A.A., Selivanova O.V. (2021) Poverty in Russia: Regional Features and Promising Tools for Reducing its Level. *Social and Labor Research*. No. 4(45): 75–88. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-45-4-75-88. (In Russ.)
- Razumov A.A., Yagodkina M.A. (2007) *Poverty in modern Russia*. Moscow: Formula Prava. (In Russ.)
- Rimashevskaya N.M. (ed.) (2001) *Woman, Man, Family in Russia: the Last Third of XX Century. Project "Taganrog"*. Moscow: ISEPN. (In Russ.)

Коротко о книгах

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ РОССИЯН: ОЦЕНКИ ПРОШЛОГО, ПАМЯТЬ, СИМВОЛЫ (опыт социологического измерения) / Под ред. М.К. Горшкова. М.: Весь Мир, 2022. 248 с.

В книге на основании комплексного и многоаспектного подхода рассматривается состояние исторического сознания россиян в условиях современных вызовов. При этом выявляются интерес наших сограждан к истории и фактическим сведениям о ней, их оценки исторических периодов развития страны и ведущих исторических деятелей. Рассматриваются восприятие россиянами национально-государственных символов в контексте исторической памяти, а советские и несветские традиции – в реалиях современной России. Особое внимание уделяется анализу отношения наших сограждан к отечественной истории, к формированию общероссийской идентичности и к возросшей роли в этом процессе семейной памяти.

Для социологов, политологов, философов, историков, психологов, правоведов, а также студентов и аспирантов соответствующих специальностей.

Зиновьев А.А. КОММУНИЗМ КАК РЕАЛЬНОСТЬ. КРИЗИС КОММУНИЗМА / Ред.-сост. О.М. Зиновьева, А.С. Блинов. М.: ИД «Канон-Плюс» им. А. Зиновьева, 2023. 512 с.

«Коммунизм как реальность» и «Кризис коммунизма» – основные социологические работы классика мировой социологии Александра Александровича Зиновьева (1922–2006).

В книге «Коммунизм как реальность» (1980) главный советолог мира А.А. Зиновьев впервые в истории подвергает научному анализу советский строй как практическое воплощение коммунизма. Автор книги разрабатывает теорию коммунизма, опираясь на наблюдение за фактами советской действительности, а не на то, что должно было бы быть или хотелось бы видеть; применяет для их описания, понимания, объяснения разработанный им метод познания социальных явлений, отвечающий требованиям научности. Выводы, к которым приходит ученый, парадоксальны: с одной стороны, реальный коммунизм есть общество, далекое от совершенства, а с другой, он во многом превосходит западнизм. Советский период являл собой высшую точку в истории России. Свидетельством признания интеллектуальных достижений А.А. Зиновьева в книге «Коммунизм как реальность» стало присуждение ему в 1982 году престижной Премии Алексиса де Токвиля, единственным русским лауреатом которой он остается по сегодняшний день.

В работе «Кризис коммунизма» (1990) А.А. Зиновьев проводит анализ реального коммунистического общества (СССР), механизмы его функционирования. Рассматриваются вопросы, что есть норма и что есть кризис (его причины, характер и перспективы) для такого общества, и какая между ними взаимосвязь. Советский Союз и коммунистические страны Европы погрузились в глубокий глобальный кризис. По мнению автора, это первый в истории именно коммунистический кризис.

Книга продолжает выпуск полного собрания сочинений к 100-летию А.А. Зиновьева.

Кашепов А.В. ПОСТ-СССР: ЭКОНОМИКА, ЗАНЯТОСТЬ И ДЕМОГРАФИЯ. М.: МАКС Пресс, 2023. 360 с.

Предлагаемая читателю монография отражает результаты исследований и публикаций автора по вопросам экономических и демографических последствий распада СССР, теории экономических кризисов, конкретным проблемам в сфере воспроизводства населения, занятости и безработицы в России и постсоветских государствах. Основной целью книги является обсуждение сложившихся представлений о событиях 1991 года и их экономических и демографических последствиях. Книга может быть полезной для дальнейших дискуссий по теме и самостоятельных размышлений читателей.

Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Пипия К. ПОСТСОВЕТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ. М.: НЛО, 2023. 320 с.

Молодежь – это социальная группа, которая наиболее остро чувствует любые изменения, начинающие происходить в обществе или только витающие в воздухе. В центре внимания авторов коллективной монографии оказываются два поколения постсоветской молодежи – родившиеся

в середине или конце 1980-х и в середине или конце 1990-х годов. Первые застали крах огромной империи, период социальной дезориентированности и самых радикальных государственных трансформаций, а вторые – установление авторитарного режима, бурный рост потребления и возвращения к консервативной идеологии. Как эти два поколения относятся к советскому прошлому? Что думают о Западе, о демократии и участии в политике, о религии и морали? Насколько распространены среди них расизм и ксенофобия по сравнению со старшими возрастными группами? Анализируя результаты социологических исследований, авторы пытаются найти ответы на важнейшие вопросы и понять, удалось ли представителям этих поколений усвоить новую систему ценностей.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ РАМКИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ / Под ред. В. А. Авксентьева, М. М. Шульги. Ростов-н/Д.: ЮНЦ РАН, 2022. 224 с.

В монографии представлены результаты трехлетней работы по исследовательскому проекту «Институциональные, исторические и культурные рамки формирования общероссийской идентичности на Северном Кавказе», реализованному в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности». На основе обширного эмпирического материала анализируются проблемы и эффективность проводимой на Северном Кавказе политики идентичности, исследуются культурные, интеллектуальные и институциональные основы этого направления публичной политики.

Издание предназначено для специалистов, политиков, научно-педагогических работников, студентов и аспирантов.

УСПЕШНОСТЬ, РАБОТА И СТАРЕНИЕ: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ, ПРИКЛАДНЫЕ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ / Под ред. И. Б. Дураковой. М.: ИНФРА-М, 2023. 187 с.

Монография содержит результаты исследований, касающихся, во-первых, проблемы «синдрома торможения» на рынке труда, вызванной снижением объема излишней рабочей силы, длительное время выступавшей одним из основных драйверов экономического роста. Во-вторых, эволюции представления о «серебряном цунами», реалий и мифов о трудоспособности и успешности возрастных работников. В-третьих, профессиональных и социокультурных факторов, влияющих на их трудовую успешность. В-четвертых, медико-биологических подходов к сохранению потенциала успешности работников старших возрастных групп, их активного долголетия и здорового старения. В-пятых, функционального состояния организма в период старения, рисков в реализации потенциала успешности, профилактических программ и мероприятий для эффективного приобщения к здоровому образу жизни на рабочем месте и продлению трудового долголетия, каналов получения информации о показателях собственного здоровья.

Для студентов, аспирантов и преподавателей экономических вузов и факультетов, а также широкого круга читателей, интересующихся вопросами управления персоналом.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ТРУДА / Отв. ред. А. В. Ярашева. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 278 с.

Монография представляет собой результаты анализа активности населения в сфере образования и труда, а также трансформации социально-экономических условий, влияющих на принятие решений при выборе будущей профессии и последующего трудового карьерного пути человека. Экономическая активность человека рассматривается как способ достижения высокого уровня и качества жизни, влияющих на возможности самореализации и удовлетворения потребностей в соответствии с ценностными установками.

Материалы, представленные в монографии, предназначены для научных работников, преподавателей высших учебных заведений, аспирантов и студентов: всех, кто изучает проблемы экономического поведения населения, внешние аспекты и внутренние побудительные мотивы представителей различных слоев общества и отдельных индивидов, результаты принятия решений которых формируют определенную поведенческую модель при получении образования и осуществлении трудовой деятельности.

Иванов О.Б. КОНФЛИКТЫ БОЛЬШОГО ГОРОДА. М.: Родина, 2023. 224 с.

Современный город представляет собой средоточие самых разных конфликтов и противостояний. И чем больше в нем проживает людей, находится предприятий и достопримечательностей, чем сложнее его инфраструктура, тем выше в нем конфликтogenicность. В книге рассмотрено само понятие конфликта, условия его протекания, от зарождения и эскалации до исхода, приведены примеры многих конфликтных ситуаций в городской среде, а также их удачных и неудачных разрешений.

Автор, руководитель Центра урегулирования социальных конфликтов Олег Иванов, уверен: очень важно, чтобы горожане, включая обычных жителей, чиновников, застройщиков, бизнесменов и т.д., не только представляли себе, что существует много способов решения конфликтов и обладали первоначальными навыками ее медиации (досудебного урегулирования споров), но и умели ориентироваться в самих конфликтах, прогнозировать их развитие и справляться с ними.

ГЕНДЕРНАЯ ПАНОРАМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ / Отв. ред. В.Г. Доброхлеб, З.А. Хоткина, М.В. Беликова. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 236 с.

Монография охватывает широкий круг вопросов, связанных с гендерным неравенством в семейной и трудовой сферах, а также гендерную асимметрию в здоровье и демографическом поведении российского населения, гендерные аспекты использования россиянами современных информационно-коммуникационных технологий и др. Источником информации для междисциплинарного гендерного исследования, результаты которого вошли в монографию, стали данные отечественной и международной гендерной статистики, а также материалы из российских и международных документов по теме гендерного равенства и более широкого круга социально-экономических вопросов.

Монография адресована исследователям, аналитикам, преподавателям, аспирантам, студентам, специализирующимся на изучении социально-демографических и гендерных процессов.

Попова О.В., Беялетдинов Р.Р., Попов В.В. БИОСОЦИАЛЬНОСТЬ. ГЕНЕТИЗАЦИЯ. БИОИДЕНТИЧНОСТЬ / Под общ. Ред. О.В. Поповой. М.: NOTA BENE, 2023. 296 с.

В предлагаемой читателю монографии исследуются феномены биосоциализации и генетизации в их влиянии на современное общество на примере создания пациентских групп, фондов, цифровых сообществ как форм гражданской самоорганизации. Не ограничиваясь проблематикой биосоциальности, авторы предприняли попытку объяснить возникновение индивидуальной и коллективной биоидентичностей из последовательной рефлексивной трансформации биологического знания в объяснение социогуманитарных феноменов в междисциплинарных понятиях биоэтики и философии науки. Книга предназначена для специалистов в области философии медицины, биоэтики, студентов, аспирантов и широкого круга читателей, интересующихся философией науки и философской и этическими аспектами развития биотехнологий.

Щеброва С.Я. ВОЙНА И МИР ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ АЛТАЯ. СПб.: Интерсоцис, 2022. 322 с.

В монографии представлены результаты исследования культуры древних кочевников Алтая, или пазырыкской археологической культуры (VI–II вв. до н.э.). Освоение верховой езды в I тыс. до н.э. способствовало переходу степных племен Евразии к кочевому типу хозяйства, результатом которого стали тесные хозяйственно-культурные и социально-политические связи с народами Передней Азии, Древнего Востока, Восточного Средиземноморья, Средней Азии. Культурологическое осмысление уникальных артефактов, сохранившихся в Башадарских, Туэктинских, Пазырыкских и Укокских курганах, позволило определить тип культуры древних кочевников Алтая как военно-кочевой. В ходе семиотического анализа системы статусной маркировки всадника, его оружия и коня, именуемой скифским «звериным стилем», было выявлено ценностно-мотивационное ядро этой культуры, транслирующее практики культуры войны. Структура семиосферы культуры древних кочевников Алтая пронизана военной символикой на уровне кодов (образов), концептов и универсалий, репрезентирующих представления о воинской удаче, доле, судьбе. Эти представления, восходящие к ключевому во всей индоевропейской и индоиранской ритуалистике понятию «фарн», оказывают влияние на поведение людей вплоть до настоящего времени.

Для специалистов и студентов в области социальной антропологии, истории, археологии, культурологии и семиотики, а также для всех интересующихся древней культурой Евразии.

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ МНОГОПОЛЯРНОСТИ. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ В 2022 году / Отв. ред. В.К. Левашов. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 549 с.

В монографии изложены результаты научных исследований, выполненных сотрудниками ИСПИ ФНИСЦ РАН в рамках тематики государственных заданий Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Главным событием 2022 года, определившим социально-политическую ситуацию в стране, стала специальная военная операция РФ на Украине и вызванные ею санкции недружественных стран Запада. В монографии отражены результаты исследований социально-политической и социально-демографической ситуации в стране, проведенных сотрудниками института и касающихся актуальных проблем жизнедеятельности российского гражданского общества и социального государства.

Монография адресована исследователям, аналитикам, преподавателям, аспирантам, студентам, специализирующимся на изучении социально-политических процессов, и социально-демографических процессов, политикам, организаторам и активистам избирательных кампаний, управленческому персоналу.

Ассман А. НОВОЕ НЕДОВОЛЬСТВО МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЙ / Пер. с нем. Б. Хлебникова. 2-е изд. М.: НЛО, 2023. 232 с.

Новая книга немецкого историка и теоретика культурной памяти Алейды Ассман полемизирует с все более усиливающейся в последние годы тенденцией, ставящей под сомнение ценность той мемориальной культуры, которая начиная с 1970–1980-х годов стала доминирующим способом работы с прошлым. Поводом для этого усиливающегося «недовольства» стало превращение травматического прошлого в предмет политического и экономического торга. «Индустрия Холокоста», ожесточенная конкуренция за статус жертвы, болезненная привязанность к чувству вины – наиболее заметные проявления того, как работают современные формы культурной памяти. Частично признавая обоснованность позиции своих оппонентов, Алейда Ассман пытается выстроить такую мемориальную перспективу, в которой ответственность за совершенные преступления, этическая готовность разделить чувство вины и правовые рамки, позволяющие услышать голоса жертв, превращали работу с прошлым в один из важных факторов сознательного движения к будущему.

Чернышев К.А. МИГРАЦИОННЫЕ СВЯЗИ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ КАК РЕГИОНА-ДОНОРА: РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ. М.: Проспект, 2022. 272 с.

В монографии рассматриваются миграционные связи Кировской области как одного из наиболее крупных регионов-доноров в России за период со времени образования региона по 2020 г. Проанализировано миграционное взаимодействие Кировской области с укрупненными регионами на территории России и странами ближнего зарубежья. Проведена оценка миграционных потерь, их роли в сокращении численности населения региона.

Монография предназначена для специалистов в сфере демографии и социально-экономической географии, преподавателей вузов, практических работников органов власти, а также всех интересующихся вопросами демографического развития Кировской области.

Подготовила Э.К. БИЙЖАНОВА

In memoriam

КРУХМАЛЕВ АЛЕКСАНДР ЕГОРОВИЧ

(25.06.1937–10.06.2023)

На 86 году ушел из жизни специалист в области социальной философии и социологии, доктор философских наук, профессор Александр Егорович Крухмалев.

Александр Егорович родился в с. Зинаидино Белгородской области. В 1959 г. окончил исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, аспирантуру философского факультета МГУ в 1967 г. Кандидатская диссертация посвящена коллективу промышленного предприятия, докторская (1984) – проблемам рабочего класса и его роли в обществе.

Работал учителем сельской школы, преподавателем Курского пединститута. В 1968 г. начал трудовой путь в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС с должности младшего научного сотрудника, дойдя до заведующего аспирантурой. Был научным редактором в журнале «Вопросы истории КПСС». В 1992 г. перешел в департамент по делам печати и информации правительства Москвы, совмещая должность доцента в МИРЭА. С 1993 г. – заведующий кафедрой Московской государственной академии печати, с 1994 г. – в Миннац РФ, Государственной думе РФ. С 1998 по 2012 г. – работа в редакции журнала «Социологические исследования».

В сфере научных интересов Крухмалева находились такие направления исследований, как социальные отношения, социальная структура, социально-демографические группы, этносы, политические процессы, образование. В работах 1960-х гг. исследовал социальные аспекты функционирования производственных коллективов, разработал понятие «социальный климат» для характеристики отношений внутри персонала предприятия, обобщал первый опыт социального планирования. В 1970–1980-е гг. проанализировал взаимоотношения социальных групп советского общества, проблемы и противоречия развития соц. структуры, положения и роли рабочего класса, его внутриклассовых изменений под влиянием научно-технического прогресса, коллизий, вызванных новыми запросами рабочих и не соответствующими им условиями повседневной жизни. В 1990-е гг. участвовал в разработке проблем национальной и региональной политики, в частности уточнения характеристик «депрессивных» территорий. Анализировал особенности политической трансформации общества, специфики российской плутократии. А.Е. Крухмалев является автором свыше 240 работ. Инициировал выпуск сборника «Социология образования перед новыми проблемами» (2003).

По приглашению Ж.Т. Тощенко в 1998 г. пришел на работу в журнал «Социологические исследования». Они учились на одном факультете, по воспоминаниям Жана Терентьевича, Александр Егорович всегда выделялся среди студентов, был в комсомольском активе. И в смутное время с радостью принял предложение. Был заведующим отделом, членом редколлегии журнала. Он вел рубрики по социологии образования, этносоциологии, социальной структуре.

Александр Егорович был приветливым, душевным человеком. Он любил вспоминать свое сельское прошлое (и поддерживал связь с земляками), свою работу в школе, принадлежность к целинникам (в студенческие годы его курс направили на целину в Казахстан). У него можно было почерпнуть сочетание точности в работе с текстами и доброжелательности в общении с авторами. Проработав в Институте марксизма-ленинизма четверть века, он не был закомплексованным на марксистской догме, был открыт новому. Его любимой темой в научной сфере было состояние российского образования, в этой заинтересованности проявлялась и его гражданская позиция, боль за неудачи в этой сфере. Но помимо прекрасных профессиональных качеств нам помнятся проявления его творческого духа, и прежде всего шуточные вирши по разным поводам, которые ценились на редакционных посиделках. Мы всегда вспоминали об этом в дни, когда он заглядывал в редакцию уже после того, как ушел из нее, – эти визиты были согреты его улыбчивостью и искренним теплом. Светлая память нашему коллеге!

Коллектив редакции

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2023 No. 7

CONTENTS

THEORY. METHODOLOGY

- 3 TURNER S. Progress in sociology? (transl. by N.V. Romanovsky)

DEMOGRAPHY. MIGRATION

- 17 ENDRYUSHKO A.A. Marriage Choice of Immigrants in Russia:
Main Characteristics and Relationship with Integration
- 31 ARGUNOVA E.V. Dynamics of Reproductive Attitudes of Adult Fertile Women in St. Petersburg
(2011–2021)

SOCIAL POLISY. SOCIAL STUCTURE

- 40 SMOLEVA E.O. Socio-psychological state of the Vologda region population in crisis periods:
socio-structural characteristics
- 53 PLUTOV L.E., RUSAKOVA M.M., GUZEVA D.V. Digitalization of Psychological Help:
Factors and Trends (the case of St. Petersburg)

SOCIOLOGY OF CHILDHOOD

- 63 SAVINSKAYA O.B. Development Vectors of Interviewing Children: Inclusion, Trust, Agency
- 75 BESSCHETNOVA O.V., MAYOROVA-SCHEGLOVA S.N. The Social Role Mastering of the Patient
during Childhood
- 84 SPIRKINA A.K. "Silence Game" as a Form of Social Interaction

SOCIOLOGY OF YOUTH

- 93 NARTOVA N.A. Individual and Generational Futures in the Urban Youth Narratives
in St. Petersburg
- 105 ANDREEVA A.S. Three Dimensions of Adulthood: Freedom, Responsibility, and Care

HISTORICAL SOCIOLOGY

- 117 RIAZANOVA S.V., MITROFANOVA A.V. Corrective Labor Colony 'Perm-36' in the Memory
of Neighbouring Villages Residents

FACTS. COMMENTS. NOTES

- 127 REN RAN. "Fighting Nation" – National Image of Russia in China
- 133 VASSALATIY Zh.V., VERKHOTUROVA S.V., LOSEV S.G. Legal Consciousness of Youth Students
(on the example of the Tyumen city)
- 142 SEKICKI-PAVLENKO O.O. Russians' Assessment of Demographic Policy Measures in the Field
of Fertility

ACADEMIC EVENTS

- 148 KARAPETYAN R.V., TARANDO E.E. From the Labor Market to the Employment Market:
a New Reality
- 151 BOCHAROV V.Yu., KLIMOVA S.G. Innovative Resources and Trajectories of Russian Employees
in Modern Conditions

- 154 BIYZHANOVA E.K. Universal Basic Income as a Tool to Combat Inequality in Modern Russia
158 PRONINA E.I. Education and Labor Market
161 TANATOVA D.K., KHAIRULLINA N.G. XXVIII Sociological Readings in RSSU

REFLECTING ON A NEW BOOK

- 164 RAZUMOV A.A. Living Standards and Quality of Life of Population in Russia: the New Turns of Scientific Research

BOOKS IN BRIEF

IN MEMORIAM

- 174 A.E. Krukhmalev

CONTENTS

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)